

Аверьянов Л.Я.
“Хрестоматия по психологии”

Джон Бродес Уотсон ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА О ПОВЕДЕНИИ
Абрахам Гарольд Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ
Виктор Франкл ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА
Гордон Виллард Олпорт ЛИЧНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ
Карен Хорни КУЛЬТУРА И НЕВРОЗ
Эрих Фромм ПСИХОАНАЛИЗ И ЭТИКА
У. ДЖЕМС Личность
И.С. Кон Проблема "Я" в психологии
Г. М. Андреева ОБЩЕНИЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
А. Добрович СИСТЕМАТИКА ОБЩЕНИЯ
Н. Н. Обозов СИМПАТИИ И ПРИТЯЖЕНИЕ
И. Атватер НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ
В.М. Бехтерев ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
С.Л. Рубинштейн О ЛИЧНОСТНОМ ПОДХОДЕ
В.Н. Мясищев ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТАХ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ
А.Н. Леонтьев ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ
А.В. Петровский ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИИ
Д.Н. Узнадзе УСТАНОВКА У ЧЕЛОВЕКА. ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВАЦИИ

Джон Бродес Уотсон

ПСИХОЛОГИЯ
КАК НАУКА О ПОВЕДЕНИИ¹

А. Систематическое изменение личности

Возможная помощь со стороны механики. Неоднократно в нашем изложении мы противопоставляли реакции частей — реакциям индивида в целом. Чтобы осветить это полнее, полезно, может быть, обратиться к миру механики, по меньшей мере, за некоторой аналогией. Морской газовый двигатель построен из большого числа частей — таких, например, как карбюратор, насос, магнето, система клапанов, цилиндры с их поршнями и кольцами, шатунами и т. д. Отдельные тесты каждой части могут показать, что она функционирует отлично, когда работает отдельно. Но кроме отдельных частей существует еще много передаточных элементов. Части не могут хорошо работать, если поверхности подшипников не имеют должной величины; магнето должно давать искру точно в момент наибольшего сжатия; система смазки и система насоса должны быть правильно

¹ Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. — М.: 000 “Издательство АСТ—ЛТД”, 1998. — С. 645—650, 663—672.

соединены с какой-нибудь частью, приводимой в движение коленчатым валом. Если все части не соединены между собой надлежащим образом и не отрегулированы, то двигатель как целое не сможет выполнять свою функцию, т. е. вращать винт.

Когда мы говорим о действии индивида как целого, мы при этом подразумеваем нечто аналогичное. Но надо иметь в виду, что человеческому существу приходится выполнять не одну функцию, а тысячи их, и что приспособления частей должны видоизменяться для каждой новой службы, если только работа целого организма должна быть производительной. Только хорошо построенный биологически организм, надлежащим образом тренированный, может соответствовать этим требованиям. Ни одно из построенных до сих пор механических изобретений не приближается к человеческому организму по многообразию возможных функций и быстроте, с которой координации отдельных функций могут перераспределяться для каждой новой службы машины как некоего целого.

Интересно продвинуть нашу возможную аналогию еще на шаг дальше. Если мы достаточно хорошо знаем части какой-нибудь механической конструкции, природу ее передаточных систем и различные независимые функции, то мы спокойно можем сделать предсказания относительно того, как она будет работать при новых условиях или перечислить те изменения, которые нужно произвести в конструкции для того, чтобы вся система выполняла какую-нибудь новую функцию. Например, в случае нашего двигателя, нам известно, что он годен для большой скорости и короткого пробега. Такие-то и такие-то изменения придется сделать, если им хотят пользоваться для средней работы или заставить тянуть тяжелый груз. Мы знаем далее, что с теми системами смазки и охлаждения, как они имеются сейчас, он не будет работать в очень холодном климате, и что при применяемой сейчас системе сгорания им нельзя пользоваться там, где давление кислорода низко, что тяжелое горючее, как керосин или неочищенная нефть, не будут в нем сгорать, что в пресной воде он будет работать неопределенно долго, но что придется сделать некоторые части из бронзы, если хотят, чтобы он гладко работал в морской воде в течение продолжительного времени.

Эта помощь со стороны механики должна бы дать нам более ясное понятие о реакции целого и частей и возможности, на основании наших данных об отдельных частях и наших записей о работе аппарата как целого, сделать вывод о том, как будет работать аппарат при новых условиях и какие изменения необходимо внести в части или их взаимную связь, чтобы он мог выполнять новую функцию.

Практическое применение выводов о личности. В большем или меньшем масштабе нам постоянно приходится иметь дело с индивидами в новых положениях. Зная частичные реакции индивидов и то, как они функционировали в целом при прошлых положениях, мы имеем возможность сделать законные выводы о том, как они будут действовать при столкновении с новым положением. Изучение личности в той или иной форме существенно для каждого вида общественной жизни. Все мы

ежедневно в своей жизни сталкиваемся с проблемами личности. Мы становимся лицом к лицу с серьезными проблемами личности, когда нам приходится высказать суждение по поводу выбора нашим ребенком товарища для игр, избрать компаньона на всю жизнь в предприятие или для университетской работы, приступить к изучению и новой тренировке какого-либо индивида, личность которого больна или извращена. При менее серьезных обстоятельствах мы сталкиваемся с этой проблемой, когда помещаем двух людей вместе за обедом, или составляем список гостей для партии бриджа, или даже сводя вместе двух наших близких друзей. Умные хозяйки очень хорошо понимают общественную сторону проблемы, но они скажут вам, что их успех вызывается не каким-либо особым вдохновением с их стороны, а тем обстоятельством, что они изучают интимные подробности жизни их друзей и хорошо о них осведомлены.

Путаница в представлении о личности. Хотя каждый согласился бы с тем, что факторы, которые мы сейчас обсудили, составляют часть изучения личности, все же многие считали бы, что такой простой способ рассмотрения личности не выражает всей истины. Они утверждали бы, что она включает все эти стороны, но кроме того и еще “нечто”. Если спросят, что такое это самое “нечто”, то никакого прямого ответа не будет дано. Вместо рабочего определения термина будут применены разные качественные прилагательные: “я подразумеваю, что его личность подавляющая и покоряющая”, “что в нем есть что-то магнетическое”, “что он увлекателен или обворожителен”, “внушает внимание или почтение”, “его личность напоминает собою комнату”. Такой способ понятен. Преобладают два элемента. Не вдаваясь в них слишком глубоко, мы можем сначала коротко установить, что такой тип описания построен на основе детских и юношеских реакций на авторитет. Во время детства и юношества отец, а также врач, представитель культа и т. д. представляют авторитет. Когда они говорят, должно быть быстрое и молчаливое послушание. Ребенок ввергается в эмоциональное состояние и бежит исполнять приказание. Такая склонность реагировать на авторитет никогда не теряется вполне и вновь и вновь появляется в наших реакциях по отношению к некоторым индивидам в наших деловых и общественных кругах. Поэтому в дальнейшей жизни те ораторы и компаньоны, которые вновь возбуждают следы реакции на старое авторитетное положение, являются такими индивидами, которых мы определили бы как сильные личности.

Второй элемент, лежащий в основе суждений о личности в таком популярном смысле, — это половой или эмоциональный, причем пол понимается здесь не в популярном смысле, а в современном, психопатологическом. Если этот элемент является наиболее сильным, т. е. если оратор или компаньон (стимул) вызывает такие склонности к положительным реакциям, то популярная характеристика облекается в

несколько отличные слова. Мужчина или женщина — личности “привлекательные”, “обаятельные” или “захватывающие”.

Дружба начинается почти мгновенно, преимущественно на основе этого элемента. Следует напомнить, что, придерживаясь современного толкования, этот род реактивной наклонности возбуждается не только лицами другого пола, но и того же самого пола. Автор, проделав статистический анализ факторов, участвующих в возникновении дружбы, нашел, что на первом месте оказался элемент правдивости, а на втором — верности. Это, конечно, условно правильный ответ, и полученное распределение элементов таково, как его можно было бы ожидать в пестрой массе.

Если опросный лист опрашивал о других важных элементах, то видное место занимали такие, как симпатия, духовное родство и т. п. Обычно отвечали положительно на следующий вопрос: “решаете ли вы сейчас же, как только сталкиваетесь с данным лицом, что имеется основа для дружбы?” Величайшие затруднения испытывали те, которые пытались произвести анализ. До того в жизни им не приходилось выражать этот фактор в словах. Мы сталкиваемся с тем же затруднением при попытке ответить на вопрос, почему мужчины любят своих жен, а женщины — мужей или родители — своих детей. Выдвигаются причины из области условностей. Более глубокие причины лежат ниже уровня организованных слов, в неразгаданных (невыраженных словами) эмоционально инстинктивных и принадлежащих ранним навыкам склонностях. Это и есть причина, почему так трудно добиться того, чтобы люди разумно высказали, что они подразумевают под личностью.

Сочинения, которые мы имеем из рук многих научных писателей о “Я”, о личности и характере дают немногим лучшую основу для работы. Почти всякий психолог и медицинский писатель имеет на фоне своей ранней тренировки известные религиозные или метафизические предпосылки. Он не находит способа вплести их в недвусмысленное научное обсуждение инстинкта, эмоции и навыка.

Поэтому он выдвигает их в заключительном обсуждении “Я” и личности, где задачи обыкновенно не так отчетливо разработаны и поставлены. Опять-таки в сочинениях ученых мы также встречаем ранние реакции на авторитет. Это сказывается в нежелании допустить, что индивид имеет внутри себя все факторы, определяющие действие. Считают необходимым ввести для обоснования “Я” или личности, если не открыто, то хотя бы скрытым образом, какое-то ядро, какую-то сердцевину или сущность, которые не поддаются анализу, которые не могут быть выражены посредством ясных факторов наследственных и приобретенных реакций и их объединений. Это через всю историю философии иллюстрирует “дух” Беркли (Berkley), “сознание” и “Я” современных писателей психологов и “бессознательной” фрейдистских мистиков.

Представление о личности в науке о поведении и в здравом смысле. По-видимому, мы опять дошли до такого пункта в психологии, когда прогресс может быть достигнут наиболее быстро тем, что мы отбросим все эти туманные представления о личности и начнем с предпосылок, которые доставят нам полезные и практические результаты, укладываемые в обычные понятия научного языка. Будем подразумевать под термином “личность” все то, чем обладает индивид (в действительности или в потенции), и его возможности (действительные или потенциальные) в отношении реакций. Под тем, чем он обладает, мы подразумеваем, во-первых, общую массу его организованных навыков, социализированные и урегулированные инстинкты, социализированные и умеренные эмоции и сочетания и взаимоотношения этих последних и, во-вторых, высокие коэффициенты как пластичности (способности образования новых навыков и видоизменения старых), так и способности удержания (готовность установления навыков функционировать после периода непользования ими). Рассматриваемый с другой точки зрения актив его — это та часть снаряжения индивида, которая служит его приспособлению и равновесию в настоящей среде и также потенциальные или возможные факторы, которые подготовили бы его подъем для того, чтобы справиться с изменившейся средой. Выражаясь подробнее, мы подразумеваем, что можем перечислить причины его настоящей неприспособленности в таких терминах, как “недостаточность навыков”, “отсутствие общественных инстинктов” (инстинкт, не измененный навыком), “бурность эмоции” или “недостаток или отсутствие эмоций”, и что мы можем заключить, что с его настоящим снаряжением и пластичностью индивид не в состоянии достигнуть удовлетворительного приспособления ни к настоящей обстановке ни, может быть, к какой-нибудь другой.

В том случае, когда его потенциальный актив достаточен, мы можем перечислить и начать запечатление тех факторов, которые будут пригодны для его приспособления.

Этот способ рассматривания личности требует как будто нормы для приспособленности и как будто предполагает, что такая норма действительно существует. Норма, которой мы пользуемся в настоящее время, носит практический характер и основана на здравом смысле. На практике мы в нашей обыденной жизни берем индивидов, с которыми знакомы, и отмечаем существенные факторы, на основании которых они могут занимать то место, которое занимают в социальной и общественной жизни. Чем лучше мы подготовлены, тем точнее мы можем отметить эти факторы. Вопрос о том, будем ли мы когда-либо иметь научные и точные нормы, может не занимать нас в настоящий момент.

В. Нарушение навыка и действие его на личность

Введение. За последние годы все более приобретает почву мнение, что многие из болезней, которым подвержена личность, вызываются скорее недостатками и несовершенством со стороны поведения, чем каким-либо пороком в органическом механизме. Как мы уже отмечали, отдельные органы тела, — сердце, легкие, желудок, — могут все функционировать правильно, и все же приспособление человеческой машины как целого будет плохим и неадекватным. Отдельные анатомические и функциональные элементы налицо, а объединение их плохое. Мы видим все переходы такого отсутствия объединения, начиная с нормального индивида, который колеблется над некоторыми словами при тестах на ассоциацию, и до истерического индивида в клинике, утратившего способность пользоваться руками, ногами и зрением².

Ограничиваясь лишь кратким и беглым обзором области болезненных изменений личности и их причин, которые относятся преимущественно к психиатрии, остановимся на минуту на некоторых примерах, взятых из лабораторных исследований, в которых механизмы навыка выводятся экспериментально из строя, и затем изучим некоторые из обобщений, которые были сделаны относительно действий, производимых нарушением навыка на личность в обыденной жизни. Поводом для того, чтобы затронуть вопрос о болезненных изменениях личности, служит отсутствие совершенного равновесия личности у какого-либо человеческого существа, как это можно видеть из предыдущей части этой главы. Все мы являемся на практике продуктами нашей тренировки и наследственности. Поэтому некоторое углубление в факторы, лежащие в основе нарушения личности, кажется необходимой частью даже самой элементарной тренировки.

Временное нарушение навыка, вызванное экспериментально.

Несколько лет тому назад Стрэттон (Stratton) произвел очень интересную серию экспериментов с целью испытать действие выведения из строя зрительно-двигательной реакции, которое производилось посредством линз, призм и зеркал, поставленных перед глазами. Например, в одном эксперименте одно зеркало помещали горизонтально над головой испытуемого и одно малое зеркало перед глазами так, чтобы на него падала отраженная от горизонтального зеркала картина. Изображение тела становилось, таким образом, горизонтальным вместо вертикального. Так как взято было два зеркала, то не было обращения правой стороны в левую, как в случае одного зеркала. “Наблюдателю приходилось, таким образом, смотреть на самого себя с точки зрения, помещенной как будто выше его

² Мы при этом обсуждении нарушений навыка предполагаем, что органическая машина работает правильно в том смысле, что нет потери частей, повреждений или отравлений, обнаруживаемых химическим или клиническим тестом.

собственной головы. Поле зрения включало все тело и ограниченную область вокруг”.

Эксперимент продолжался в течение трех дней. Когда зеркала не ставились, то глаза завязывались. Это сооружение вывело, конечно, все правильные навыки из сцепления. При этом наблюдалось головокружение, потеря равновесия и заметное топание ногами и нащупывание руками, а также отсутствие точной координации. Предметы, которые можно было легко достать, хватались так, как если бы они находились на гораздо большем расстоянии. Процесс восстановления зрительного приспособления начался почти сразу и быстро продвигался вперед. К концу третьего дня, хотя иногда и наступало головокружение, движения происходили все же свободно и точно. Другими словами, новая система навыков установилась на месте старой. Эксперимент не был продолжен настолько, чтобы испытуемый мог освоиться с этой новой системой зрительных образов так же, как со старой.

То же самое явление наблюдалось и тогда, когда линзы помещались таким образом, когда все видимые предметы казались перевернутыми. Хожение и движение рук при открытых глазах были крайне неуклюжи и полны неожиданностей. Естественно, что когда испытуемый реагировал на предметы с зарытыми глазами, то старые навыки вновь самоутверждались и реакции производились правильно. “Конечность обыкновенно начинала двигаться в направлении, противоположном тому, которое в действительности требовалось. Когда я замечал предмет около одной из своих рук и пытался схватить его этой рукой, то приводил в движение другую руку. Тогда я усматривал ошибку и попыткой, наблюдением и исправлением добивался наконец желаемого действия”. Опять так же, как и в первом тесте, устанавливались новые системы навыков, и реакции на видимые предметы окружающей среды становились нормальными. Очень интересен один пункт в этих экспериментах, а именно тот факт, что в момент, когда убирались линзы или зеркала, испытуемый возвращался к своей старой системе реакций почти без нарушений. Нарушающий фактор действовал недостаточно долго для того, чтобы испытуемый реагировал иначе, чем другие люди, после того как была изменена окружающая обстановка. В позднейшем эксперименте тесты продолжались более долгое время. В этом третьем эксперименте взаимоотношения правой и левой стороны зрительных предметов были опять перевернуты. Стрэттон описывает свое собственное поведение следующим образом.

“Почти все движения, производившиеся под непосредственным руководством зрения, осуществлялись с трудностями и препятствиями. Постоянно выполнялись неподходящие движения; например, я хотел передвинуть свою руку с одного места в поле зрения на другое место, которое я выбрал, но те сокращения мускулов, которые произвели бы это, если бы существовало нормальное зрительное расположение, теперь влекли

бы другую руку в совершенно другое место. Тогда движение прекращалось, начиналось вновь в другом направлении и наконец, после серии приближений и поправок, приводило к намеченной цели. За столом пришлось осторожно вырабатывать самые простые действия, чтобы себя обслуживать. Я постоянно пользовался не той рукой, когда нужно было взять что-нибудь, лежащее сбоку”.

На пятый день за утренним завтраком (линзы были надеты) редко применялась несоответствующая рука для того, чтобы взять предмет, лежащий по одну сторону. Движения сами по себе стали легче и менее прихотливыми и редко производились в совершенно ложном направлении. При хождении испытуемый не так часто натыкался на предметы. На седьмой день практически все зрительные реакции стали совершенными, хотя иногда появлялись какие-то конфликты. При удалении стекол на восьмой день намечалось некоторое нарушение, продолжавшееся в течение этого дня и на следующее утро. “Направляясь на какое-нибудь препятствие, стоящее на полу в комнате — стул, например, — я поворачивался в неправильном направлении, когда хотел избежать его; так что часто я, стараясь обойти вещь, как раз натыкался на нее или колебался на момент, в недоумении, не зная, что делать. Неоднократно я оказывался в затруднении, какой рукой воспользоваться, чтобы схватить ручку двери, находящуюся сбоку от меня. Из двух расположенных рядом дверей, ведущих в разные комнаты, я покушался открыть не ту, которую следовало. Приближаясь к ступеньке, я заносил ногу вверх, находясь еще на расстоянии 30 см от нее, а при записывании своих заметок в это время я постоянно делал неправильные движения головой, пытаюсь сохранить поле своего зрения около той точки, где я писал. Я поднимал голову вверх, когда надо было ее опустить; я двигал ею влево, когда надо было сделать это вправо”. Если бы судили о нормальности поведения Стрэттона во время первого дня по удалении стекол, то при поверхностном изучении только его реакций, не зная о причинах неправильного приспособления, вывели бы очень неправильные заключения относительно отсутствия у него равновесия и его общих условий. Зрительные реакции были, несомненно, весьма “несоответствующими действительности”, но нарушающие факторы действовали недостаточно долго, а кроме того, не при такого рода эмоциональных условиях, чтобы вовлечь и остальные его неорганизованные реакции.

Конечно, очень трудно в случае нормального взрослого, навыки и эмоциональные реакции которого очень устойчивы, вызвать какие-либо серьезные и сохраняющиеся воздействия на личность введением временных нарушающих факторов. В случае невротического индивида даже временные факторы, включающие эмоции, могут понизить сумму организованных систем реакций до уровня младенца, как это прекрасно подтверждается в случаях потрясения от звонка.

Во время младенчества и юношества нарушающие факторы среды вызывают самые серьезные и длительные последствия.

Исключение и восстановление систем реакций. Во время всего процесса развития человека от младенчества и до старости, но преимущественно в юности, происходит не только процесс приобретения навыков и модификации наследственных реакций, но также и столь же важный процесс устранения систем реакций, работающих только до определенного возраста. Старые ситуации уступают место новым, и по мере изменения ситуаций старые способы реакций должны бы отбрасываться и образовываться новые. Ни один нормальный младенец после нескольких месяцев ходьбы не возвращается к своим навыкам ползания, и старший ребенок не выкажет своего старого организованного поведения по отношению к своим кубикам и игрушкам после того, как он научился пользоваться инструментами. Навыки, усвоенные в прошлом году, просто не будут работать в следующем году. Это так же верно по отношению к нашей общественной деятельности, как и к нашим обыденным реакциям на предметы. Друзья наших зрелых лет, как правило, не те, кто были нашими друзьями в детстве и отрочестве. Отбрасывание — это процесс не активный, а вызванный почти исключительно тем фактом, что вместе с возрастом изменяется общественная и физическая среда, и должны усваиваться новые навыки, если индивидуум должен оставаться приспособленным по отношению к меняющимся условиям. Несомненно, что полнота, с которой исключаются старые, неработающие уже навыки и связанные с ними эмоциональные факторы при столкновении с новым положением, чрезвычайно видоизменяет тип личности, в которую развивается каждый индивидуум. Если индивидуум постоянно сталкивается с новыми ситуациями, с которыми может справиться, как это бывает в нормальных случаях, и если системы реакций, которые он перерастает, не были слишком проникнуты дурной средой, то старый порядок уступает место новому без ранений и без появления разрушающих факторов; но там, где имеется дурная наследственность, болезненность в детстве и излишняя снисходительность и беззаботность родителей, новый порядок навыков усваивается с самыми большими затруднениями. Индивид тогда остается связанным своим прошлым. Может быть, никто из нас не проходит неповрежденным через стадии детства и отрочества. Если взрослый вновь сталкивается с ранними положениями, то они могут не вызвать открытых младенческих реакций, но они и не теряют вполне своей способности встряхнуть старую эмоциональную деятельность. Самые убедительные подтверждения для этого взгляда доставляет психопатология, но и повседневная жизнь дает также убедительные указания. Очень многие индивиды сохраняют внутри непроницаемые отделения, наполненные старыми системами реакций, которые противостоят бурям и давлению зрелого возраста. Ранняя религиозная и общественная подготовка

видоизменяются с трудом или совсем не меняются. Способы говорить и мыслить о вещах, заученных на коленях матери, остаются иногда неизменными до горького конца. На новые положения невозможно правильно реагировать, пока не произойдет видоизменение — старые навыки не будут работать в новой среде, но в то же время не захотят уступить место новым. Индивидуум остается, таким образом, в постоянно неприспособленном состоянии. Несколько иллюстраций могут помочь в понимании того, как возникают перекрещивающиеся наклонности, и как они влияют на личность. Один индивидуум потому становится психологом, несмотря на свой сильный интерес к медицине, что в свое время ему было легче получить тренировку по линии психологии. Другой идет по деловой карьере, тогда как, если бы это было возможно, он стал бы драматургом. Иногда, считаясь с необходимостью заботиться о матери или о младших братьях и сестрах, молодой человек не может жениться, хотя половой инстинкт нормален. Такой ход действий необходимо оставляет на своем пути неосуществившиеся импульсы. Или же молодой человек женится и обзаводится домом, когда зрелые размышления обнаружили бы, что его карьера продвигалась бы гораздо быстрее, не будь он обременен семьей. Другой индивидуум женился и, не выражая в словах, даже и самому себе, что его брак — ошибка, он постепенно исключает всякое эмоциональное проявление, защищает себя от состояния в браке, подменяя естественные домашние связи какого-либо рода увлекательной работой, а много чаще — пристрастиями, увлечением быстрым движением и различного рода эксцессами. В связи с этим интересно отметить, как быстро женщины набросились на все виды работы во время последней войны. Женщины при современном состоянии общества не имеют одинакового, по сравнению с мужчинами, доступа к захватывающим типам работы, поэтому шансы вырасти из своего отрочества для них более ограничены, чем для мужчин. Если мы правы в этом анализе, то мы никогда не можем вполне избавиться от этих неосуществленных наклонностей делать другие вещи, а не те, которые мы делаем, и не можем никогда от них избавиться, поскольку мы не в состоянии перестроить самих себя. Эти неурегулированности появляются, как только сняты тормоза, т. е. во всех тех случаях, когда наши взрослые навыки речи и действия функционируют на низком уровне, как во сне, в мечтаниях и при эмоциональных расстройствах. По этой причине сновидения, а также ошибки и случайности обыденной жизни приобретают значение для изучения личности.

Развитие многих из этих задержанных наклонностей, но не всех, может быть прослежено до детства или отрочества, представляющих собой период напряжения и возбуждения. Мы часто видим, что в детстве мальчик реагирует на свою мать в некоторых отношениях так же, как и на своего отца. Девочка также сильно привязывается к отцу и реагирует на него так, как реагировала бы при известных обстоятельствах ее мать. Эти

наклонности, с точки зрения популярной нравственности, совершенно “невинны”. Но, по мере того как дети становятся старше, они из того или другого источника узнают, что подобные способы “реагирования” либо “неправильны”, либо не приняты; тогда необходим процесс исключения и замещения. Замещение или подмены часто весьма несовершенны. Слова апостола: “когда мы становимся мужчинами, мы отбрасываем детские дела” были написаны задолго до развития современной психологии. Мы их не отбрасываем, мы их замечаем, но они никогда не теряют вполне свою импульсивную силу. Родители, которые обнаруживают преувеличенные эмоциональные реакции в отношении своих детей, слишком много нежничая с ними, часто поощряют такие реакции и затрудняют нормальные замещения. В дальнейшей жизни старые системы навыков обнаруживают себя сами открытым образом. Иногда мы можем встретить молодого человека, мать которого умерла и который находит мало привлекательности в девушках, с которыми он встречается. Он сам не может привести никакой причины для этого равнодушия и, может быть, рассердился бы, если бы ему изложили правильное объяснение. Подобным же образом взрослые могут слишком сильно привязываться к детям. Это часто можно видеть в случае женщины, муж которой умер, оставив ее с единственным сыном. Сын замещает отца, и ее реакции, которые она считает вполне естественными для преданной матери, быстро принимают известные черты того, как она относилась бы к своему мужу.

Эти иллюстрации были выбраны из сферы нормальной жизни. Они дают нам представление о характере и личности индивида. Они показывают нам, что, для того чтобы понять слабости и сильные стороны какого-нибудь лица, мы должны иметь больше, чем только поверхностное знакомство с ним. Характер и личность не складываются в одну ночь и не растут, как грибы. В итоге мы можем сделать следующее обобщение: юношеские изжитые и частично обобщенные навыки и система инстинктивных реакций могут влиять и, может быть, всегда влияют на функционирование наших зрелых систем реакций и влияют, до известной степени, даже на возможность образования нами новых систем навыков, которые — как можно разумно предполагать — мы должны образовать.

Психопатологическая сторона извращения навыков. В качестве психологов, изучающих нормальное поведение, мы лишь настолько вдадимся в царство психопатологии, чтобы можно было проследить связи между вышерассмотренным извращением навыка и представлением психиатра о том, что он называет “душевным заболеванием”. Как хорошо известно, современные психопатологи обнаруживают все возрастающую тенденцию порвать с представлением патологов о болезни у тех пациентов, которые страдают болезненным изменением личности. Когда патолог и физиолог посещают психиатрический госпиталь, то они склонны искать адекватное объяснение состояния пациента в терминах “повреждения

мозговых клеток”, “заражения”, “отравления” и т. п. Для многих из них, как и для постороннего человека, кажется невозможным представить себе, что исчерпывающий отчет о болезни пациента с причинной точки зрения может быть дан, не прибегая к патологии, физиологии или к медицинской химии. Многие считают, что в таких случаях (чисто функциональных случаях) неврологические и химические тесты необходимо должны обнаружить некоторые отклонения от нормы, а если не удастся обнаружить никакого органического расстройства, то они настаивают на том, что подобные изменения все же существуют, но что они носят настолько тонкий характер, что ускользают от наблюдения. Возможно, что подобный взгляд находит подтверждение во многих случаях, но нарастает убеждение в том, что нет необходимости в нахождении органических повреждений для объяснения подобных фактов и что если они и найдены, то они не непременно оказываются важными факторами. Другими словами, мы можем иметь больную личность на основе извращения навыка — извращения, доведенного до такой степени, когда компенсирующие навыки (полезные навыки) недостаточны для того, чтобы поддержать индивида в обществе. Он не находится в контакте со своей средой, и если только ему не будет оказано помощи, то он почти наверное погибнет вследствие конкуренции. Как мы уже отметили выше, нарушения навыка могут начаться, а часто и начинаются с младенчества. Снисходительная мать поощряет своего ребенка, позволяет ему есть все, что ему нравится, играть с тем, что только он спросит, не выказывает своего авторитета над ним, все делает за него и даже предупреждает его просьбы. При таком режиме ходьба и разговор отсрочиваются. Он прибегает к плачу; вою, толчкам и крику, когда желания его отклоняются. Мальчиком его балуют и портят. За него заступаются всегда, когда другие мальчики пытаются нанести ему удары, которые его выправили бы. Его не заставляют учиться, его не учат работать, зарабатывать добавочные деньги или брать на себя долю ответственности. Недостаточно рано обращают внимание на ложь и обман. Ему не внушают, что он должен нести нормальную нагрузку и ответственность за свои поступки. До тех пор пока сохраняется старая, благоприятствующая ему обстановка, он держится на поверхности, но когда наступает кризис и когда ему приходится сталкиваться с миром, не встречая помощи со стороны, то он оказывается лишенным данных, которые помогли бы ему удержаться. Снаряжение его неадекватно. Мир полон таких плавающих обломков, многие из которых, благодаря благоприятной обстановке, никогда не попадают в психиатрическую клинику. Война дала несколько интересных случаев. Один, может быть, следовало бы привести. В призыв попал мужчина тридцати пяти лет, крепкого сложения. Отца он лишился во время своего младенчества. Мать была вне себя и ходатайствовала перед конгрессом и непосредственно перед президентом об освобождении сына от службы, так как он “ее дитя” и ей приходилось спать с ним каждую ночь со

времени его рождения. Пока тридцатипятилетнее дитя было дома, мать тщательно следила за собой и была, в общем, бодрой и жизнерадостной. После того как сын вступил в армию, она становилась все более и более небрежной и впадала в отчаяние. Она обладала некоторым состоянием и влиянием, и ей удалось наконец добиться освобождения сына, после чего счастливые отношения возобновились. Вряд ли можно сомневаться в том, что дальнейшие шесть месяцев жизни без сына привели бы мать в клинику. Оба эти индивида страдают болезнями личности, настолько же разрушительными, как туберкулез или рак. Но бесплодно было бы искать здесь органического расстройства. Душевное состояние этих индивидов объясняется теми видами приспособлений, которые никогда ими не отбрасывались в нормальное время. Доказательством того, что болезненные изменения личности происходят вследствие затянувшихся осложнений в поведении, а не вследствие органических расстройств, служат многочисленные случаи, когда в новой и подходящей среде старые реакции ниспровергаются и на их место заступают новые. Индивид переделан с точки зрения реакций и занимает свое нормальное место в обществе. Новая тренировка (“лечение”) хотя и труднее, однако нисколько не таинственней и не чудесней, чем обучение младенца хватанию леденца или отдергиванию руки от пламени свечи.

Абрахам Гарольд Маслоу

МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ³

Эффективное восприятие реальности и комфортные взаимоотношения с реальностью

Первое, на что обращаешь внимание, общаясь с самоактуализированным человеком, так это на его поразительную способность распознавать малейшее проявление лжи, фальши или неискренности. Оценки этих людей удивительно точны. Неформализованный эксперимент, в котором принимали участие студенты колледжа, выявил одну отчетливо выраженную тенденцию: студенты, имевшие высокие показатели по тесту базисной безопасности (т. е. здоровые студенты), оценивали своих преподавателей гораздо более точно и верно, чем студенты, имевшие низкие показатели по этому тесту.

По ходу исследования я все больше убеждался в том, что такого рода эффективность восприятия, обнаруженная поначалу только в сфере взаимоотношений с людьми, нужно понимать гораздо шире. Она распространяется на очень многие аспекты реальности — практически на все исследованные нами. Живопись, музыка, интеллектуальные и научные проблемы, политические и общественные события — в любой сфере жизни эти люди умели мгновенно разглядеть скрытую сущность явлений, обычно остававшуюся незамеченной другими людьми. Их прогнозы, каких бы сфер жизни они ни касались и на сколь бы скудные факты ни опирались, очень часто оказывались верными. Мы склонны понимать это так, что актуализированный человек отталкивается в своих суждениях от фактов, а не от личных пессимистических или оптимистических установок, желаний, страхов, надежд и тревог.

Сначала я назвал это свойство “хорошим вкусом” или “здоровым мышлением”, осознавая всю неточность этих терминов. Но постепенно у меня появлялось все больше оснований (о некоторых из них я расскажу ниже) говорить не столько о вкусе, сколько о восприятии, и в конце концов я пришел к убеждению, что эту характеристику правильнее было бы назвать “способностью к восприятию фактов” (в отличие от склонности к восприятию мира через призму устоявшихся и общепринятых мнений или представлений). Я надеюсь, что этот мой вывод или, точнее, предположение, когда-нибудь найдет себе экспериментальное подтверждение.

Ведь если нам удастся это доказать, то последствия, которые повлечет за собой признание этого факта, будут поистине революционными.

³ Маслоу А. Мотивация и личность. — СПб: Евразия, 1999. — С. 224—238.

Английский психоаналитик Мони-Кирл уже заявил, что невротик — это не просто малоэффективная личность, это личность *абсолютно неэффективная*. Мы можем сказать так хотя бы потому, что невротик не может воспринимать реальность настолько же ясно и эффективно, как воспринимает ее здоровый человек. Невротик болен не только эмоционально — он болен когнитивно! Если мы определим здоровье и невроз соответственно как верное и неверное восприятие реальности, то перед нами со всей неизбежностью встанет проблема факта и его значения, или оценки, или, иначе говоря, проблема единства реального и ценностного. Это означает только одно — мы уже не вправе искоса смотреть на ценности и отдавать их на откуп кликуш и религиозных проповедников, пора сделать их объектом эмпирического исследования. Тот, кто когда-либо сталкивался с этой проблемой, понимает, что именно она должна стать фундаментом истиной науки о ценностях, которая, в свою очередь, ляжет в основание нового понимания этики, социальных отношений, политики, религии и т. п.

Кажется совершенно очевидным, что нарушения адаптации и неврозы способны снизить остроту зрительной перцепции, осязания, обоняния. Но возможно также, что мы обнаружим аналогичный эффект и в других сферах восприятия, не имеющих прямого отношения к физиологии, — в пользу такой возможности говорит хотя бы эксперимент, в котором изучался эффект установки (Luchins A.). Я убежден — рано или поздно мы получим экспериментальные подтверждения тому, что восприятие здоровых людей гораздо в меньшей степени, чем восприятие больных людей, подвержено влиянию желаний, потребностей и предубеждений. Можно также предположить, что именно эта априорная эффективность восприятия самоактуализированных людей обуславливает их здравомыслие, способность видеть истину, их логичность, умение приходить к верным заключениям, т. е. когнитивную эффективность.

Более высокое качество взаимодействия с реальностью проявляется у этих людей и в том, что им не составляет труда отличить оригинальное от банального, конкретное от абстрактного, идеографическое от рубрифицированного. Они предпочитают жить в реальном мире, им не по нраву искусственно создаваемые миры абстракций, выхолощенных понятий, умозрительных представлений и стереотипов, миры, в которых пожизненно поселяется большинство наших современников. Самоактуализированному человеку явно больше по душе иметь дело с тем, что находится у него под рукой, с реальными событиями и явлениями, а не со своими собственными желаниями, надеждами и страхами, не с предубеждениями и предрассудками окружения. “Наивное восприятие”, — так охарактеризовал эту способность Герберт Рид.

Исключительно многообещающей кажется мне еще одна особенность самоактуализированных людей — их отношение к неизвестному. Исследование этой особенности может стать своего рода мостом,

соединяющим академический и клинический разделы психологического знания. Здоровых, самоактуализированных людей не страшит неизвестность, неопределенность не пугает их так, как пугает среднестатистического человека. Они относятся к ней совершенно спокойно, не видят в ней угрозы или опасности для себя. Наоборот, все неизвестное, неструктурированное *притягивает и манит* их. Они не только не боятся неизведанного, но приветствуют его. Очень показательным в этом смысле является заявление Эйнштейна: “Самое прекрасное в мире — это тайна. Она источник искусства и науки”.

Воистину, этих людей можно назвать интеллектуалами, исследователями, учеными; очень легко сказать, что все дело здесь и состоит именно в интеллектуальной мощи, однако нам известно множество примеров высокоинтеллектуальных людей, которые, несмотря на свой высокий *IQ*, то ли в силу слабости, то ли из-за боязни, то ли по причине конвенциональности или в силу каких-то иных личностных дефектов всю свою жизнь занимались мелкими проблемами, отшлифовывали до блеска давно известные факты, объединяя их в группы и разделяя на подкатегории, — словом, занимались всякой чушью, вместо того чтобы свершать открытия, как подобает настоящему ученому.

Неизвестность не пугает здоровых людей и потому они не подвержены предрассудкам: они не цепенеют перед черной кошкой, не плюют через плечо, не скрещивают пальцы — словом, их не тянет на действия, которые предпринимают обычные люди, желая уберечься от мнимых опасностей. Они не сторонятся неизведанного и не бегут от непознанного, не отрицают его и не делают вид, что его не существует, и в то же время они не склонны воспринимать его через призму предвзятых суждений и сложившихся стереотипов, не стараются сразу же определить и обозначить его. Их нельзя назвать приверженцами знакомого и понятного, они устремлены к познанию еще не открытых истин, но их поиск правды — это не то катастрофическое стремление к безопасности, уверенности, определенности и порядку, что обнаружил Гольдштейн у пациентов с травмами мозга, и не то, что свойственно компульсивно-обсессивным невротикам. Эти люди совершенно свободно могут позволить себе — когда ситуация требует того — беспорядочность, небрежность, неаккуратность, анархизм, бардак, неуверенность, неточность, нерешительность, сомнения, даже страх (все это вполне допустимо, а иногда даже необходимо как в науке, так и в искусстве, не говоря уже о жизни как таковой).

Таким образом, неуверенность, сомнения, состояние неопределенности, столь мучительные и тягостные для большинства обычных людей, стимулируют самоактуализированную личность, побуждают ее к исследованию и познанию.

Приятие (себя, других, природы)

Мне кажется, что очень многие характеристики, отличающие самоактуализированных людей, характеристики, на первый взгляд как будто не имеющие глубинных детерминант, кажущиеся совершенно обособленными, не связанными друг с другом, на самом деле можно понять как разные производные или разные формы проявления одной основополагающей, фундаментальной установки, а именно — отсутствие самодовлеющего чувства вины и стыда. Другое дело невротик — чувство вины терзает его, он поработан стыдом и движим тревогой. Да что там невротик! Даже среднестатистический представитель нашей культуры, так называемый нормальный человек готов поддаться переживанию вины, стыда и тревоги даже в тех случаях, в которых это совершенно не обязательно. Но здоровый человек тем и отличается от среднестатистического, что он живет в ладу с собой и, если уж на то пошло, не слишком огорчается по поводу своих недостатков.

Он принимает свою сущность, далеко не всегда идеальную, со всеми присущими ей изъянами и недостатками. Говоря об этом, я вовсе не имею в виду, что ему свойственно самодовольство и самолюбование, что он абсолютно удовлетворен собой. Я хочу сказать, что он умеет сосуществовать со своими слабостями, принимает свою греховность и порочность, умеет относиться к ним так же просто, как мы относимся к природе. Ведь мы же не сетуем на то, что вода мокрая, что камни тяжелые, а деревья по осени желтеют. Как ребенок смотрит на мир наивными, широко распахнутыми глазами, ничего не ожидая и не требуя от него, не критикуя и не оспаривая его, просто наблюдая то, что предстает его взору, точно так же самоактуализированный человек воспринимает свою человеческую природу, природу других людей. Это, конечно же, не тот тип смирения, который исповедуется на Востоке, хотя и смирение свойственно этим людям — особенно когда они оказываются перед лицом тяжелой болезни и смерти.

Заметьте, характеристика, о которой я говорю сейчас, имеет непосредственное отношение к обсуждавшейся выше особой способности самоактуализированных людей. Я хочу напомнить об их способности видеть реальность в ее истинном свете. Эти люди воспринимают человеческую природу такой, какая она *есть*, а не такой, какой они хотели бы видеть ее. Они смело смотрят на то, что предстает их взгляду, они не прищуриваются и не надевают очки, чтобы разглядеть несуществующее, не искажают и не раскрашивают реальность в те или иные цвета.

С наибольшей очевидностью эта способность к полному приятию обнаруживает себя на самом низком уровне потребностей, на так называемом животном уровне. Самоактуализированного человека можно назвать крепким, здоровым животным. Ничто человеческое не чуждо ему, и он не будет испытывать вины или стыда по поводу своих позывов. У него хороший аппетит, крепкий сон, он умеет получать удовольствие от секса и других физиологических влечений. Его приятие распространяется не только

на эти, низшие потребности, но и на потребности других уровней — на потребности в безопасности, любви, принадлежности, самоуважении. Все побуждения и импульсы, присущие нормальному человеку, самоактуализированные люди считают естественными и заслуживающими удовлетворения, они понимают, что так распорядилась природа, они не пытаются оспорить ее произвол или навязать ей угодный им порядок вещей. Естественным продолжением способности к приятию становится пониженная способность к отвращению — неприятные моменты, связанные с приготовлением пищи, телесные выделения и запахи, физиологические функции не вызывают у них того отвращения, которым обычно реагирует средний человек и тем более невротик.

Этой же способностью к приятию объясняется, вероятно, и тот факт, что самоактуализированным людям чужда всякая поза, что они терпеть не могут позеров. Ханжество, лицемерие, неискренность, фальшь, притворство, желание произвести впечатление — все эти качества совершенно не свойственны им. Они не хотят казаться лучше, чем они есть, им это не сложно уже потому, что они умеют мириться со своими недостатками, а по мере самоактуализации и особенно на склоне жизненного пути привыкают относиться к ним уже не как к недостаткам, а как ко вполне нейтральным личностным характеристикам.

Все вышесказанное еще не означает, что самоактуализированным людям незнакомы чувство вины, стыд, печаль, тревога или самозащитные тенденции — речь идет о вредной, ненужной, невротической (т. е. нереалистической) вине, о таком же стыде и т. п. Низменные, животные позывы и процессы, а также связанные с ними отправления, такие как секс, уринация, беременность, менструация, старение и т. д., воспринимаются этими людьми совершенно спокойно, как неотъемлемая часть реальности. Здоровая женщина не стыдится быть женщиной, не стыдится своего тела и процессов, происходящих в нем.

Есть только несколько вещей и обстоятельств, способных вызвать чувство вины (или стыд, тревогу, печаль, сожаление) у этих людей, среди них: 1) такие недостатки и пороки, которые человек *может* победить в себе (например, лень, эгоизм); 2) непреодоленные пережитки психологического нездоровья (предубеждения, зависть, ревность); 3) привычки, которые, хотя и не стали второй натурой, могут оказаться весьма сильными, а также 4) недостатки и пороки той культуры или социальной группы, с которой они, эти люди, идентифицируют себя. В самом общем виде можно сказать, что здоровые люди испытывают дискомфорт только тогда, когда видят, что реальный ход вещей отклоняется от возможного, достижимого, а следовательно, необходимого.

Спонтанность, простота, естественность

Самоактуализированных людей можно охарактеризовать как достаточно спонтанных в своем поведении и как предельно спонтанных в своей внутренней жизни, в своих мыслях, побуждениях, желаниях и т. п. Они ведут себя просто и естественно, не пытаясь произвести впечатления на окружающих. Это не означает, что их поведение Неконвенционально, что оно идет вразрез с условностями и традициями. Если бы мы взяли подсчитать, как часто самоактуализированный человек позволяет себе быть неконвенциональным в поведении, то, поверьте, этот показатель был бы не слишком высок. Его нетрадиционность — это не внешняя черта, а глубинная, сущностная характеристика: здоровый человек неконвенционален, спонтанен, естествен скорее и главным образом в своих побуждениях и мыслях, чем в поведении. Он отчетливо осознает, что мир, в котором он живет, полон условностей, что этот мир просто не в состоянии понять и принять его спонтанность. Он не хочет обижать окружающих его людей, он не имеет желания оспаривать принятые ими нормы поведения и потому с добродушной усмешкой и со всем возможным изяществом подчиняется установленным традициям, церемониям и ритуалам, столь дорогим сердцу каждого обывателя. Мне вспоминается, как одному из таких людей присудили премию, над которой он всегда смеялся, и он, не желая делать из мухи слона и обижать людей, хотевших порадовать его, с благодарностью принял эту награду.

Конвенциональность самоактуализированного человека подобно легкой накидке, он, не задумываясь, сбрасывает ее, когда она мешает ему делать то, что он считает важным. Именно в такие моменты в полной мере проявляется его истинная, сущностная неконвенциональность, в которой нет ничего от антиконвенциональности так называемой богемы и нигилистов, которые оспаривают все и вся, сражаются против несущественных, пустяковых ограничений так, словно столкнулись с проблемой вселенского масштаба.

Внутренняя спонтанность обнаруживается у здорового человека и в моменты абсолютной поглощенности важным для него, интересным делом. В такие мгновения он как будто забывает о всех существующих нормах поведения; глядя на него в минуты увлеченности, можно подумать, что конвенциональность, свойственная ему в повседневной жизни, дается ему ценой титанических усилий воли.

Он расстегивает пиджак конвенциональности и тогда, когда находится в компании друзей, которые не требуют и не ждут от него “соблюдения приличий”. Обстоятельства, которые возлагают на здорового человека обязательства по соблюдению условных предписаний, видимо, тяготят его. Подтверждением этому наблюдению может послужить тот факт, что все обследованные нами люди предпочитали именно такие ситуации и такие компании, в которых они были бы свободны от обязанности быть

предсказуемыми, в которых они могли бы вести себя свободно и естественно.

Естественным следствием этой характеристики здорового человека или естественной сопутствующей характеристикой является их независимость в нравственных убеждениях; их моральные принципы в большей мере отражают присущее им своеобразие, чем принятые в обществе этические нормы. Не слишком вдумчивый наблюдатель может считать таких людей аморальными, поскольку они не только склонны пренебрегать условностями, но и могут даже, если того требует ситуация, пойти вразрез предписаниям и нормам. Однако этот наблюдатель будет в корне неправ. Напротив, эти люди — высокоморальны, высоконравственны, хотя их моральные принципы не всегда совпадают с общепринятыми. Именно такого рода наблюдения приводят меня к убежденности в том, что так называемое этическое поведение среднестатистического человека настолько конвенционально, что это скорее конвенциональное поведение, нежели по-настоящему этическое, такого рода поведение не основывается на внутренних убеждениях и принципах, это не более чем бездумное следование общепринятым нормам.

Самоактуализированный человек не в состоянии всей душой принять условности окружающего его общества, он не может не видеть повсеместного ханжества и в результате порой начинает ощущать себя шпионом в тылу врага. Иногда следы этого чувства можно заметить даже в его поведении.

Мне не хотелось бы, чтобы у вас сложилось впечатление, будто эти люди постоянно скрывают свое недовольство. Нет, они вполне способны в порыве гнева или раздражения восстать против условностей, против невежества. Порой они пытаются открыть людям глаза, стараются просветить их, рассказать им истину; они выступают в защиту угнетенных и обиженных, а иногда, видя тщетность своих усилий, дают волю скопившемуся гневу, и этот гнев настолько искренен и чист, настолько праведен и возвышен, что кажется почти святотатством препятствовать его проявлениям. Я видел самоактуализированных людей в гневе, и для меня совершенно очевидно, что им абсолютно безразлично, какое впечатление они произведут на окружающих, что они не испытывают по этому поводу ни тревоги, ни вины, ни стыда, хотя обычно, когда не затронуты их глубинные, основополагающие убеждения и принципы, они ведут себя вполне конвенционально, не желая обижать или смущать окружающих.

Способность к адекватному восприятию реальности, детская или, если хотите, животная способность к приятию самого себя и способность к спонтанности предполагают, что эти люди умеют четко осознавать свои собственные импульсы, желания, предпочтения и субъективные реакции в целом. Клинические исследования этой характеристики со всей очевидностью подтверждают мысль Фромма о том, что среднестатистический человек

зачастую не имеет ни малейшего представления о том, что он представляет собой на самом деле, чего он хочет, что он думает, какова его точка зрения.

Такого рода исследования и открытия позволяют мне постулировать одну из самых фундаментальных характеристик, отличающую самоактуализированных людей от обычных, среднестатистических индивидуумов. Мотивационная жизнь самоактуализированного человека не только богаче, она качественно отлична от мотивации среднестатистического человека. Мне кажется, что самоактуализация предполагает принципиально иную психологию мотивации, мне кажется, что, говоря о мотивации самоактуализированной личности, мы должны говорить не столько о потребностях дефициентных уровней, сколько о метамотивах или о мотивах роста. Разница между ними столь же фундаментальна, как разница между жизнью и *подготовкой* к жизни. Возможно, что традиционная концепция мотивации применима *только* по отношению к несамоактуализированным людям. Самоактуализированного человека, в отличие от обычного, уже не беспокоят проблемы выживания, он просто живет и развивается. Если побудительные мотивы обычного человека лежат вовне, в возможности удовлетворения потребности, то самоактуализированный человек, напротив, движим внутренними потенциями, изначально заложенными в его природе, требующими своей реализации и развития. Можно сказать проще — самоактуализированный человек устремлен к совершенству, ко все более полному развитию своих уникальных возможностей. Обычный же человек устремлен к удовлетворению тех из своих базовых потребностей, которые еще не получили должного удовлетворения. Нельзя сказать, что самоактуализированный человек, удовлетворив все свои базовые потребности, уже неподвластен импульсам и побуждениям: он тоже работает, тоже старается, тоже притязает, хотя и не в том смысле, какой мы обычно вкладываем в эти слова. В первую очередь он движим потребностью в саморазвитии, в самовыражении и в самовоплощении, т. е. потребностью в самоактуализации. Я все чаще задаю себе один вопрос. Быть может, именно в самоактуализированных людях предельно отчетливо проступает наша истинная, человеческая природа, быть может, именно они ближе всех к сущности понятия “человек”, ближе даже с точки зрения таксономии? Этот вопрос неизбежно влечет за собой следующий: вправе ли мы делать хоть какие-то выводы о биологической природе человека, если до сих пор мы изучали только ущербных и недоразвитых или, что еще хуже, “серых”, вышколенных, выдрессированных представителей нашего вида?

Служение

Мы выявили еще одну особенность исследованных нами людей. Я говорю о присущей им сосредоточенности на проблемах внешнего порядка. Если попытаться найти название этой особенности, то я бы предложил

назвать ее служением в противоположность эгоцентрическим тенденциям. В отличие от неуверенных, тревожных людей с их склонностью к постоянному самоанализу и самокопанию, этих людей мало беспокоят личные проблемы, они не слишком склонны размышлять о себе. Почти у каждого из них есть призвание и дело, которым они служат, которым они посвящают себя без остатка, почти каждый из них озабочен какой-то важной проблемой, решение которой требует от него всех сил и энергии.

Это не обязательно любимое занятие, не обязательно дело, которого человек желал, или занятия, к которым он стремился, это может быть дело, которым он чувствует себя обязанным заниматься. Именно поэтому я говорю о служении, о жизненной миссии, а не просто о “любимом” деле. Эти люди, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей — всего человечества, своих сограждан или же о благе близких и дорогих им людей.

За небольшим исключением практически у всех наших испытуемых мы отметили одну характерную особенность. Эти люди склонны к размышлениям об основополагающих проблемах человеческого бытия, они задаются теми вечными, фундаментальными вопросами, которые мы называем философскими или нравственными. Можно сказать, что они живут в глобальной системе координат. В частном они умеют видеть общее, и никакие, даже самые яркие частные проявления не скроют от них общей картины. В основе их системы координат или системы ценностей никогда не лежит местечковый патриотизм, как правило, в ней отражен опыт всей истории человечества, она отвечает не сиюминутным запросам, не социальному заказу, а требованиям эпохи. Одним словом, эти люди в каком-то смысле, несомненно, философы, хотя их философия не обязательно наукообразна, иногда это то, что можно назвать житейской философией.

Разумеется, такая установка сказывается практически на всех аспектах их жизни. Так, например, один из главных симптомов, с которого мы начинали изучение целостного синдрома самоактуализации и который был обозначен нами как широта (или не-мелочность), несомненно, является проявлением этой более общей характеристики. Способность вознестись над обыденностью, умение отрешиться от частных, расширить горизонты восприятия, посмотреть на вещи в перспективе, *sub specie aeternitatis*⁴ имеет огромное социальное значение. По-видимому, именно этой способностью объясняется умиротворенность, свойственная самоактуализированным людям, их умение сохранять спокойствие, не тревожиться по пустякам — свойства, которые облегчают жизнь не только им самим, но и окружающим их людям.

Отстраненность; потребность в уединении

⁴ С точки зрения вечности (лат.).

Обо всех моих испытуемых можно сказать, что они умеют спокойно и безболезненно переносить одиночество. Мало того, я готов поклясться, что *от любят* одиночество или, по крайней мере, относятся к нему с гораздо большей симпатией, чем среднестатистический человек.

Часто именно благодаря тому, что одиночество не страшит их, этим людям удается сохранить хладнокровие в пылу битвы, они не хватаются за оружие, не поддаются страстям, им чужды хлопоты и заботы обывателя. Им не составляет труда быть отстраненными, сдержанными, спокойными и безмятежными; неудачи и поражения не вызывают у них естественного для менее здоровых людей всплеска эмоций. Даже в самых унижительных ситуациях и даже в окружении самых недостойных людей они умеют сохранять благородство и гордость, и эта способность, вероятнее всего, была бы невозможна, если бы у них не было своего собственного мнения о ситуации, если бы они во всем полагались на чувства и мнения других людей. В некоторых ситуациях эта отстраненная сдержанность может перерасти себя и возвыситься до суровой, холодной отчужденности.

Рассматриваемая нами способность, по-видимому, пребывает в тесной связи с некоторыми другими качествами, обнаруживаемыми у этих людей. Во всяком случае, любого из моих испытуемых можно смело назвать объективным (во *всех* смыслах этого слова) человеком, особенно в сравнении со среднестатистическим человеком. Я уже говорил о том, что для самоактуализированных людей проблемы внешнего порядка более значимы, чем их собственные переживания, и это утверждение справедливо по отношению к ним даже в том случае, если они оказываются в ситуации, угрожающей их желаниям, надеждам, мечтам. Они обладают удивительной, по меркам среднестатистического человека, способностью к концентрации, которая, в свою очередь, порождает такие эпифеномены, как отрешенность, умение забыть о тревогах и волнении. В частности, эта способность проявляется в том, что даже в критических ситуациях, когда на их плечи сваливается масса проблем, эти люди не страдают бессонницей или отсутствием аппетита, сохраняют хорошее настроение и способны к нормальным сексуальным отношениям.

Отстраненность самоактуализированного человека может стать причиной затруднений в его общении с обычными, “нормальными” людьми, которые склонны интерпретировать его отстраненность как холодность, снобизм, недружелюбие или даже враждебность. Это понятно, особенно если вспомнить, что расхожее представление о дружбе предполагает в ней некую взаимозависимость, отношения, обеспечивающие человеку поддержку, сочувствие, одобрение, участие, тепло. Если понимать дружбу именно так, то, пожалуй, можно сказать, что самоактуализированный человек не нуждается в друзьях. В нашей культуре залогом дружбы является потребность партнеров друг в друге, и очевидно, что средний человек вряд ли пожелает иметь другом самоактуализированного человека — ведь тот

никогда не положит на алтарь дружбы свою независимость, никогда не пожертвует ради друга своей автономностью.

Мы должны понимать, что автономность — это не только независимость, но также самоопределение, самоуправление, способность к принятию ответственности, мужество и сила, активный поиск решений, умение не быть пешкой в чужой игре. По мере изучения своих испытуемых я все более убеждался в том, что каждый из них сам формирует свои мнения и суждения, сам принимает решения и сам отвечает за них, сам определяет и прокладывает свою дорогу в жизни. Это качество сложно обнаружить, его невозможно даже определить каким-то одним термином, но оно имеет чрезвычайно важное, почти решающее значение. Изучая этих людей, общаясь с ними, я понял, что очень многие человеческие качества, которые я прежде воспринимал как нормальные и естественные, на самом деле являются признаками болезни, слабости, ущербности. Например, прежде я не видел ничего прискорбного в том, что многие люди формируют свои суждения не на основе собственных вкусов, предпочтений, принципов или убеждений, а на основе тех вкусов, предпочтений, принципов и убеждений, которые навязываются им рекламой, родителями, телевидением, пропагандой, газетами, назойливыми коммивояжерами и т. п. Многие люди утратили способность к самоопределению, они готовы позволить другим манипулировать собой, согласились быть пешками в чужой игре. Неудивительно, что они так часто испытывают приступы беспомощности, слабости, управляемости. Понятно, что в экономике и политике подобное безволие невозможно, что в этих сферах оно может привести к катастрофическим результатам. Члены демократического общества должны обладать способностью к самоопределению, к свободному волеизъявлению, они должны уметь взять на себя ответственность за принимаемые ими решения.

Результаты обширных исследований, проведенных Ашем и Мак-Клелландом, позволяют нам предположить, что только небольшую часть населения Америки, от 5 до 30 %, в зависимости от конкретных обстоятельств, можно отнести к разряду самоопределяющихся людей. Но в моем исследовании все 100 % испытуемых относились к таковым.

И наконец, я должен сделать заявление, которое вряд ли понравится теологам, философам и ученым. Самоактуализированные люди обладают большей “свободой воли” и они в меньшей степени “детерминированы”, чем среднестатистический человек. Понятия “свобода воли” и “детерминизм” принято считать философскими категориями, однако я убежден, что рано или поздно мы дадим им и операциональные определения. В рамках моего исследования они лишены философской osobости, я относился к этим понятиям и к феноменам, стоящим за ними, как к эмпирическим реалиям. Выскажу еще более крамольное суждение — я полагаю, что это не только

качественные, но и количественные категории, их можно не только обнаружить — их можно и нужно измерять.

Автономность, независимость от культуры и среды, воля и активность

Поговорим о такой характеристике самоактуализированного человека, которая во многом похожа на уже перечисленные нами. Я имею в виду свойственную этим людям относительную независимость от физической и социальной среды. Главными мотивами самоактуализированного человека являются не потребности дефициентных уровней, а мотивы роста, и потому эти люди почти не зависят от внешних обстоятельств, от других людей и от культуры в целом. Источники удовлетворения потребности в росте и развитии находятся не во внешней среде, а внутри человека — в его потенциях и скрытых ресурсах. Как дерево нуждается в солнечном свете, воде и питании, точно так же всякий человек нуждается в безопасности, любви и уважении, и получить их он может только извне. Но в тот момент, когда он получает их, когда внешние удовлетворители утоляют его внутренний голод, вот тут-то и встает перед ним истинная проблема человеческого бытия, проблема роста и саморазвития, т. е. проблема самоактуализации.

Независимость от среды означает более высокую устойчивость перед лицом неблагоприятных обстоятельств, потрясений, ударов судьбы, депривации, фрустрации и тому подобных вещей. Мои испытуемые умудрялись сохранять мужество и самообладание даже в самых тяжелых ситуациях, даже в таких, которые обычного, среднестатистического человека могли бы натолкнуть на мысль о самоубийстве; эту способность я определил как способность к самовосстановлению.

Люди, не достигшие уровня самоактуализации, подвижимы потребностями дефициентных уровней, *нуждаются* в других людях, поскольку только от других людей они могут получить столь необходимые им любовь, безопасность и уважение. Совсем другое дело — самоактуализированные индивидуумы. Для того чтобы испытать истинное счастье, им не нужны другие люди; напротив, другие могут даже *мешать* им, могут стать препятствием на пути развития. Источники удовлетворения самоактуализированного человека интраиндивидуальны и никак не опосредованы социумом. Эти люди достаточно сильны, чтобы не зависеть от мнения других людей; они не ищут одобрения, похвалы, не ищут даже любви. Признание, популярность, слава, почести, любовь — несущественны для них; все эти вещи не идут ни в какое сравнение с гложущей их потребностью в саморазвитии, с неутолимым стремлением к внутреннему росту. Однако, несмотря на все вышесказанное, мы ни на секунду не должны забывать о том, что самая верная, хотя и не единственная, дорога,

ведущая к такого рода автономности, к свободе от любви и уважения, — это полное удовлетворение потребностей в любви и уважении.

Свежий взгляд на вещи

Самоактуализированные люди обладают удивительной способностью радоваться жизни. Их восприятие свежо и наивно. Они не устают удивляться, поражаться, испытывать восторг и трепет перед многочисленными и разнообразными проявлениями жизни, к которым обычный человек давно привык, которых он даже не замечает. Колин Уилсон назвал эту способность чувством новизны. Для такого человека закат солнца, пусть даже он видит его в сотый раз, будет так же прекрасен, как и в тот день, когда он увидел его впервые; любой цветок, любой ребенок может захватить его внимание, может предстать перед ним как чудо природы, пусть даже он перевидал на своем веку тысячу цветов и сотни детей. Ощущение великого счастья, огромной удачи, благоволения судьбы не покидает его даже спустя тридцать лет после свадьбы; его шестидесятилетняя жена кажется ему такой же красивой, как и сорок лет назад. Даже повседневность становится для него источником радости и возбуждения, любое мгновение жизни может подарить ему восторг. Разумеется, это не означает, что они постоянно пребывают в экстатическом состоянии или прилагают осознанные усилия, чтобы добиться этого; столь интенсивные чувства они испытывают лишь время от времени, и эти чувства настигают их внезапно. Человек может десяток раз переправиться через реку, а в одиннадцатый раз к нему вдруг возвращается то чувство трепетного восторга, которое он испытал, впервые увидев живописный ландшафт, открывшийся ему с парома.

Люди, которых я обследовал, умеют ценить прекрасное, хотя прекрасное каждый из них понимает по-своему. Для одних источником красоты становится природа, другие обожают детей, третьи получают наслаждение от музыки; но всех их объединяет одно — они черпают вдохновение, восторг и силу в базовых, основополагающих ценностях жизни. Так, например, никто из них не исповедовался мне в том, что испытал восторг от посещения ночного клуба или вечеринки, никто не назвал в качестве источника вдохновения деньги.

И еще одно впечатление, которое я вынес из общения с этими людьми. Для некоторых моих испытуемых секс и все связанные с ним плотские удовольствия — не только источник чувственного удовлетворения, но и источник возвышенных, обновляющих и воодушевляющих переживаний, подобных тем, что дарят им музыка и природа. Подробнее я остановлюсь на этом феномене в следующем разделе.

Очень может быть, что причиной для такой насыщенности субъективного опыта, для такой пронзительности восприятия является особая эффективность их восприятия, умения воспринимать реальность в ее

конкретных проявлениях, восприятие реальности *perse*. Можно, пожалуй, сказать, что именно склонность к рубрификации замыливает нам глаза; если явление, человек или ситуация не интересны нам, не содержат в себе прямой выгоды или угрозы, мы отмахиваемся от них, торопимся наклеить какой-нибудь ярлык и забросить в дальний угол привычной категоризации.

Я все более и более укрепляюсь во мнении, что неспособность радоваться жизни — один из главных источников зла, человеческих трагедий и страданий. Мы с легкостью привыкаем к хорошему, мы воспринимаем его как само собой разумеющееся и потому недооцениваем; как часто мы отказываемся от радостей жизни, без сожаления и раскаяния меняя их на чечевичную похлебку. Как это ни прискорбно, но мы не бережем своих родных, друзей, детей и раскаиваемся в этом только тогда, когда теряем их. А ведь то же самое можно сказать и о нашем отношении к своему здоровью, об отношении к политическим правам и материальному благополучию — только лишившись их, мы начинаем понимать их истинную ценность.

Виктор Франкл

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА⁵

У каждого времени свои неврозы — и каждому времени требуется своя психотерапия.

Сегодня мы, по сути, имеем дело уже с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена Фрейда, а с фрустрацией потребностей экзистенциальных. Сегодняшний пациент уже не столько страдает от чувства неполноценности, как во времена Адлера, сколько от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты, — поэтому я и говорю об экзистенциальном вакууме.

<...>

Когда меня спрашивают, как я объясняю себе причины, порождающие этот экзистенциальный вакуум, я обычно использую следующую краткую формулу: в отличие от животных инстинкты не диктуют человеку, что ему нужно, и в отличие от человека вчерашнего дня традиции не диктуют сегодняшнему человеку, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек, похоже, утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, что другие хотят от него (тоталитаризм)⁶.

За этими двумя следствиями важно не пропустить и не забыть третье, а именно: появление специфических невротических заболеваний, которые я

⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник. Пер. с англ. и нем. — М.: Прогресс, 1990. — С. 24—43.

⁶ Как удалось показать с помощью статистической обработки тестовых данных Диане Янг, диссертантке университета Беркли, ощущение бессмысленности значительно больше распространено среди молодых людей, чем среди старших. Тем самым подтверждается наша теория о том, что утрата традиций является одной из двух причин, порождающих чувство смыслоутраты; ведь согласно этой теории, столь характерный для молодежи отказ от традиций не может не породить интенсивного распространения ощущения бессмысленности.

обозначил как “ноогенные неврозы”. В отличие от неврозов в узком смысле слова, являющихся, по определению, психогенными заболеваниями, ноогенные неврозы проистекают не из комплексов и конфликтов в традиционном смысле слова, а из угрызений совести, из ценностных конфликтов и — не в последнюю очередь — из экзистенциальной фрустрации, проявлением и воплощением которой может в том или ином случае выступать невротическая симптоматика. Джеймсу С. Крамбо, руководителю психологической лаборатории в Миссисипи, мы обязаны разработкой теста (*PIL — Purpose in Life-Test*), позволяющего отличить ноогенные неврозы от психогенных в целях дифференциальной диагностики. После того как он обработал полученные данные с помощью компьютера, он пришел к выводу, что при ноогенных неврозах имеет место действительно иная картина болезни, которая не только в диагностическом, но и в терапевтическом аспекте не вмещается в границы компетенции традиционной психиатрии.

Что касается частоты встречаемости ноогенных неврозов, то на этот счет имеются данные статистических исследований Нибауэр и Люкас в Вене, Фрэнка М. Бакли в Уорчестере (Массачусетс, США), Вернера в Лондоне, Лангена и Вольхарда в Тюбенгене, Прилла в Вюрцбурге, Попельского в Польше и Нины Толл в Мидлтауне (Коннектикут, США). Данные тестирований согласованно показывают, что примерно 20% неврозов относятся к ноогенным.

<...>

Как известно, Маслоу ввел различие низших и высших потребностей, имея в виду при этом, что удовлетворение низших потребностей является необходимым условием для того, чтобы были удовлетворены и высшие. К высшим потребностям он причисляет и стремление к смыслу, называя его даже при этом “первичным человеческим побуждением”. Это свелось, однако, к тому, что человек начинает интересоваться смыслом жизни лишь тогда, когда жизнь у него устроена (“сначала пища, потом мораль”). Этому, однако, противоречит то, что мы — и не в последнюю очередь мы, психиатры, — имеем возможность постоянно наблюдать в жизни: потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда. Свидетельством тому являются умирающие люди из числа наших пациентов, а также уцелевшие бывшие узники концлагерей и лагерей для военнопленных.

Вместе с тем, разумеется, не только фрустрация низших потребностей порождает вопрос о смысле, но и *удовлетворение* низших потребностей, в частности в “обществе изобилия”. Мы не ошибемся, пожалуй, если усмотрим в этом кажущемся противоречии подтверждение нашей гипотезы, согласно которой стремление к смыслу представляет собой мотив *sui generis*, который несводим к другим потребностям и невыводим из них (как это уже удалось эмпирически показать Крамбо и Махолику, а также Кратохвилу и Плановой).

Мы встречаемся здесь с феноменом, который я считаю фундаментальным для понимания человека: с самотрансценденцией человеческого существования! За этим понятием стоит тот факт, что человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В

служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Чем больше он отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он, по сути, может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания.

Здесь необходимо упомянуть один из 90 фактов, полученных в эмпирическом исследовании госпожи Люкас, а именно: оказалось, что среди посетителей Пратера — знаменитого венского парка отдыха и развлечений — объективно измеренный уровень экзистенциальной фрустрации был существенно выше, чем средний уровень у населения Вены (который практически не отличается от аналогичных результатов, полученных и опубликованных американскими и японскими авторами). Другими словами, у человека, который особенно добивается наслаждений и развлечений, оказывается в конечном счете фрустрировано его стремление к смыслу или, говоря словами Маслоу, его “первичные” запросы.

<...>

Вернемся теперь к экзистенциальному вакууму, к чувству отсутствия смысла. Фрейд писал в одном из своих писем: “Когда человек задает вопрос о смысле и ценности жизни, он нездоров, поскольку ни того, ни другого объективно не существует; ручаться можно лишь за то, что у человека есть запас неудовлетворенного либидо”. Я считаю специфически человеческим проявлением не только ставить вопрос о смысле жизни, но и ставить под вопрос существование этого смысла. В частности, привилегией молодых людей является демонстрация своей взрослости прежде всего тем, что они ставят под сомнение смысл жизни, и этой привилегией они более чем активно пользуются.

Эйнштейн как-то заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишенной смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен. Действительно, стремление к смыслу обладает тем, что в американской психологии получило название “ценность для выживания”. Не последний из уроков, которые мне удалось вынести из Освенцима и Дахау, состоял в том, что наибольшие шансы выжить даже в такой экстремальной ситуации имели, я бы сказал, те, кто был направлен в будущее, на дело, которое их ждало, на смысл, который они хотели реализовать. Позднее американские психиатры получили этому подтверждение на материале военнопленных, находившихся в японских, северокорейских и северовьетнамских лагерях. Не должно ли то, что является верным по отношению к отдельным людям, быть верно и по отношению к человечеству в целом? И не должны ли мы в рамках так называемых исследований проблем мира уделить внимание вопросу: не заключается ли единственный шанс человечества на выживание в общей для всех задаче, в одном общем стремлении к одному общему смыслу?

Вспомним, с чего мы начали. У каждого времени свои неврозы — и каждому времени требуется своя психотерапия. Теперь нам известно больше: лишь *регуманизированная психотерапия* способна понять приметы времени — и ответить на запросы времени. Лишь регуманизированная психотерапия может справиться с деперсонализирующими и дегуманизирующими тенденциями, повсеместно берущими смысл. Так можем ли мы дать сегодняшнему экзистенциально фрустрированному чело-

веку смысл? Ведь мы должны радоваться уже, если его у сегодняшнего человека не *отнимают*, внедряя в его сознание редукционистские схемы. Достижим ли смысл? Возможно ли вновь оживить утерянные традиции или даже утраченные инстинкты? Или же был прав Новалис, заметивший однажды, что возврата к наивности уже нет, что лестница, по которой мы поднимались, упала?

Попытка дать человеку смысл свелась бы к морализированию. А мораль в старом смысле слова уже доживает свой век. Через какое-то время мы уже не будем морализировать, мы онтологизируем мораль. Добро и зло будут определяться не как нечто, что мы должны делать или соответственно делать нельзя; добром будет представляться то, что способствует осуществлению человеком возложенного на него и требуемого от него смысла, а злом мы будем считать то, что препятствует этому осуществлению.

Смысл нельзя дать, его нужно найти. Процесс нахождения смысла подобен восприятию гештальта. Уже основатели гештальтпсихологии Левин и Вертгеймер говорили о побудительном характере, присущем каждой отдельной ситуации, в которой мы сталкиваемся с действительностью. Вертгеймер зашел даже так далеко, что приписал содержащемуся в каждой ситуации требованию объективный характер. Адорно, впрочем, также ясно говорит: “Понятие смысла включает в себя объективность, несводимую к деятельности”.

Отличает нахождение смысла от восприятия гештальта, на мой взгляд, следующее: в отличие от восприятия просто фигуры, которая бросается нам в глаза на “фоне”, при *восприятии смысла* речь идет об обнаружении возможности на фоне действительности. И эта возможность всегда единственна. Она преходяща. Однако лишь возможность является преходящей. Если она уже осуществлена, если смысл реализован, то это уже раз и навсегда.

Смысл должен быть найден, но не может быть создан. Создать можно либо субъективный смысл, простое ощущение смысла, либо бессмыслицу. Тем самым понятно и то, что человек, который уже не в состоянии найти в своей жизни смысл, равно как и выдумать его, убегая от чувства утраты смысла, создает либо бессмыслицу, либо субъективный смысл. Если первое происходит на сцене (театр абсурда!), то последнее — в хмельных грезах, в особенности вызванных с помощью ЛСД. В этом случае, однако, это сопряжено с риском пройти в жизни мимо истинного смысла, истинного дела во внешнем мире (в противоположность сугубо субъективному ощущению смысла в себе самом). Это напоминает мне подопытных животных, которым калифорнийские исследователи вживляли электроды в гипоталамус. Когда электрическая цепь замыкалась, животные испытывали удовлетворение либо полового влечения, либо пищевой потребности. В конце концов они научились сами замыкать цепь и игнорировали теперь реального полового партнера и реальную пищу, которая им предлагалась.

Смысл не только должен, но и может быть найден, и в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, совесть — это орган смысла. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации.

Совесть принадлежит к числу специфически человеческих проявлений, и даже более чем специфически человеческих, ибо она является

неотъемлемой составной частью условий человеческого существования, и работа ее подчинена основной отличительной характеристике человеческого существования — его конечности. Совесть, однако, может и дезориентировать человека. Более того, до последнего мгновения, до последнего вдоха человек не знает, действительно ли он осуществил смысл своей жизни или лишь верит в то, что этот смысл осуществлен. После Петера Вуста в нашем сознании слились “неизвестность и риск”. Пусть даже совесть держит человека в неизвестности относительно того, постигли он смысл своей жизни, такая “неизвестность” не освобождает его от “риска” повиноваться своей совести или по крайней мере прислушиваться к ее голосу.

С упомянутой “неизвестностью” связан, однако, не только этот “риск”, но и смирение. То, что мы даже на нашем смертном одре не узнаем, не вела ли нас наша совесть — орган смысла — по ложному пути, означает также и то, что одному человеку не дано знать, был ли прав другой, поступая по своей совести. Истина может быть лишь одна, однако никто не может похвастаться знанием, что этой истиной обладает именно он и никто другой. Смирение означает также терпимость, однако терпимость не тождественна безразличию; ведь чтобы уважать иные верования, отнюдь не требуется идентифицировать себя с ними.

Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть так, чтобы человеку хватило чуткости расслышать требование, содержащееся в каждой отдельной ситуации. В век, когда десять заповедей, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен быть подготовлен к тому, чтобы воспринять 10000 заповедей, заключенных в 10000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь. Тогда не только сама эта жизнь будет казаться ему осмысленной (а осмысленной — значит заполненной делами), но и сам он приобретет иммунитет против конформизма и тоталитаризма — этих двух следствий экзистенциального вакуума. Ведь только бодрствующая совесть дает человеку способность сопротивляться, *не* поддаваться конформизму и *не* склоняться перед тоталитаризмом.

Так или иначе, воспитание больше чем когда-либо становится воспитанием ответственности. А быть ответственным — значит быть селективным, быть избирательным. Мы живем в “обществе изобилия”, средства массовой информации заливают нас потоками стимуляции, и мы живем в век противозачаточных средств. Если мы не хотим утонуть в этом потоке, погрузиться в тотальный промискуитет, то мы должны научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет.

Смысл — это всякий раз также и конкретный смысл конкретной ситуации. Это всегда “требование момента”, которое, однако, всегда адресовано конкретному человеку. И как неповторима каждая отдельная ситуация, так же уникален и каждый отдельный человек.

Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл.

Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться как от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако

смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам бы не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не держала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим. В логотерапевтической литературе имеются публикации Брауна, Касциани, Крамбо, Дан-сарта, Дурлака, Кратохвила, Люкас, Лансфорда, Мэйсона, Мейера, Мэрфи, Плановой, Попельского, Ричмонда, Робертса, Руха, Сэлли, Смита, Ярнела и Янга, из которых следует, что возможность найти в жизни смысл не зависит от пола, от интеллекта, от уровня образования, от того, религиозны мы или нет⁷, и если да, то какую веру исповедуем. Перечисленными авторами было также показано, что нахождение смысла не зависит от характера человека и от среды.

Ни один психиатр и ни один психотерапевт — в том числе логотерапевт — не может указать больному, в чем заключается смысл. Он вправе, однако, утверждать, что жизнь имеет смысл и даже, более того, что она сохраняет этот смысл в любых условиях и при любых обстоятельствах благодаря возможности найти смысл даже в страдании. Феноменологический анализ неискаженного непосредственного переживания, которое мы можем наблюдать у простого “человека с улицы”, переведя его затем на язык научной терминологии, помогает увидеть, что человек не только ищет смысл в силу своего стремления к смыслу, но и находит его, а именно тремя путями. Во-первых, он может усмотреть смысл в действии, в создании чего-либо. Помимо этого, он видит смысл в том, чтобы переживать что-то, он видит смысл в том, чтобы кого-то любить. Но даже в безнадежной ситуации, перед которой он беспомощен, он при известных условиях способен видеть смысл. Дело в позиции и установке, с которой он встречает свою судьбу, которой он не в состоянии избежать или изменить. Лишь позиция и установка дают ему возможность продемонстрировать то, на что способен один лишь человек: превращение, преобразование страдания в достижение на человеческом уровне. Один студент-медик из Соединенных Штатов писал мне: “Недавно умер один из лучших моих друзей, потому что он не смог найти в жизни смысл. Сейчас я знаю, что, если бы он был жив, я смог бы, пожалуй, помочь ему средствами логотерапии. Его уже нет, но сама его смерть будет теперь всегда побуждать меня оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Я думаю, что не может быть более глубинного мотива. Несмотря на мое горе, вызванное смертью друга, несмотря на мое чувство вины в этой смерти, его существование — и его “уже-не-существование” наполнено смыслом. Если мне когда-нибудь достанет силы работать врачом и эта ответственность будет мне по плечу, значит, он умер не напрасно. Больше всего на свете я хочу одного: не допустить, чтобы эта трагедия случилась еще раз — случилась с другим”.

¹ Это, собственно, не должно нас удивлять, поскольку мы придерживаемся мнения, что даже тот, кто на сознательном уровне не религиозен, вполне может быть религиозным бессознательно, пусть даже в том самом широком понимании религиозности, которое имел в виду, например, Альберт Эйнштейн.

В жизни не существует ситуаций, которые были бы действительно лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования — в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть — также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это — в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых, по Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. “Мне 22 года, — писал мне один американский студент, — у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, — это какой во всем этом смысл”.

Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое хоть, по идее, и представляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума. Мы, психиатры, имеем возможность наблюдать это на примере так называемых “воскресных неврозов”. И этот избыток свободного времени, по всей видимости, увеличивается. Институт демоскопии в Алленсбахе был вынужден констатировать, что если в 1952 г. время в воскресенье тянулось слишком медленно для 26 % опрошенных, то сегодня уже для 37 %. Тем самым понятно и сказанное Джерри Манделем: “Техника избавила нас от того, чтобы мобилизовывать все наши способности на борьбу за существование. Мы создали государство всеобщего обеспечения, которое гарантирует каждому сохранение жизни без личных усилий с его стороны. Если однажды дойдет до того, что благодаря технике 15 % американских рабочих фактически смогут обслуживать потребности целой нации, перед нами встанут две проблемы: кто должен принадлежать к этим 15 % работающих и что будут делать остальные со своим свободным временем — и с потерей смысла их жизни? Может быть, логотерапия сможет сказать Америке следующего столетия больше, чем она уже дала Америке этого столетия”.

К сожалению, здесь и сегодня проблема выглядит иначе. Нередко избыток свободного времени является следствием безработицы. Уже в 1933 г. я описал картину болезни при “неврозе безработицы”. При отсутствии работы жизнь кажется людям бессмысленной, а сами они считают себя бесполезными. Их угнетает не безработица как таковая, а ощущение смыслоутраты. Человек живет не единым пособием по безработице.

В отличие от тридцатых годов сегодняшней экономический кризис вызван кризисом энергетическим: мы с ужасом обнаружили, что источники энергии не являются неисчерпаемыми. Я надеюсь, что меня не сочтут легкомысленным, если я рискну здесь утверждать, что энергетический кризис и сопутствующее ему уменьшение роста промышленности и есть единственный серьезный шанс для нашего фрустрированного стремления к смыслу. У нас есть шанс осмыслить самих себя. В век общества изобилия большинство людей имеют достаточно средств для жизни, однако многим людям совершенно неизвестно, ради чего им жить. Теперь же вполне

возможным становится смещение акцентов от средств к жизни на жизненные цели, на смысл жизни. И в отличие от источников энергии этот смысл неисчерпаем, вездесущ.

Какое, однако, мы имеем право утверждать, что жизнь никогда и ни для кого не перестает иметь смысл? Основанием для этого служит то, что человек в состоянии даже безвыходную ситуацию превратить в победу, если рассматривать ее под человеческим углом зрения. Поэтому даже страдание заключает в себе возможность смысла. Само собой разумеется, что речь здесь идет только о ситуациях, которые нельзя устранить, нельзя избежать и нельзя изменить, о страдании, которое не может быть устранено. Как врач, я, конечно, имею в виду прежде всего неизлечимые болезни, неоперабельные раковые опухоли.

Осуществляя смысл, человек реализует сам себя. Осуществляя же смысл, заключенный в страдании, мы реализуем самое человеческое в человеке. Мы обретаем зрелость, мы растем, мы перерастаем самих себя. Именно там, где мы беспомощны и лишены надежды, будучи не в состоянии изменить ситуацию, — именно там мы призваны, ощущаем необходимость измениться самим. И никто не описал это точнее, чем Иегуда Бэкон, который попал в Освенцим еще ребенком и после освобождения страдал от навязчивых представлений: “Я видел похороны с пышным гробом и музыкой — и начинал смеяться: не безумцы ли — устраивать такое из-за одного-единственного покойника? Если я шел на концерт или в театр, я обязательно должен был вычислить, сколько потребовалось бы времени, чтобы отравить газом всех людей, которые там собрались, и сколько одежды, сколько золотых зубов, сколько мешков волос получилось бы при этом”. И далее Иегуда Бэкон спрашивает себя, в чем мог заключаться смысл тех лет, которые он провел в Освенциме: “Подростком я думал, что расскажу миру, что я видел в Освенциме, в надежде, что мир станет однажды другим. Однако мир не стал другим, и мир не хотел слышать об Освенциме. Лишь гораздо позже я действительно понял, в чем смысл страдания. Страдание имеет смысл, если *ты сам* становишься другим”.

Гордон Виллард Олпорт

ЛИЧНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ⁸

Психическое здоровье: общая установка

В провинциальном австрийском госпитале лежал тяжелобольной мужчина. Врачи честно признались ему в том, что им не удалось определить причину болезни, однако если бы они смогли поставить диагноз, они бы, вероятно, вылечили его. Кроме этого, они сказали, что известный диагност вскоре должен посетить госпиталь и что именно ему, возможно, удастся установить причину заболевания.

Через несколько дней диагност прибыл и совершил обход госпиталя. Подойдя к постели этого человека, он взглянул на него, пробормотал “*moribundus*” (умрет —лат.) и вышел.

Несколькими годами позже этот пациент позвонил диагносту и сказал: “Позвольте мне поблагодарить вас за ваш диагноз. Они сказали мне, что если вы сможете поставить диагноз, я пойду на поправку, и в ту минуту, когда вы произнесли *moribundus* я понял, что обязательно выздоровею”.

Мораль этой истории такова: сама жизнь может зависеть от установки и ожиданий.

Вторая история заключается в следующем.

Мой приятель-психиатр, сторонник условно-рефлекторной терапии, рассказывал о своей пациентке, страдающей алкоголизмом. Чтобы устранить ее склонность обуславливающим методом, он ставил перед ней стакан виски и одновременно вводил сильное рвотное средство. Вскоре ее начинало тошнить, как только она чувствовала запах алкоголя. Естественно, она совершенно прекратила употреблять спиртные напитки. Остановившись в нашем рассказе на этом месте, мы могли бы утверждать, что специфическая техника обуславливания — крайне эффективный метод. К несчастью, эта терапия погубила ее. Как только к ее двери подходил коммивояжер, или соседи, или ее собственные закадычные друзья, от которых пахло алкоголем, ее рвало прямо на них.

Механическое отучение от привычки само по себе не излечило ее, поскольку лекарство не было согласовано с образом жизни.

Третья история с довольно оптимистичным концом касается маленького мальчика, который все время сосал большой палец. Были перепробованы все доступные методы поощрения и наказания, основанные на столь популярной теории научения: бинтование пальца, обмазывание его горьким соком алоэ, шлепки, конфета, которую то давали, то отбирали. Все попытки оказались безрезультатными, и привычка становилась все сильней.

В один прекрасный день он вдруг прекратил сосать палец. Когда изумленные родители поинтересовались, почему закоренелая привычка была столь радикально отброшена, ребенок ответил просто: “Большие мальчики не сосут свои пальцы”.

Каким-то образом эта идея проникла к нему в сознание, и специфическая навязчивость исчезла. Мальчик вылечился.

⁸ Олпорт Г. Личность в психологии. — М.: КСП+, СПб: Ювента. При участии психологического центра “Ленато”, СПб, 1998. — С. 103—112.

Терапия: методы общие и специфические

Все эти три истории, каждая в своем роде, касаются нашей проблемы, суть которой проста: каким образом представители помогающих профессий (а к ним я отношу психиатров, священнослужителей, социальных работников, психологов-практиков и работников образования) смогут обрести снова хотя бы немного того здравого смысла, который некогда был ими утерян? Я думаю, исторически это сложилось так. В XIX в. социальная психология и медицинские науки осознали свою неспособность справиться со всем комплексом проблем психической и социальной жизни человека. Поэтому, подражая естественным наукам, они вознамерились решать в каждый момент времени только одну маленькую задачу. События имеют причины, а посему логично сконцентрировать внимание на конкретном патологическом факте, найти его причину и устранить ее. Успехи Дженнера, Листера и Пастера были весьма впечатляющими. Их пример казался достаточно убедительным, чтобы последовать ему и в сфере психических расстройств.

Бытовало убеждение, что душа человека вторична по отношению к его телу. Мозг, конечно же, физиологический орган. Воздействуя на этот орган посредством лекарств, обусловливания или даже гипноза, вы можете изменять установки и действия человека. В научных кругах доминировало представление о *materia medica*, (*медицинской материи*). Джон Уайтхорн назвал это положение “псевдохирургическим подходом в психотерапии”.

И в наши дни прописывание всяческих чудодейственных лекарств остается модным направлением в лечении психических расстройств и задержек психического развития — даже более модным, чем когда бы то ни было. Фармакотерапия является неременным атрибутом специфической терапии, опирающейся на биохимический подход к психическим расстройствам. Мы не можем отрицать, что подобное лечение зачастую приводит к положительным результатам. Правда, сиделка в одной из клиник сказала мне так: “Когда ты даешь людям лекарства, но не даешь им любви, от этого нет ровным счетом никакой пользы. Пациент остается со своей проблемой, он все так же тревожен и неуверен, все так же чувствует себя изолированным, отвергнутым, покинутым и Богом, и людьми”.

Продолжая разговор о лекарствах, нельзя не коснуться трудной проблемы, касающейся пагубной привычки к наркотикам. Несмотря на свои страдания, наркоман, как правило, возвращается к наркотикам после освобождения из тюрьмы или выхода из больницы. Даже психотерапия, как было установлено, помогает не более чем в 17 % случаев. Наркоманы “решают” все свои проблемы таблеткой, затяжкой, иглой. Эти несчастные люди — жертвы расхожей установки, которая может быть определена как “магическое мышление”. Е. М. Браун охарактеризовал эту установку следующим образом: конкретный момент времени — единственная реальность, субъективная реальность важнее, чем реальность внешняя, точка зрения человека — абсолютна и безусловна. Наркоман нуждается в том, чтобы чувствовать себя всемогущим. Фрустрация, одиночество, отчуждение — вот что приводит его к наркотикам. Его пагубная привычка — образ жизни. Только тотальное изменение мировоззрения может обеспечить терапевтический эффект, однако осуществить такое тотальное изменение крайне сложно.

Несмотря на свои частые провалы, псевдохирургический подход до сих пор находится в фаворе. Научные идеи прошлого века и поныне побуждают нас искать конкретные причины конкретных эффектов. Результатом этого является бесчисленное количество теорий, концепций и техник, до поры до времени вызывающих определенный энтузиазм. Я имею в виду такие модные идеи, как *биохимический дисбаланс, обусловливание, подкрепление, терапия среды, гипноанализ, редукция напряжения, гомеостаз, соматотип, кибернетика, неврологический блок, когнитивный диссонанс, стимул-реакция*, а также некоторые популярные принципы психоанализа, такие как *перенос, эдипов комплекс, оральная регрессия* и еще целый набор подобных концептуальных лозунгов. Нельзя сказать, что какой-то из этих подходов абсолютно ошибочен; но все они неполны и в чем-то тривиальны. Каждый из них акцентирует внимание на некоторых частных способах, которыми некоторые организмы могут реагировать на ситуацию в некоторые моменты времени; но приверженцы этих подходов частенько намекают, что любезная их сердцу теория объясняет гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд.

Обратите внимание на популярность термина “организм”. Этот ярлык отражает безличный, биологический, детерминистский подход исследователя, придерживающегося частного подхода. Теоретики, склонные к частным доктринам, редко говорят о человеческом существе как о мужчине, о женщине, об индивидуальности, о личности или тем паче о душе.

Теоретическая проблема состоит, однако, не в том, насколько верна или ошибочна та или иная частная формула в том или ином частном случае. Вопрос, скорее, нужно поставить так: *где основной источник динамики человеческой жизни?* От чего страдает наш пациент — от биохимического дисбаланса или от невыносимо тягостной потери самоуважения? Оба утверждения верны; но наука предпочитает рассуждать на биохимическом уровне (кажущемся ей более объективным, менее анимистическим и таинственным), где проще определить и причину, и следствие.

Доктор Джон Уайтхорн в этой связи рассказывал о своем собственном опыте. Научившись благодаря лабораторным курсам искать конкретные естественные причины конкретных явлений, он занялся изучением биохимических основ шизофрении. Делая экспериментальные инъекции, он обнаружил, что его разговоры с пациентами приносят им больше пользы, чем глюкоза и фосфат натрия. Оказалось также, что умами его пациентов владеет всепоглощающая боязнь подчиниться принудительным мерам. Они борются за свою целостность доступными им способами и боятся внешних воздействий.

И тем не менее, как отмечает Уайтхорн, психиатр некоторым образом неизбежно воздействует на своего пациента; его профессиональная роль требует от него занятия лидерской позиции. Установив этот факт, Уайтхорн провел анализ различных стилей лидерства, демонстрируемых психиатрами, и обнаружил, что тот стиль, который он назвал апеллирующим (отзывчивая, поощряющая, сочувственная манера общения), более эффективен при лечении шизофрении, чем директивный или пассивно-консультативный стили лидерства.

Когда научная догма является основополагающим фактором, развивается любопытная иерархическая система, в которой пациент

занимает самую низшую позицию. У него нет ни информации, ни ответственности, ни свободы, ни разума. Каким образом ему удастся заново обрести все эти атрибуты здоровья, если и терапевт, и даже обслуживающий персонал расцениваются наукой как стоящие выше пациента, — непонятно. Я полагаю, что такого рода пренебрежение — главное препятствие излечения.

Конечно, не все терапевты прячутся за своим частным знанием. Многие из них демонстрируют апеллирующий стиль лидерства и тем самым заново открывают важную главу в истории психиатрии. Полтора столетия назад Филипп Пинель предложил революционный подход к психическим заболеваниям, названный “моральным лечением” (хотя правильнее было бы называть его “лечением морального состояния”). Это была программа плановой реабилитации в позитивном, сочувствующем социальном окружении, характеризующемся дружеской манерой общения, решением проблем. День больного при такой терапии занят трудом в обстановке, близкой к семейной, и в процессе всей этой деятельности с пациентом обращаются как с нормальным человеком, чтобы он мог заново обрести самоуважение. Не так давно доктор Боковен описал этот забытый период в истории психиатрии. В американских больницах, в которых применялось моральное лечение, сострадание пришло на смену надзору, и процент случаев выздоровления оказался на удивление высоким.

В конце XIX в. широкое распространение получила концепция физиологической медицины. Лучшим лечением стало считаться то, которое основывалось на физиологической теории. Психологическая чувствительность и понимание, характеризующие моральное лечение, были отвергнуты как мистические, сентиментальные и ненаучные. Неврологические общества исключали работы, касавшиеся психологических факторов психических расстройств. И процент случаев выздоровления начал снижаться. Хронических и неизлечимых случаев становилось все больше и больше. И хотя увеличилось количество амбулаторных клиник и изменились методы статистического учета, в целом складывается впечатление, что успех раннего морального лечения (который мне хотелось бы назвать терапией установок) превосходил успех наших более поздних научных частных методов.

История циклична. Концепция морального лечения понемногу возвращается в жизнь. Границы науки постепенно расширяются, и множатся данные, раскрывающие нам причины успеха раннего морального лечения.

Несколько лет назад один из студентов Карла Роджерса занялся исследованием предполагаемых факторов успешности терапии подростков с делинквентным поведением. Проблема была сформулирована следующим образом: на какие из множества факторов, изученных в группе из 75 мальчиков, можно было бы опираться при составлении прогнозов успешного излечения? Среди вероятных факторов рассматривались, конечно, специфика социального окружения подростка, установки его родителей, его дружеские связи, конституция, прошлая репутация, социальный класс, уровень адаптации к школе, различные психотравмирующие ситуации — вся та мешанина, которую сейчас принято называть “психосоциальной эпидемиологией”. В ходе исследования выяснилось следующее. Хотя некоторые из этих факторов и обладают определенной прогностической силой, гораздо большее значение имеет

степень осознания подростком той ситуации, в которой он находится. Позднее Роджерс подтвердил это открытие в своих исследованиях. Б. Р. Хатчесон обнаружил сходный факт: если подросток расценивает свои асоциальные действия как нормальные, обычные, естественные, перспективы выздоровления весьма сомнительны. С другой стороны, если его установки по отношению к собственному дурному поведению демонстрируют, что для него это неестественно и отвратительно, он, вероятно, пойдет на поправку. Общая ориентация играет важнейшую роль.

Общая ориентация

Что следует понимать под общей ориентацией? Позволю себе привести несколько примеров.

Лоуэлла, президента Гарвардского университета, однажды спросили, как ему удается принимать такое количество важных решений в течение одного только дня его деятельной жизни. Он ответил так: “О, это не очень сложно. Существует всего несколько — ну, может, с полдюжины — принципиальных ценностей, основываясь на которых я принимаю решения. Почти любое решение диктуется одной из этих ценностей”.

Пытаясь классифицировать своих пациентов, Карен Хорни сочла полезным выделить три типа общей ориентации: а) уступчивость по отношению к людям; б) обособленность от людей; в) враждебность по отношению к людям. Она полагала, что каждого пациента отличает характерный образ поведения в социальных ситуациях, соответствующий одной из этих ориентации. Возможно, ее типология чересчур груба, но я хотел бы обратить ваше внимание на следующее: у каждого из нас есть своя собственная схематическая ориентация, которая обуславливает или направляет наши реакции по отношению к окружающим людям.

Даже лабораторные исследования демонстрируют всепроникающее влияние социального схематизирования. Некоторым людям присущи очевидные аффилиативные тенденции, поэтому они используют много прилагательных в описании людей и, когда их просят поменять местами фигурки людей, они располагают эти фигурки ближе друг к другу, чем они находились первоначально. Несколько лет назад Кэнтрил также обнаружил то основополагающее влияние, которое общие ориентации оказывают на специфику деятельности и мировоззрения.

К сожалению, я вынужден констатировать, что до сегодняшнего дня ни психиатрия, ни занимающаяся этой проблематикой нейрофизиология не достигли должного уровня знания относительно природы и специфики действия обобщенных психических установок. Однако некоторый, хотя и слабый, прогресс все же достигнут. Нейрофизиологи занимаются изучением того влияния, которое сложные психические установки оказывают на избирательность и направленность конкретных поведенческих проявлений. Так, Хебб приписывает это направляющее влияние тому, что он называет “автономными центральными процессами” и “центральным мотивационным состоянием”.

Возьмем, к примеру, проблему этнических предрассудков. У большинства людей этнические предрассудки (или их противоположность — этническая терпимость), как мы теперь знаем, являются обобщенной установкой. Если Джону свойственна, например, антипатия к неграм, он, скорее всего, будет испытывать те же чувства по отношению к евреям,

мексиканцам, азиатам, католикам (или протестантам) — т. е. почти ко всем группам, членом которых он не является. Соответственно, если он толерантен по отношению к одной из групп, по всей вероятности, он будет столь же толерантен по отношению ко всем другим группам.

Я позволю себе применить эту закономерность (подтвержденную множеством исследований) к анализу проблемы обобщенной религиозной ориентации, поскольку не так давно я провел исследование на эту тему. Был установлен один факт, внушающий определенное беспокойство (и опять же подтвержденный большим количеством исследований). Факт такой: в среднем, люди, посещающие церковь, более нетерпимо относятся к меньшинствам, чем те, кто церковь вообще не посещает. Какова наша первая реакция на подобное заявление? Конечно, мы скажем: “Но это не может быть правдой! Посмотрите на лидеров движения за гражданские права — большинство из них глубоко религиозны. Вспомните Ганди, отца Джона Лафаржа, Мартина Лютера Кинга, да и многих других”. Очевидно, что если *большинство* верующих менее толерантны, но в то же время *некоторые* из них более толерантны, то должно существовать различие в типе ориентации этих людей. И задача исследования заключалась в определении этих типов ориентации.

Исследование показало, что верующие люди, которым свойственна высокая степень склонности к предрассудкам, имеют такую религиозную ориентацию, которую я назвал внешней.

Внешняя религиозная ориентация. Для многих людей религия — привычка или же родовое изобретение, используемое для церемоний, для удобства в семье, для личностного комфорта. Это нечто, нужное для того, чтобы его *использовать*, а не для того, чтобы ради него *жить*. Оно может быть способом повышения статуса, поддержания уверенности в себе. Оно может быть использовано как защита от реальности, как божественное одобрение образа жизни. Подобное чувство дает мне уверенность в том, что Бог видит вещи такими же, какими их вижу я. Человек с внешней религиозной ориентацией обращен к Богу, но не отстранен от себя. Этот тип религиозности по сути своей — щит для центрированности на себе.

Люди, принадлежащие к этому типу, как оказалось, обычно посещают церковь нерегулярно. На самом деле они не набожны. Они используют религию для своего удобства. Некоторые из них посещают церковь лишь трижды: на собственных крестинах, собственной свадьбе и собственных похоронах. Неудивительно, что подобный тип религиозности коррелирует с наличием у человека большого количества предрассудков.

Внутренняя религиозная ориентация не является ни способом для борьбы со страхом, ни формой социабельности или конформности, ни сексуальной сублимацией, ни средством реализации желаний. Все эти мотивы вторичны. Этнические отношения, частная жизнь, личные проблемы, чувство вины, онтологическая тревога — все это регулируется всеобъемлющим обязательством, до некоторой степени интеллектуальным, но более всего фундаментально мотивационным. Это обязательство целостно, оно покрывает весь опыт личности, как научный, так и эмоциональный. Такая религия существует не для того, чтобы служить человеку удобным инструментом, скорее человек обязан служить ей.

Неудивительно, что люди с таким типом общей ориентации толерантны и сострадательны по отношению к окружающим.

И хотя я рассматриваю эти типы религиозной ориентации в их связи с этническими предрассудками, я также абсолютно уверен в том, что сохранению психического здоровья человека способствует внутренняя, а не внешняя религиозная ориентация.

Обратите внимание на то, что, в соответствии с этой гипотезой, внутренняя религиозная ориентация не может существовать для того, чтобы исполнять терапевтическую или профилактическую роль. Она не предназначена для использования. Страдалец может стремиться только к религии, а не к лечению самому по себе. Если его религиозная ориентация глубоко интериоризированна, ей будут сопутствовать и нормальная психика, и спокойствие в отношениях с окружающими. Такова моя гипотеза.

Еще один пример общей ориентации я нашел в недавно вышедшей книге отца Джона Клиффорда, где он излагает стратегию, которую использовал для того, чтобы противостоять пропагандистам из коммунистического Китая. Эта стратегия напоминает ту, которую используем мы сами, пытаясь защититься от воздействия, угрожающего нашему психическому здоровью. Она состоит из нескольких ключевых положений: а) решение не вступать во взаимодействие с негативными силами, демонстрируя пассивный уход; б) постоянные апелляции к позитивным ценностям и собственным убеждениям; в) активное планирование контрстратегий; г) сохранение чувства юмора, особенно тогда, когда это касается уловок недругов; д) осознание того, что оскорбления — только часть широкой программы и что поведение людей в определенной ситуации не всегда влияет на конечный результат.

Правило отца Клиффорда, заключающееся в том, что следует постоянно обращаться к собственным позитивным ценностям и убеждениям, затрагивает самую суть проблемы. Мартин Бубер рассматривает тот же вопрос в более широком смысле.

Он пишет: “Зло как состояние индивидуальной души — это конвульсивное отклонение от направления...”.

Консультанту не так просто понять, каким является (или должно являться) собственное “направление” данного человека; столь же непросто помочь этому человеку контролировать свойственные ему “конвульсивные отклонения”. Хотя психологические процессы, стоящие за этой проблемой, вполне отчетливы: лучший способ контролировать зло — усиление общей жизненной ориентации. В меньшей степени это вопрос конкретных вредных привычек или нарушения конкретных правил, и в большей степени — поддержание целостной ориентации. Мы помним, что Христа частные аспекты беспокоили меньше, чем гордыня, эгоизм и лицемерие. Его формула психического здоровья и справедливости отражена в Ветхом Завете — любить Господа Бога всем сердцем, душой и разумом; любить своего ближнего как самого себя.

На конкретном уровне, я думаю, мы сможем узнать кое-что полезное, посмотрев на те способы, которые используют здоровые люди для защиты своей “духовной ориентации”. Пример тому — стратегия отца Клиффорда. Некоторые люди прибегают к упрощенным лозунгам, которые отражают сущность их общей ориентации. Один весьма трудолюбивый чиновник рассказывал мне, что вся его жизнь направляется основополагающим убеждением в том, что “если человек работает так упорно, как только может, и берет ровно столько, сколько нужно ему и его семье, этого будет вполне

достаточно”. Одна милая женщина говорила, что на ее жизнь во многом влияет убеждение в том, что она не имеет права отравлять воздух, которым приходится дышать. другим людям. Она никогда не хныкала, не жаловалась и не сплетничала. Многие находят свой девиз в Священном Писании, например, “Будь спокоен и знай Бога” или “Он посылает мне тяжкие испытания, но я все равно верю Ему”.

Нет необходимости говорить о том, что девизы, эффективные для одного человека, не обязательно столь же эффективны для другого человека; но принцип определения и следования основной жизненной ориентации — первое правило психического здоровья.

Роль религиозного консультанта

Считая крайне важной общую ориентацию человека, мы должны выяснить роль религиозного консультанта, поскольку подобные вопросы — его специальность.

Цель терапии установок — дать индивиду возможность понять самого себя: свои ценности, свое выбранное направление, свою целостную жизненную ориентацию и свои страдания.

Ни у кого другого нет того же самого смыслового контекста, что у данного индивида, ни у кого другого нет тех же самых проблем. С позиций такой уникальности личности священник подходит к решению этой непростой задачи. Поскольку я не религиозный консультант, у меня нет возможности опираться в моих размышлениях на такого рода опыт. И тем не менее мне кажется весьма важным рассмотреть некоторые аспекты деятельности священника.

Во-первых, я убежден в том, что психическое здоровье включает в себе парадоксальную связь серьезности жизненной ориентации и юмора. Многие запутанные обстоятельства жизни совершенно безнадежны, и у нас нет против них никакого оружия, кроме смеха. Рискну заявить, что человека нельзя считать психически здоровым, если он не способен посмеяться над самим собой, отмечая, где он просчитался, где его претензии были слишком раздуты или неправомерны. Он должен замечать, где он обманывался, где был слишком самоуверен, недальновиден, и, прежде всего, где был тщеславен. Лучшее лекарство от тщеславия, как говорил Бергсон, это смех, и вообще, тщеславие — смехотворная слабость.

Сейчас нам нередко приходится слышать о трагедии отсутствия смыслов. Франкл в своей теории описал соответствующий этому состоянию невроз, который получил название ноогенного. Я убежден, что такое состояние пустоты (“экзистенциального вакуума”) — беда, главным образом, интеллектуального и образованного человека. С моей точки зрения, сам экзистенциализм — во многом философия, написанная “яйцеголовыми” и для “яйцеголовых”. И тем не менее многим пациентам действительно свойственно ощущение “экзистенциального вакуума”, и священникам приходится иметь дело с подобными проблемами. Страдалец гордо заявляет, что все в этом мире иллюзорно. Он не пилигрим и даже не турист на жизненной дороге, он всего лишь заблудившийся путник.

Молодым людям свойственно проходить через период пустоты, мятежа, отворачивания к жизни. Я помню одну студентку, которая заявляла, радостно улыбаясь: “Не могу выразить, какое удовольствие мне доставляет

мое экзистенциальное отчаяние”. Но то, что вполне допустимо в течение недолгого периода позднего подросткового возраста, не может являться руководящими принципами зрелого человека.

Когда речь идет об экзистенциальном вакууме или о целостной ориентации, об общей установке или центральном мотивационном состоянии, специалистом является священник, а ученый — до сих пор всего лишь неумелый дилетант. (Говоря о дилетантизме, я имею в виду психологические исследования и теории, а не ежедневную практику психиатров или клинических психологов. Многим из них по собственному опыту знакома потребность пациента в конструктивном видении мира; многие из них признают значимость религиозной ориентации как целительной силы в жизни конкретного пациента. Я говорю лишь о том, что научная база терапевтических профессий еще не вошла в соответствие с опытом и требованиями терапевтической практики.)

Возможно, у человека, который пришел к священнику, есть какие-то исходные религиозные идеи. И в этом случае задача священника — помочь человеку углубить и расширить их, чтобы они более адекватно охватывали сферу его актуальных проблем и исканий. Другими словами, задача заключается в том, чтобы помочь перейти от внешней религиозной ориентации к зрелой, всеобъемлющей, внутренней религиозности. В этом, на мой взгляд, состоит первоочередная задача каждого религиозного консультанта.

Вместе с тем, конечно, консультант может переадресовать пациента какому-то психиатрическому учреждению, но он должен рассматривать такого рода практику как источник помощи, а не как осуждение на гибель. Помещение пациента в клинику, в больницу, в школу для детей с задержкой в развитии не означает автоматического решения проблемы; в некоторых случаях оно только усиливает напряжение. Ни один пациент не может чувствовать себя спокойно, отдавая свою целостность на волю работников больницы, в которой используется множество безличных методов лечения — электрошоковых, гипнотических, фармакологических или психотерапевтических. Переложить всю ответственность на врачей, медсестер, психологов, какими бы профессионалами они ни были, — значит отказаться от жизненной свободы. То, что нужно любому больному, это поддержка его исключительности, ощущение того, что вселенский дух понимает его проблемы и принимает его самого. “Есть ли в мире место для меня, беспомощного неудачника?” — вот то, что он хочет знать.

Карен Хорни

КУЛЬТУРА И НЕВРОЗ⁹

Анализ любого человека ставит новые проблемы даже перед самым опытным аналитиком. Работая с каждым новым пациентом, аналитик сталкивается с индивидуальными трудностями, с отношениями, которые трудно выявить и осознать и еще труднее объяснить, с реакциями, которые весьма далеки от тех, что можно понять с первого взгляда. Если принять во внимание всю сложность структуры невротического характера, как она была описана в предыдущих главах, и множество привходящих факторов, такое разнообразие неудивительно. Различия в наследственности и тех переживаниях, которые испытал человек за свою жизнь, особенно в детстве, вызывают кажущееся бесконечным разнообразие в конструкции вовлеченных факторов.

Но, как указывалось вначале, несмотря на все эти индивидуальные вариации, конфликты, играющие решающую роль в возникновении невроза, практически всегда одни и те же. В целом это те же самые конфликты, которым также подвержен здоровый человек в нашей культуре. Стало уже до некоторой степени трюизмом говорить о том, что невозможно провести четкое различие между неврозом и нормой, но может оказаться полезным повторить его еще раз. Многие читатели, столкнувшись с конфликтами и отношениями, о которых они знают из собственного опыта, могут спросить себя: невротик я или нет?

Наиболее достоверный критерий состоит в том, ощущает или нет человек препятствия, создаваемые его конфликтами, может ли он правильно воспринимать и преодолевать их.

Когда мы осознаем, что в нашей культуре невротики движимы теми же самыми основными конфликтами, которым также подвержен нормальный человек, хотя и в меньшей степени, мы снова сталкиваемся с вопросом, поднятым вначале: какие условия в нашей культуре ответственны за то, что неврозы сосредотачиваются вокруг тех специфических конфликтов, которые я описала, а не вокруг других?

Фрейд лишь вскользь коснулся данной проблемы; обратной стороной его биологической ориентации является отсутствие социологической ориентации, и, таким образом, он склонен объяснять социальные явления в основном биологическими факторами (теория либидо). Эта тенденция привела психоаналитических исследователей к убеждению в том, например, что войны вызываются действием инстинкта смерти, что корни нашей нынешней экономической системы лежат в анально-эротических влечениях, что причину того, почему машинный век не начался две тысячи лет тому назад, следует искать в нарциссизме этого периода.

Фрейд рассматривает культуру не как результат сложного социального процесса, а главным образом как продукт биологических влечений, которые вытесняются или сублимируются, и в результате против них выстраиваются

⁹ Хорни К. Невротическая личность нашего времени: Самоанализ: Пер. с англ.— М.: Издательская группа “Прогресс”—“Универс”, 1993 — С. 214—220.

реактивные образования. Чем полнее вытеснение этих влечений, тем выше культурное развитие. Так как способность к сублимации ограничена и так как интенсивное вытеснение примитивных влечений без сублимации может вести к неврозу, развитие цивилизации неизбежно должно вызывать усиление неврозов. Неврозы являются той ценой, которую приходится платить человечеству за культурное развитие.

Подразумеваемой теоретической предпосылкой, лежащей в основании этого хода мыслей, является вера в существование биологически детерминированной человеческой природы или, точнее, вера в том, что оральные, анальные, генитальные и агрессивные влечения имеют место у всех людей и примерно одинаковы в количественном отношении. Вариации в строении характера от индивида к индивиду, как и от культуры к культуре, обуславливаются тогда различной интенсивностью необходимого вытеснения, с дополнительной оговоркой, что такое вытеснение воздействует на различные виды влечений в разной степени.

Исторические и антропологические данные не подтверждают такой прямой связи между уровнем развития культуры и вытеснением сексуальных или агрессивных влечений. Ошибка заключается главным образом в допущении количественной вместо качественной связи. Связь существует не между долей вытеснения и объемом культуры, а между характером (качеством) индивидуальных конфликтов и характером (качеством) трудностей, порождаемых культурой. Нельзя игнорировать количественный фактор, но его можно оценить лишь в контексте всей структуры.

Существуют определенные характерные трудности, неотъемлемо присущие нашей культуре, которые отражаются в виде конфликтов в жизни каждого человека и которые, накапливаясь, могут приводить к образованию неврозов. Так как я не являюсь социологом, то лишь кратко выделю основные тенденции, которые имеют отношение к проблеме невроза и культуры.

Современная культура экономически основывается на принципе индивидуального соперничества. Отдельному человеку приходится бороться с другими представителями той же группы, приходится брать верх над ними и нередко "отталкивать" в сторону. Превосходство одного нередко означает неудачу для другого. Психологическим результатом такой ситуации является смутная враждебная напряженность между людьми. Каждый представляет собой реального или потенциального соперника для любого другого. Эта ситуация вполне очевидна для членов одной профессиональной группы, независимо от стремлений быть справедливым или от попыток замаскировать соперничество вежливым обращением. Однако следует подчеркнуть, что соперничеством и потенциальной враждебностью, которая ему сопутствует, проникнуты все человеческие отношения. Соревновательность является одним из господствующих факторов в социальных отношениях. Соперничество присутствует в отношениях мужчин с мужчинами, женщин с "женщинами, и безотносительно к тому, что является поводом для него — популярность, компетентность, привлекательность или любое другое социально значимое качество, — оно крайне ухудшает возможности прочной дружбы. Оно также, как уже указывалось, нарушает отношения между мужчинами и женщинами не только в выборе партнера, но в плане борьбы с ним за

превосходство. Оно пронизывает школьную жизнь. И, возможно, самое главное, оно пронизывает семейную ситуацию, так что, как правило, ребенку прививают зародыш соперничества с первых лет жизни. Соперничество между отцом и сыном, матерью и дочерью, одним и другим ребенком не является общим человеческим феноменом, это лишь реакция на культурно обусловленные воздействия. Одним из великих достижений Фрейда остается то, что он открыл роль соперничества в семье, что нашло свое выражение в понятии эдипова комплекса и в других гипотезах. Однако следует добавить, что соперничество само по себе не является биологически обусловленным, а является результатом данных культурных условий и, более того, не только семейная ситуация порождает соперничество, но оно стимулируется начиная с колыбели вплоть до могилы.

Потенциальное враждебное напряжение между людьми приводит в результате к постоянному порождению страха — страха потенциальной враждебности со стороны других, усиленного страхом мести за собственную враждебность. Другим важным источником страха у нормального человека является перспектива неудачи. Страх неудачи вполне реален и потому, что, в общем, шансы потерпеть неудачу намного больше шансов достичь успеха, и потому, что неудачи в обществе, основанном на соперничестве, влекут за собой реальную фрустрацию потребностей. Они означают не только экономическую небезопасность, но также потерю престижа и все виды эмоциональных переживаний неудачи.

Еще одной причиной того, почему успех становится такой манящей мечтой, является его воздействие на наше чувство самоуважения. Не только другие нас оценивают по степени нашего успеха; волей-неволей наша собственная самооценка следует по тому же пути. Согласно существующим идеологиям, успех отражает неотъемлемо присущие нам заслуги или, на религиозном языке, является видимым воплощением Божьей милости; в действительности он зависит от многих факторов, не поддающихся нашему управлению, — случайных обстоятельств, чьей-то недобросовестности и т. п. Тем не менее под давлением существующей идеологии даже абсолютно нормальный человек считает, что его значимость напрямую связана с успехом, сопутствующим ему. Нет надобности говорить о том, что это создает шаткую основу для самоуважения.

Все эти факторы вместе — соперничество и сопутствующие ему потенциальные враждебные отношения между людьми, страхи, сниженное самоуважение — в психологическом плане приводят к тому, что человек чувствует себя изолированным. Даже когда у него много друзей и он счастлив в браке, эмоционально он все же изолирован. Эмоциональную изоляцию выносить трудно любому человеку, однако она становится бедствием, если совпадает с мрачными предчувствиями и опасениями на свой счет.

Именно такая ситуация вызывает у нормального современного человека ярко выраженную потребность в любви и привязанности как своего рода лекарстве. Получение любви и расположения способствует тому, что у него ослабевает чувство изолированности, угрозы враждебного отношения и растет уверенность в себе. Так как это соответствует жизненно важной потребности, роль любви переоценивается в нашей культуре. Она становится призрачной мечтой — подобно успеху, — несущей с собой иллюзию того, что является решением всех проблем. Любовь сама по себе

не иллюзия, несмотря на то что в нашей культуре она чаще всего служит ширмой для удовлетворения желаний, не имеющих с ней ничего общего; но она превращается в иллюзию, так как мы ждем от нее намного больше того, что она в состоянии дать. И идеологический упор, который мы делаем на любовь, служит сокрытию тех факторов, которые порождают нашу чрезмерную в ней потребность. Отсюда человек — а я все еще имею в виду обычного человека — стоит перед дилеммой, суть которой в огромной потребности в любви и привязанности, с одной стороны, и трудности ее достижения — с другой.

Такая ситуация дает обильную почву для развития неврозов. Те же самые культурные факторы, которые влияют на нормального человека и которые приводят к колеблющемуся самоуважению, потенциальной враждебной напряженности, тяжелым предчувствиям, соперничеству, порождающему страх и враждебность, усиливают потребность в приносящих удовлетворение личных отношениях, — те же факторы воздействуют на невротика в большей степени. Те же самые результаты оказываются гораздо более глубокими, приводя к краху чувства собственного достоинства, разрушительным стремлениям, тревожности, усилению соперничества, порождающему тревожность и деструктивные импульсы, и к обостренной потребности в любви и привязанности.

Когда мы вспоминаем, что в каждом неврозе имеют место противоречивые тенденции, которые невротик не способен примирить, возникает вопрос о том, нет ли определенных сходных противоречий в нашей культуре, которые лежат в основе типичных невротических конфликтов. Задачей социологов будет исследование и описание этих культурных противоречий. Мне же здесь достаточно кратко и схематично указать на некоторые главные противоречивые тенденции.

Первое противоречие, о котором следует упомянуть, — это противоречие между соперничеством и успехом, с одной стороны, и братской любовью и человечностью — с другой. С одной стороны, все делается для достижения успеха, а это означает, что мы должны быть не только напористыми, но и агрессивными, способными столкнуть других с дороги. С другой стороны, мы глубоко впитали христианские идеалы, утверждающие, что эгоистично хотеть чего-либо для себя, а должно быть смиренными, подставлять другую щеку, быть уступчивыми. Для этого противоречия есть лишь два решения в рамках нормы: всерьез следовать одному из этих стремлений и отказаться от другого или серьезно воспринимать оба этих стремления и в результате испытывать серьезные внутренние запреты в отношении того и другого.

Вторым является противоречие между стимуляцией наших потребностей и фактическими препятствиями на пути их удовлетворения. По экономическим причинам в нашей культуре потребности постоянно стимулируются такими средствами, как реклама, “демонстрация образцов потребительства”, идеал “быть на одном уровне с Джонсами”. Однако для огромного большинства реальное осуществление этих потребностей жестко ограничено. Психологическое следствие для человека состоит в постоянном разрыве между желаниями и их осуществлением.

Существует еще одно противоречие между утверждаемой свободной человека и всеми его фактическими ограничениями. Общество говорит его члену, что он свободен, независим, может строить свою жизнь со своей свободной волей; “великая игра жизни” открыта для него, и он может получить то, что хочет, если он деятелен и энергичен. В действительности для большинства людей все эти возможности ограничены. Шутливое выражение о том, что родителей не выбирают, можно распространить на жизнь в целом — на выбор работы, форм отдыха, друга. В итоге человек колеблется между ощущением безграничной власти в определении собственной судьбы и ощущением полнейшей беспомощности.

Эти противоречия, заложенные в нашей культуре, представляют собой в точности те конфликты, которые невротик отчаянно пытается примирить: склонность к агрессивности и тенденцию уступать; чрезмерные притязания и страх никогда ничего не получить; стремление к самовозвеличиванию и ощущение личной беспомощности. Отличие от нормы имеет чисто количественный характер. В то время как нормальный человек способен преодолевать трудности без ущерба для своей личности, у невротика все конфликты усиливаются до такой степени, что делают какое-либо удовлетворительное решение невозможным.

Представляется, что невротиком может стать такой человек, который пережил обусловленные культурой трудности в обостренной форме, преломив их главным образом через сферу детских переживаний, и вследствие этого оказался неспособен их разрешить или разрешил, их ценой большого ущерба. Мы могли бы назвать его пасынком нашей культуры.

Эрих Фромм

ПСИХОАНАЛИЗ И ЭТИКА¹⁰

Эгоизм, себялюбие, своекорыстие²

Люби ближнего твоего, как самого себя

(Лев. 19. 18)

Современная культура вся пронизана табу на эгоизм. Нас научили тому, что быть эгоистичным грешно, а любить других добродетельно. Несомненно, это учение находится в вопиющем противоречии с практикой современного общества, признающего, что самое сильное и законное стремление человека — это эгоизм и что, следуя этому непреодолимому стремлению, человек вносит наибольший вклад в общее благо. Но учение, согласно которому эгоизм — это величайший грех, а любовь к другим — величайшая добродетель, чрезвычайно устойчиво. Эгоизм выступает как синоним себялюбия. Отсюда и альтернатива — любовь к другим, которая есть добродетель, и любовь к себе, которая есть грех.

Классическое выражение этот принцип обрел в кальвиновской теологии, согласно которой человек по сути своей зол и бессилён. Человек не может достичь никакого блага, опираясь на свои собственные силы и качества. “Мы не принадлежим себе, — говорит Кальвин. — Поэтому ни наш разум, ни наша воля не должны господствовать в наших мыслях и поступках. Мы не принадлежим себе; поэтому не будем полагать себе целью поиски того, что может быть целесообразно для нас, следуя лишь желаниям плоти. Мы не принадлежим себе; поэтому давайте, поелику возможно, забудем себя и все, что наше. Мы принадлежим Богу; а посему для Него будем жить и умирать. Ибо будет человек поражен губительной чумой, которая истребит его, если он будет слушать только свой голос. Есть только одно прибежище спасения: не знать или не хотеть ничего по своему усмотрению, а быть ведомым Богом, который идет пред нами”¹¹. Человек не только должен осознавать свое абсолютное ничтожество, но и сделать все

¹⁰ Фромм Э. Психология и этика. — М.: Республика, 1994. — С. 100—104.

² Ср.: *Fromm E. Selfishness and Self-Love //Psychiatry, 1939. November.* Здесь отчасти воспроизведены идеи, изложенные в этой ранней статье.

¹ *Calvin J. Institutes of the Christian Religion. (Philadelphia, 1928), в частности, кн. III, гл. 7. С. 619.* Начиная со слов “Ибо будет человек...” перевод сделан мной с латинского издания: *Calvini J. Institutio Christianae Religionis. Berolini, 1935. Par. 1. P. 445.*

возможное, чтобы унижить себя. “Ибо я не то называю унижением, как вы думаете, что мы должны претерпеть лишение чего-либо... мы не можем думать о себе должным образом без крайнего презрения ко всему, что может быть оценено в нас как наше превосходство. Но унижение есть неподдельное, искреннее повиновение, смирение нашего разума, преисполненного чувством своей собственной ничтожности и нищеты; ибо таково есть неизменное изображение его в слове Божиим”¹².

Такой акцент на ничтожности и слабости человека подразумевает, что у человека самого нет ничего, достойного любви и уважения. Это учение основано на ненависти и презрении к себе. Кальвин недвусмысленно говорит об этом: он называет себялюбие “чумой”¹³. Если человек обнаруживает нечто, “что доставляет ему удовольствие в себе самом”, он предается греху себялюбия. Ведь эта любовь к себе сделает его судьей других и заставит презирать их. Вот почему любить себя или что-нибудь в себе есть один из величайших грехов. Себялюбие исключает любовь к другим¹⁴ и есть почти то же, что эгоизм¹⁵.

Взгляды Кальвина и Лютера на человека оказали громадное влияние на развитие современного западного общества. Они легли в основу того положения, согласно которому счастье человека не есть цель его жизни, но что человек есть лишь средство, придаток к иным, высшим целям — либо всемогущему Богу, либо не менее могущественным светским властям и нормам, государству, бизнесу, успеху.

Кант, который выдвинул принцип, что человек есть цель, а не средство, и который был, по-видимому, наиболее влиятельным мыслителем эпохи Просвещения, тем не менее тоже осуждал себялюбие. Согласно Канту, желать счастья другим — добродетельно, а хотеть счастья для себя самого — нравственно безразлично, ибо это есть то, к чему стремится человеческая природа, а естественные стремления не могут иметь положительной нравственной ценности¹⁶. Кант все-таки допускает, что человек не должен отказываться от притязаний стать счастливым; при определенных обстоятельствах забота о собственном счастье может даже стать его обязанностью — частично потому, что здоровье, богатство и подобное могут стать средством, необходимым для исполнения долга, частично

² Ibid. Chap. 12. Par. 6. P. 681.

³ Ibid. Chap 7. Par. 4. P. 622.

⁴ Следует, однако, заметить, что даже любовь к ближнему — один из основополагающих догматов Нового Завета — не получила у Кальвина соответствующего признания. Явно противореча Новому Завету, Кальвин утверждает: “Чему учат схоласты относительно превосходства милосердия над верой и надеждой, есть просто мечты расстроенного воображения...” (Chap. 24. Par. 1.P.531).

¹ Несмотря на признание Лютером духовной свободы человека, его теология, во многих отношениях отличающаяся от кальвиновской, пронизана тем же убеждением в бессилии и ничтожности человека.

¹⁶ Ср.: *Kant I. Kant's Critique of Practical Reason and Other Works on the Theory of Ethics*. New York, 1909. Part. I. Book I. Chap. 1. Par. VIII. Remark II. P. 126.

³ Ibid. См. особенно: Part I. Book I. Chap. I. P. 186.

⁴ Указ. соч.: *Fundamental Principles of the Metaphysics of Morals*. Second section. P. 61.

¹ Loc. cit. Part I. Book I. Ch. III. P. 165.

потому, что недостаток счастья — бедность — может помешать ему исполнить свой долг¹⁷. Но любовь к себе, стремление к собственному счастью никогда не могут быть *добродетелью*. В качестве нравственного принципа стремление к собственному счастью “наиболее предосудительно, не потому, что оно ошибочно... но потому, что определяемые им мотивы нравственного поведения таковы, что скорее снижают и сводят к нулю его возвышенность...”¹⁸.

Кант различал эгоизм, себялюбие, *philautia* — себялюбие благоволения — и удовольствие от себя самого, себялюбие удовольствия. Но даже “разумное себялюбие” должно ограничиваться нравственными принципами, удовольствие от самого себя должно быть подавлено, и человек должен прийти к ощущению своего смирения перед святостью моральных законов¹⁹. Человек должен видеть для себя высшее счастье в исполнении своего долга. Реализация морального закона — а следовательно, достижение собственного счастья — возможна единственно в составе целого — нации, государства. Но “благоденствие государства” — *a salus reipublicae supremo, lex. est*²⁰ — не совпадает с благоденствием отдельных граждан и их счастьем²¹.

Несмотря на то что Кант питал, безусловно, большее уважение к неприкосновенности личности, чем Кальвин и Лютер, он отрицал за человеком право протестовать даже в условиях наиболее деспотического правления; протест должен караться смертью, если он несет угрозу суверену²². Кант видел в природе человека врожденную склонность к злу²³, для подавления которой необходим моральный закон, категорический императив, чтобы человек не превратился в зверя, а общество не превратилось бы в дикий хаос.

В философии эпохи Просвещения стремление человека к собственному счастью находило больший отклик, чем у Канта, — например, у Гельвеция. В современной философии эта тенденция наиболее радикальное выражение нашла у Штирнера и Ницше²⁴. Но хотя они занимают позицию, противоположную Кальвину и Канту, они тем не менее согласны с ними в том, что любовь к другим и любовь к себе не одно и то же. Любовь к другим они осуждали как слабость и самопожертвование, в противовес чему

²⁰ “Благо государства — высший закон” (*лат.*).

³ *Kant I.* Immanuel Kant's Werke (Berlin: Cassirer), в частности “Der Rechtslehre Zweiter Teil” I. Abschnitt, par. 49, p. 124, я перевел с немецкого текста, поскольку эта часть была пропущена в английском переводе “The Metaphysics of Ethics” (by I. W. Semple. Edinburgh, 1871).

⁴ *Ibid.* P. 126.

⁵ Ср.: *Kant I.* Religion within the Limits of Reason Alone. Chicago, 1934. Book I. (См.: *Кант И.* Религия в пределах только разума. Часть первая //Трактаты и письма. —М., 1980.)

⁶ Чтобы не раздувать эту главу по объему, я обращусь лишь к развитию современной философии. Те, кто изучал философию, знают, что в этике Аристотеля и Спинозы себялюбие рассматривалось как добродетель, а не грех — в противоположность Кальвину.

выдвигали эгоизм и себялюбие — которые они тоже путали между собой, не проводя между ними различия — как добродетель. Так, Штирнер говорил: “Итак, решать должны эгоизм, себялюбие, а не принцип любви, не мотивы любви вроде милосердия, доброты, добродушия или даже справедливости — ибо *iustitia* тоже феномен любви, продукт любви; любовь знает только жертвенность и требует самопожертвования”²⁵.

Тот вид любви, который осуждается Штирнером, — это мазохистская зависимость, в которой человек сам себя превращает в средство другого для достижения им своих целей. Порицая эту концепцию любви, он, однако, не смог избежать формулировки, которая, будучи весьма спорной, преувеличивает этот момент. Разрабатываемый Штирнером позитивный принцип²⁶ противопоставлялся им позиции, которой в продолжение столетий придерживалась христианская теология и которая была жива и в немецкой идеалистической философии, преобладавшей в его время, а именно стремлению покорить человека, чтобы он подчинился внешней силе и в ней нашел свою опору. Штирнер не был фигурой, равной Канту или Гегелю, но он обладал мужеством радикально противопоставить свою позицию идеалистической философии в той ее части, которая отвергала конкретного индивида в пользу абсолютистского государства, помогая тем самым последнему сохранять деспотическую власть.

Несмотря на многочисленные расхождения между *Ницше* и *Штирнером*, их идеи в этом отношении во многом совпадали. Ницше также не принимал любовь и альтруизм, считая их выражением слабости и самоотрицания. Согласно Ницше, потребность в любви свойственна рабам, не способным бороться за то, чего они хотят, и потому стремящимся обрести желаемое через любовь. Альтруизм и любовь к человечеству становятся тем самым символом-вырождения²⁷. Сущность хорошей и здоровой аристократии состоит для Ницше в том, что она готова жертвовать массами людей ради осуществления собственных интересов, не испытывая при этом сознания вины. Общество — это “фундамент и помост, могущий служить подножием некоему виду избранных существ для выполнения их высшей задачи и вообще для высшего *бытия*”²⁸. Можно было бы привести еще немало цитат, в которых запечатлен этот дух презрения и эгоизма. Эти идеи часто интерпретировались как выражение *сути* ницшевской

²⁵ *Stirner M.* The Ego and His Own. London, 1912. P. 339.

²⁶ Одна из формулировок этого принципа, к примеру, такова: “Но каким образом человек прожигает жизнь? Он сгорает, как зажженная свеча... Наслаждение жизнью истощает ее”. Ф. Энгельс ясно увидел односторонность штирнеровской формулировки и попытался преодолеть неоправданное противопоставление любви к себе и любви к другим. В письме к Марксу, где он анализировал книгу Штирнера. Энгельс писал: “Если, однако, реальный конкретный человек — истинная основа для нашего “человечного” человека, то очевидно, что эгоизм — и конечно, не только штирнеровский эгоизм разума, но также и эгоизм сердца — это основа нашей любви к человеку” (*Marx—Engels Gecaveltausgaben.* Berlin, 1929. P. 6).

²⁷ *Nietzsche F.* The Will to Power. Edinburgh and London, 1910. Stanzas 246, 326, 369, 373 and 728.

²⁸ Цит. по.: *Ницше Ф.* Соч.: В 2-х тт. Т. 2. — М., 1990. — С. 380.

философии. Однако они никоим образом не представляют истинного смысла его философии²⁹.

Существует несколько причин, почему Ницше избрал свой способ самовыражения. Прежде всего, его философия, как и философия Штирнера, была реакцией — бунтом против философской традиции, подчинявшей индивида внешним для него силам и принципам. Его тенденция к преувеличению как раз и отражает эту черту его философии. Кроме того, не отпускавшее Ницше постоянное ощущение — переживание им чувства незащищенности и тревожного состояния способствовало формированию его концепции “сильной личности” как способа самозащиты. Наконец, Ницше находился под впечатлением эволюционной теории с ее положением о “выживании наиболее приспособленных”.

Такое объяснение не меняет, однако, того факта, что Ницше видел противоречие между любовью к себе и любовью к другим; но в его взглядах существовало ядро, позволявшее преодолеть эту ложную дихотомию. “Любовь”, которую не приемлет Ницше, коренится не в силе человека, а в его слабости. “Ваша любовь к ближнему есть ваша дурная любовь к самим себе. Вы бежите к ближнему от самих себя и хотели бы из этого сделать себе добродетель; но я насквозь вижу ваше бескорыстие”. Ницше выражается совершенно определенно: “Вы не выносите самих себя и недостаточно себя любите”³⁰. Но человек, личность для Ницше имеет “сверхценное значение”³¹. “Сильная” личность та, которая обладает “истинной добротой, благородством, величием души, которая дает не для того, чтобы брать, которая не хочет выделяться своей добротой; “отдача” как тип истинной доброты, богатство личности как источник”³². Ту же мысль он выражает в книге “Так говорил Заратустра”: “Один идет к ближнему, потому что он ищет себя, а другой — потому, что он хотел бы потерять себя”³³.

Смысл этой идеи в следующем: “Любовь — феномен изобилия, избыточности; ее источник — сила дающей личности. Любовь — это утверждение и продуктивность, она стремится к созиданию и творчеству”³⁴. Любовь к другому тогда только добродетель, когда она изливается из этой внутренней силы, но она — зло, если будет проявлением неспособности быть самим собой³⁵. Однако факт остается фактом: для Ницше проблема взаимосвязи любви к себе и любви к другим остается неразрешимой антиномией.

Мысль о том, что эгоизм есть изначальное зло и что любовь к себе исключает любовь к другому, не ограничивается лишь рамками теологии и философии, но стала избитой идеей, внушаемой дома, в школе, в кино, в книгах — всеми способами социального внушения. “Не будь эгоистом” —

²⁹ Ср.: Morhan G. A. What Nietzsche Means. Cambridge, 1943.

³⁰ Цит. по: Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Соч.: В 2-х тт. Т. 2 — М., 1990. — С. 43—44.

³¹ Nietzsche F. The Will to Power. Stanza 785.

³² Ibid. Stanza 935.

³³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. С. 44.

³⁴ Nietzsche F. Thus Spake Zarathustra. New York. P. 102.

³⁵ Nietzsche F. The Twilight of Idols. Edinburgh, 1911. Stanza 35; Ecce Homo. New York, 1911. Stanza 2; Nachlass, Nietzsches Werke (Leipzig: A. Kroener). P. 63-64.

эта сентенция внушается миллионам детей из поколения в поколение. Однако смысл ее неясен. Большинство сказали бы, что это значит не быть эгоистичным, невнимательным, безразличным к другим. На самом же деле оно значит нечто большее. Не быть эгоистичным означает не делать того, что хочешь, отказаться от собственных желаний в угоду авторитету. “Не быть эгоистом” в конечном счете столь же двусмысленно, сколь и в учении Кальвина. За исключением некоторых двусмысленных моментов оно означает “не люби себя”, “не будь собой”, а подчини себя чему-то более важному, чем ты сам, какой-то внешней силе или внутренней принудительной силе — “долгу”. Формула “не будь эгоистом” стала одним из самых мощных идеологических средств подавления спонтанного и свободного развития личности. Под давлением этого лозунга от человека требуют постоянной жертвенности и полного подчинения: только те действия “неэгоистичны”, которые совершаются не в пользу индивида, а в пользу кого-то или чего-то внешнего по отношению к нему.

Но такая картина, следует еще раз подчеркнуть это, односторонняя. Ведь в современном обществе помимо призыва не быть эгоистом пропагандируется и прямо противоположная идея: блюди свою выгоду, делай то, что полезно тебе; ибо, поступая так, ты тем самым будешь действовать и на благо других. Как бы то ни было, мысль, что эгоизм является основой всеобщего благоденствия, стала краеугольным камнем в построении общества всеобщей конкуренции. Странно, что два таких, казалось бы, несовместимых принципа могут проповедоваться в одной и той же культуре; однако в том, что так оно и есть, нет никаких сомнений. Эта несовместимость двух принципов порождает у людей чувство некоторого замешательства, растерянности. То, что им приходится разрываться между ними, представляет для них серьезную помеху в деле становления целостной личности. Это ощущение замешательства, неустойчивости, отсутствия почвы под ногами — один из наиболее значительных источников переживания современным чувства беспомощности³⁶.

Догматом о том, что любовь к себе тождественна “эгоизму” и несовместима с любовью к другим, пронизаны теология, философия и обыденное мышление; та же мысль рационализирована в научном языке теории нарциссизма *Фрейда*. В концепции Фрейда предполагается некоторое неизменное количество либидо. У младенца все либидо направлено на себя как на свой объект; эту стадию Фрейд называет “первичным нарциссизмом”. По мере развития либидо смещается с себя, своего “Я” на другие объекты. Если нормальное развитие “объект-связей, объект-отношений” нарушается, либидо отворачивается от объектов и вновь обращается на “Я”; это называется “вторичным нарциссизмом”. Согласно Фрейду, чем больше любви я направляю на объекты, тем меньше ее остается для самого себя, и наоборот. Тем самым он описывает феномен любви как уменьшение любви к себе в силу направленности всего либидо на внешние объекты.

¹ На этот момент обратили внимание Карен Хорни и Роберт С. Линд. (См.: *Horney K. The Neurotic Personality of Our Time. New York, 1937; Lynd R. S. Knowledge for What? Princeton University Press, 1939.*)

Здесь возникают вопросы: поддерживается ли психологическими наблюдениями мысль, что существует базисное противоречие между любовью к себе и любовью к другим и что между ними возможно только состояние чередования, то есть при наличии одной неизбежно отсутствует другая? Есть ли любовь к себе то же, что и эгоизм, или они противоположны? Далее, не является ли эгоизм современного человека на деле *проявлением интереса к себе* как личности, со всеми ее интеллектуальными, эмоциональными и чувственными возможностями? Не стал ли “он” придатком его социоэкономической роли? Итак, *тождествен ли эгоизм себялюбию или он обусловлен как раз отсутствием последнего?*

Прежде чем приступить к обсуждению психологической стороны проблемы эгоизма и себялюбия, следует указать на логическую ошибку в утверждении, что любовь к себе и любовь к другим взаимоисключают друг друга. Если любовь к ближнему как человеческому существу — добродетель, то и любовь к себе — добродетель, а не грех, поскольку я ведь тоже человеческое существо. Не существует понятия человека, в которое не включался бы я сам. Учение, настаивающее на подобном исключении, внутренне противоречиво. Идея, выраженная в библейской заповеди “Люби ближнего твоего, как самого себя”, подразумевает, что уважение к своей личности, ее полноте и уникальности, любовь к себе, понимание своего собственного “Я” неотделимо от уважения, любви и понимания другого. Любовь к собственной личности нераздельно связана с любовью к личности другого.

Теперь мы подошли к основным психологическим предпосылкам, на которых строятся наши заключения. Этими предпосылками являются следующие: не только другие, но и мы сами являемся “объектом” своих чувств и отношений; отношения к другим и отношения к себе далеко не противоречивы, а, напротив, *связаны* самым глубинным образом. В отношении рассматриваемой проблемы это означает: любовь к другим и к самому себе не альтернативы. Напротив, отношение любви к самим себе обнаруживается у тех, кто способен любить других. *Любовь* в принципе неделима, *коль скоро речь идет о связи между собственной личностью и ее “объектами”*. Истинная любовь есть проявление продуктивности и невозможна без заботы, уважения, ответственности и познания. Она не “аффект” в смысле пребывания в состоянии возбуждения, вызванного другим, но активная деятельность, способствующая росту и счастью любимого человека, питающаяся из своего собственного источника.

Любовь есть проявление собственной энергии, способности любить, а любовь к другому человеку — это актуализация и концентрация этой энергии по отношению к нему. Идея романтической любви, согласно которой только один человек в мире может быть предметом истинной любви и что главная задача найти именно этого человека, — ошибочна. Неверно и то, что любовь к нему, уж если повезет встретить такого человека, будет иметь результатом отказ от любви к другим. Любовь, которая может переживаться по отношению только к одному человеку, этим самым фактом как раз и показывает, что это не любовь, а симбиотическое отношение. Утверждающая сила любви раскрывается как воплощение, олицетворение сущностных свойств человека. Любовь к одному человеку предполагает любовь к человеку как таковому. Своего рода “разделение труда”, как говорит Уильям Джеймс, проявляющееся, например, в том, что

человек любит свою семью, но остается бесчувственным, когда речь идет о людях “посторонних”, есть показатель изначальной неспособности любить. Любовь к человеку — не абстракция, как это часто полагают, складывающаяся в результате любви к определенному человеку; любовь к человеку — это предпосылка, хотя генетически она выкристаллизовывается из любви к вполне определенным людям.

Из этого следует, что я сам в принципе в такой же степени должен быть объектом своей любви, как и другой человек. *Утверждение собственной жизни, счастья, развития, свободы — все коренится в способности человека любить*, т. е. в заботе, уважении, ответственности и знании. Если человек в принципе способен на продуктивную любовь, он способен и на любовь к себе; если же он может любить только других, он вообще не способен на любовь.

Допуская, что любовь к себе и к другим в принципе неделима, как же объяснить эгоизм, очевидно исключаящий всякий искренний интерес к другим? *Эгоист* заинтересован только в самом себе, в своих желаниях, знает только одно удовольствие — брать, а не давать. На мир он смотрит только с точки зрения того, что он может взять от него; он не испытывает ни интереса к нуждам других, ни уважения к их личностному достоинству. Он не видит ничего вокруг, кроме себя; всех и вся он оценивает только с точки зрения их полезности для себя; он по природе не способен любить. Так не доказывает ли это неизбежную несовместимость любви к другим и любви к себе? Так оно и было бы, будь эгоизм и себялюбие одно и то же. Но это допущение совершенно ложно, оно-то и привело в итоге к столь многочисленным ошибочным решениям нашей проблемы. *Любовь к себе и эгоизм не только не идентичны, они диаметрально противоположны.* Эгоист любит себя так же мало, как и других; фактически он даже ненавидит себя. Отсутствие заботливости и чуткости по отношению к себе самому, к своей личности, которое есть одно из свидетельств отсутствия продуктивности, порождает у него чувство пустоты и фрустрации. Он все время чувствует себя несчастным и озабочен тем, чтобы урвать у жизни то, что принесло бы ему какое-то удовлетворение, но (парадоксальным образом) сам же и мешает этому. Складывается впечатление, что он слишком заботится о себе, на самом же деле все это оказывается лишь безуспешной попыткой, с одной стороны, скрыть, спрятать, а с другой — восполнить, компенсировать именно эту безуспешную заботу о себе самом. Фрейд утверждал, что эгоистическая личность нарциссична, ибо отказалась от любви к другим и всю свою любовь обратила на самое себя. *Действительно, эгоисты не способны любить других, но они не способны также любить и самих себя.*

Эгоизм будет проще понять, если сравнить его с таким отношением к другому, которое характеризуется ненасытностью, как отношение чрезмерно заботливой и целиком поглощенной своей заботой матери к своему ребенку. Хотя она и считает, что горячо любит свое дитя, на самом деле ею владеет глубоко скрытая и подавленная враждебность по отношению к нему.

Она сверхзаботлива не потому, что слишком сильно его любит, но потому, что вынуждена компенсировать свою неспособность вообще любить его.

Эта теория о природе эгоизма появилась на свет в результате практики психоанализа по лечению неврозов, возникающих на почве так называемого “бескорыстия” — симптома, обнаруживающегося отнюдь не у малого числа людей, которых обычно беспокоит не сам этот симптом, а другие, но связанные с ним, как-то: депрессия, утомляемость, неспособность работать, неудачи в любви и т. д. Однако зачастую это “бескорыстие” не только не воспринимается как “симптом”, но, напротив, расценивается как одна из черт характера, а именно жертвенность, которой даже гордятся. “Бескорыстный” человек “ничего не хочет для себя”; он “живет только для других” и гордится тем, что не считает себя каким-то важным. Он озадачен тем, что вопреки его бескорыстию он, в сущности, несчастлив и что его взаимоотношения с его близкими не соответствуют его ожиданиям. Он хотел бы избавиться от всех неприятных симптомов, но не от своего “бескорыстия”. Однако анализ показывает, что его “бескорыстие” не существует независимо от других симптомов, не есть нечто отдельное от них, но один из них, и в сущности самый важный; что способность любить и радоваться окружающему как бы парализована в человеке; что человек насквозь пропитан ненавистью к жизни и что за внешним бескорытием скрыт почти неуловимый, но от этого не менее сильный эгоцентризм. Такого человека можно вылечить, только если рассматривать его “бескорыстие” тоже как симптом наравне с другими, с тем чтобы можно было сконцентрировать внимание на сфере продуктивности, недостаток или даже отсутствие которой и является действительной причиной как его “бескорыстия”, так и других неблагоприятных факторов.

Природа “бескорыстия” становится особенно прозрачной в процессе воздействия на других и особенно, что касается нашей культуры, в процессе воздействия “бескорыстной” матери на ее ребенка. Она убеждена, что ее “бескорыстие” раскрывает ребенку смысл того, что значит быть любимым и что значит любить самому. Между тем эффект совершенно не соответствует ее ожиданиям. Ребенок вовсе не выглядит счастливым человеком, который убежден, что его любят; он проявляет тревогу, находится в напряженном состоянии, боится вызвать недовольство матери и озабочен тем, чтобы жить согласно ее ожиданиям и надеждам. Как правило, такие дети находятся под давлением материнской скрытой враждебности к жизни, которую они скорее ощущают, чем осознают, и в конце концов сами проникаются этим чувством враждебности. В общем, результат влияния на ребенка “бескорыстной” матери почти не отличается от такового эгоистичной матери; а порою он оказывается даже хуже, поскольку так называемое бескорыстие матери не позволяет ребенку отнестись к ней критически, т. е. ребенок не имеет возможности искренне осуждать ее за что-то и искренне же обнаружить перед ней свое осуждение. Он живет под постоянным принуждением не разочаровывать ее; так под маской добродетели его приучают не любить жизнь. Если задуматься о влиянии матери, которая по-настоящему любит себя, то нельзя не понять, что нет более благоприятных условий для ребенка — постижения им, что есть любовь, радость и счастье, — чем быть любимым своей матерью, которая любит и себя тоже.

Поняв в общих чертах, что такое эгоизм и что такое себялюбие, мы можем продвинуться в понимании *свокорыстия*, которое стало одним из ключевых символов современного общества. Это понятие еще более неопределенно, чем эгоизм или любовь к себе, и единственная возможность

внести ясность и понять его истинный смысл — это проследить его историческое развитие. Проблема, следовательно, заключается в том, чтобы обнаружить смысловые составляющие этого понятия и дать определение этого феномена.

Существуют два принципиальных подхода к этой проблеме. Один из них — объективистский — наиболее ясно выражен Спинозой, Согласно Спинозе, своекорыстие, или интерес к “поискам для себя полезного”, есть добродетель. “Чем более, — говорит он, — кто-либо стремится искать для себя полезного, т. е. сохранять свое существование, и может это, тем более он добродетелен; и наоборот, поскольку кто-либо небрежен собственной пользой, т. е. сохранением своего существования, постольку он бессилён”³⁷. Согласно этому взгляду, интерес человека — в сохранении собственного существования, что равнозначно реализации, осуществлению его задатков. Это понятие интереса к себе объективно, поскольку “интерес” трактуется не в терминах субъективных ощущений, а в терминах сущности — объективной — природы человека. Человек имеет только один действительный интерес, а именно полное развитие своих задатков, осуществление себя как человека. Так же как для того, чтобы любить другого, надо знать его и понимать его действительные нужды, точно так же надо знать себя, чтобы понимать свои интересы и то, каким образом они могут быть удовлетворены. Но из этого следует, что человек может обманываться относительно своих действительных интересов, если он не знает в достаточной мере ни себя самого, ни своих нужд, ни того, что наука о человеке служит основой определения, в чем состоит собственно человеческий интерес к самому себе.

За последние три столетия понятие интереса к себе сузилось до такой степени, что приобрело смысл, противоположный тому, который оно имело в концепции Спинозы. Оно стало идентифицироваться с эгоизмом, с замыканием интереса на материальных доходах, на власти, на удаче; и, вместо того чтобы оставаться синонимом добродетели, его новый узкий смысл превратился в этический запрет.

Такое извращение смысла понятия оказалось возможным в силу поворота от объективистского к ошибочному субъективистскому его истолкованию. Интерес к себе стал трактоваться не как присущее человеку свойство, определяемое его природой, его человеческим существованием; соответственно понятие, относительно которого кто-то и мог бы, может быть, заблуждаться, было целиком заменено идеей, что то, что человек *считает* представляющим его личный интерес, то и непременно является его истинным своекорыстным интересом.

Современное понятие своего личного интереса являет собой странную смесь двух противоречащих друг другу понятий: с одной стороны, понятия из учений Кальвина и Лютера, а с другой — понятия, принадлежащего прогрессивным мыслителям, начиная со Спинозы. Кальвин и Лютер учили, что человек должен подавлять свой личный интерес и полагать себя инструментом для божественных целей. Прогрессивные мыслители, напротив, учили, что человек должен быть целью, а не средством для осуществления трансцендентных целей. В результате человек принял содержание идеи кальвинизма, но при этом отверг ее религиозную форму.

³⁷ Спиноза. Соч.: В 2-х тт. Т. 2. Этика. Разд. IV. Теорема 20.

Он действительно сделал себя средством, но не воли Бога, а экономической машины или государства. Он принял на себя роль инструмента, но не для Бога, а для промышленного прогресса. Он стало работать и копить деньги, но не ради удовольствия их потратить и не ради наслаждения жизнью, а для того, чтобы экономить, вкладывать, добиваться успеха. Прежний монашеский аскетизм был замещен, как отмечал Макс Вебер, *мирским аскетизмом души*, с позиций которого личное счастье и радости земные более не являются истинной целью жизни. Но такое понимание означало полный разрыв со смыслом этого понятия у Кальвина и смешение с тем, которое было свойственно прогрессистскому понятию личного интереса, согласно которому человек имеет право — и даже обязан — сделать достижение своих личных интересов главной нормой жизни. Результатом явилось то, что современный человек *живет* в соответствии с принципом самоотрицания, а *мыслит* в терминах своекорыстия. Он полагает, что действует ради *своих*, интересов, когда на самом деле его первостепенная забота — это деньги и успех; он обманывает сам себя в том смысле, что его наиболее важные, значительные возможности остаются нереализованными, и он теряет себя в поисках того, что, как он считает, является для него наилучшим.

Искажение смысла понятия своекорыстия, личного интереса тесно связано с изменением понятия личности. В средние века человек ощущал себя неотъемлемой частью социального и религиозного сообщества, в рамках которого он обретал себя, когда он как индивид еще не отделился полностью от своей группы. В новое время, когда он столкнулся с необходимостью осознать себя как независимого, самостоятельного человека, его самоидентификация стала для него проблемой. В XVIII и XIX вв. понятие “Я” чрезвычайно резко сузилось: “Я” утверждалось размером собственности. Такое понятие стало выражаться не формулой “Я есть то, что я думаю”, а формулой “Я есть то, что я имею”, “Я есть то, чем я обладаю”³⁸.

³⁸ Уильям Джеймс очень четко выразил смысл этого понятия. “Чтобы заботиться о своем “Я”, надо, чтобы Природа дала его вместе с каким-нибудь другим объектом, достаточно для меня интересным, чтобы вызвать у меня инстинктивное желание присвоить его ради него самого... Мое собственное тело и то, что служит удовлетворению его потребностей, и выступают таким примитивным инстинктивно определяемым объектом моих эгоистических интересов. Другие объекты могут представлять интерес лишь как нечто производное, второстепенное, ассоциируясь либо со средством, либо с привычными сопутствующими обстоятельствами; итак, самыми многообразными способами примитивная область эгоистического интереса может расширяться, изменяя свои границы. Подобного рода интерес есть истинное значение слова *мой (mine)*. Все, что оно имеет, есть *eo ipso* часть меня самого!” (Principles of Psychology. New York, 1896. 2 vols. V. I. P. 319, 324). В другом месте Джеймс пишет: “Ясно, что между тем, что человек называет “Я” я что он попросту называет “мое”, трудно провести четкую границу. Мы относимся к определенным вещам, принадлежащим нам, почти так же, как мы относимся к самим себе. Наша репутация, наши дети, вещи, сделанные нашими руками, — все это может быть столь же дорого нам, как и собственные наши тела, и если кто-то покушается на них, это вызывает то же чувство протеста и защитные действия, как и в случае с покушением на наше тело... В наиболее возможном широком смысле “Я” — это совокупность всего, что человек может назвать “своим”, — не только свое тело и физические силы, но и свою одежду, свой дом, свою жену и детей, своих родителей и друзей, свою репутацию и работу, свою землю и лошадей, и яхту, и счет в банке. Все это вызывает у него одни и те же эмоции. Если они множатся и процветают, человек ликует, если они истощаются или даже

У последних нескольких поколений в условиях растущего влияния рынка смысл понятия “Я” несколько сместился от формулы “Я есть то, чем я обладаю” к формуле “Я есть то, каким меня хотят видеть”³⁹. Человек, живущий в системе рыночной экономики, чувствует себя товаром. Он отчужден от самого себя, подобно тому, как продавец отделен от товара, который желает продать. Конечно, он заинтересован в себе, особенно в своем успехе на рынке, но “он” и менеджер, и предприниматель, и продавец, и — товар. Его собственный интерес к себе превращается в интерес к “нему” как субъекту, который выставляет “себя” как товар, который стремится получить оптимальную цену на рынке личностей.

“Заблуждение корысти” у современного человека не описано лучше нигде, чем у Ибсена в “Пер Гюнте”. Пер Гюнт уверен, что вся его жизнь посвящена достижению *собственных* интересов. Вот как он описывает “Я” Пер Гюнта:

Пер Гюнт (*с возрастающим увлечением*)

Да, гюнтское “я сам” есть легион
Желаний и влечений, и страстей;
Есть море замыслов, порывов к цели,
Потребностей... ну, словом, то, чем я
Дышу, живу — таким, каков я есмь⁴⁰.

Но в конце жизни он понимает, что потерял себя; что, следуя принципу своекорыстия, он не смог понять, в чем же состоят истинные интересы его “Я”, и вместо того чтобы сохранить душу, он потерял ее. О нем говорят, что он никогда не был самим собой и поэтому как сырой еще материал должен подвергнуться переплавке. Он признал, что все время жил по принципу троллей “Довольным быть самим собой”, а не согласно гуманистическому принципу “Быть подлинно самим собой”. И вот, когда все декорации его псевдо-Я, его успех и все, что он имеет, грозит исчезнуть, его охватывает ужас пустоты, ничто, преодолеть который он, не имеющий собственного “Я”, не в силах. И он вынужден признать, что в погоне за всеми благами мира, которые, как ему казалось, и были его интересами, он потерял свою душу, или, как я предпочитаю говорить, самого себя.

Искажение смысла понятия собственного интереса, весьма распространенное в современном обществе, возбудило нападки на демократию со стороны различных тоталитарных идеологий. Они заявляют, что капиталистическая система несостоятельна в *моральном* отношении, поскольку она основана на принципе эгоизма, и всячески расхваливают свои собственные системы, поскольку в них действует принцип бескорыстного подчинения человека “высшим” целям государства, “расы” или “социалистического отечества”. Эти критические нападки на многих производят впечатление, ибо многие чувствуют, что счастье не в достижении

погибают, он впадает в уныние — не обязательно сожалея в равной мере о каждой потере, но все равно одинаково” (Ibid. V. I. P. 291—292).

³⁹ Пиранделло в своих пьесах прекрасно выразил этот смысл понятия “Я”, а также вытекающего из него понятия “сомнение-в-самом-себе”.

⁴⁰ *Ибсен Г.* Пер Гюнт. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 2.— М.: Искусство, 1956.—С. 507.

эгоистических интересов, и потому стремятся к большей солидарности и общей ответственности.

Нет необходимости тратить время на опровержение утверждений тоталитарных идеологий. Прежде всего, они лицемерны, ибо маскируют, скрывают сверхэгоизм “элиты”, стремящейся к подавлению и желающей власти над большинством народа. Их идеология бескорыстия имеет целью обманывать тех, кем эта элита управляет, и усилить их эксплуатацию и манипулирование ими. Далее, тоталитарные идеологии вводят народ в заблуждение, уверяя, что государство воплощает собой принцип бескорыстия, тогда как на деле оно воплощает принцип преследования безжалостным образом эгоистических интересов. Каждый гражданин обязан быть преданным общему благосостоянию, государство же может преследовать свои собственные интересы, не считаясь с благосостоянием других наций. Но даже если оставить в стороне факт маскировки тоталитарными доктринами своих непомерных эгоистических амбиций, то нельзя не заметить, что они реанимируют — в светском языковом облачении — религиозную идею прирожденной человеческой слабости и бессилия и необходимого в результате этого его подчинения, преодоление которой стало сущностью современного духовного и политического прогресса. Авторитарные идеологии не только угрожают основным ценностям западной культуры, уважению к уникальности и достоинству личности; они также закрывают путь конструктивной критике современного общества и тем самым необходимым изменениям в нем. Упадок современной культуры заключается не в ее принципиальной ориентации на индивидуализм, не в идее, что моральная добродетель тождественна стремлению к осуществлению собственных интересов, но в искажении смысла своекорыстия; т. е. не в том факте, что люди *слишком привержены собственным интересам*, а в том, что они *недостаточно осознают, в чем их действительная выгода*; не в том, что они *слишком эгоистичны*, а в том, что они *не любят себя*.

Если причины стойкой приверженности фиктивной идее своекорыстия укоренены в современном обществе так глубоко, как было показано выше, то шансы на изменение смысла этого понятия покажутся маловероятными, если не принять во внимание ряд факторов, действующих в направлении этого изменения.

Возможно, наиболее важный фактор — это внутренняя неудовлетворенность современного человека результатами своей погони за “собственной выгодой”. Религия успеха погибает и сохраняет лишь внешний вид. Некогда “открытые пространства” социальных возможностей все более сужаются; крушение надежд на лучшую жизнь после Первой мировой войны, депрессия конца двадцатых годов, угроза новой разрушительной войны вскоре после Второй мировой, неограниченная опасность новой угрозы пошатнули веру в целесообразность этой формы своекорыстия. Кроме того, поклонение успеху как таковому более не удовлетворяет неискоренимой человеческой потребности быть самим собой. Подобно многим фантазиям и мечтам, это поклонение тоже выполняло свою роль лишь определенное время, пока оно еще было чем-то новым и пока возбуждение от него было настолько сильным, что мешало судить о нем здраво. Все больше и больше становится людей, которым, что бы они ни делали, все кажется пустым и бесполезным. Они все еще околдованы

лозунгами, провозглашающими веру в земной рай. Но сомнение — это плодотворное условие всякого прогресса — начинает осаждать их и заставляет задаваться вопросом: в чем же подлинный смысл их своекорыстия как человеческих существ?

Это внутреннее освобождение от иллюзий и готовность к переосмыслению понятия своекорыстия вряд ли могли стать эффективными, если бы экономические условия в нашем обществе не способствовали этому. Я уже отмечал, что канализация человеческой энергии в труд и стремление к успеху были необходимыми условиями гигантских достижений капитализма, позволившими достигнуть уровня, на котором была успешно решена проблема *производства товаров*, и перед человечеством встала чрезвычайно важная задача *организации* социальной жизни. Человек создал такие источники механической энергии, что освободился от необходимости вкладывать все свои силы в труд, чтобы обеспечить себе существование. Теперь он мог значительную долю своих сил посвятить собственно своей жизни.

Только при наличии этих двух условий — субъективной не-удовлетворенности общественно регламентируемыми целями деятельности и социоэкономического базиса для осуществления назревших изменений — может стать эффективно действующим и третий обязательный фактор, а именно: рациональное понимание. Это относится как к социальным и психологическим изменениям вообще, так и к изменению представления о своекорыстии в частности. Пришло время возвращения в жизнь забытых некогда подлинных человеческих интересов. Стоит только человеку понять, в чем состоит его истинный интерес, то и первый, самый трудный шаг к его реализации не будет невозможным.

У. ДЖЕМС

Личность⁴¹

Личность и "я". О чем бы я ни думал, я всегда в то же время более или менее осознаю самого себя, свое личное существование. Вместе с тем ведь это я сознаю, так что мое самосознание является как бы двойственным - частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом; в нем надо различать две стороны, из которых для краткости одну мы будем называть *личностью*, а другую - "я". Я говорю "две стороны", а не "две обособленные сущности", так как признание тождества нашего "я" и нашей личности даже в самом акте их различения есть, быть может, самое неукоснительное требование здравого смысла, и мы не должны упускать из виду это требование с самого начала, при установлении терминологии, к каким бы выводам относительно ее состоятельности мы ни пришли в конце исследования. Итак, рассмотрим сначала 1) познаваемый элемент в сознании личности, или, как иногда говорят, наше эмпирическое Ego, и затем 2) познающий элемент в нашем сознании, наше "я", чистое Ego, как выражаются некоторые авторы.

А. Познаваемый элемент в личности

⁴¹ У. Джемс. Психология. М., 1991.

Эмпирическое "я" или личность. Трудно провести черту между тем, что человек называет самым собой и своим. Наши чувства и поступки по отношению к некоторым принадлежащим нам объектам в значительной степени сходны с чувствами и поступками по отношению к нам самим. Наше доброе имя, наши дети, наши произведения могут быть нам так же дороги, как и наше собственное тело, и могут вызывать в нас те же чувства, а в случае посягательства на них - то же стремление к возмездию. А тела наши - просто ли они наши или это мы сами? Бесспорно, бывали случаи, когда люди отрекались от собственного тела и смотрели на него как на одеяние или даже тюрьму, из которой они когда-нибудь будут счастливы вырваться.

Очевидно, мы имеем дело с изменчивым материалом: тот же самый предмет рассматривается нами иногда как часть нашей личности, иногда просто как "наш", а иногда - как будто у нас нет с ним ничего общего. Впрочем, в самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические и душевные качества, но также его платье, дом, жену, детей, предков и друзей, его репутацию и труды, его имение, лошадей, его яхту и капиталы. Все это вызывает в нем аналогичные чувства. Если по отношению ко всему этому дело обстоит благополучно - он торжествует; если дела приходят в упадок - он огорчен; разумеется, каждый из перечисленных нами объектов неодинаково влияет на состояние его духа, но все они оказывают более или менее сходное воздействие на его самочувствие. Понимая слово "личность" в самом широком смысле, мы можем прежде всего подразделить анализ ее на три части в отношении 1) ее составных элементов; 2) чувств и эмоций, вызываемых ими (самооценка); 3) поступков, вызываемых ими (забота о самом себе и самосохранение).

Составные элементы личности могут быть подразделены также на три класса: 1) физическую личность, 2) социальную личность и 3) духовную личность.

Физическая личность. В каждом из нас телесная организация представляет существенный компонент нашей физической личности, а некоторые части тела могут быть названы нашими в теснейшем смысле слова. За телесной организацией следует одежда. Старая поговорка, что человеческая личность состоит из трех частей: души, тела и платья, — нечто большее, нежели простая шутка. Мы в такой степени присваиваем платье нашей личности, до того отождествляем одно с другой, что немногие из нас, не колеблясь ни минуты, дадут решительный ответ на вопрос, какую бы из двух альтернатив" они выбрали: иметь прекрасное тело, облаченное в вечно грязные и рваные лохмотья, или под вечно новым костюмом скрывать безобразное, уродливое тело. Затем ближайшей частью нас самих является наше семейство, отец и мать, жена и дети - плоть от плоти и кость от кости нашей. Когда они умирают, исчезает часть нас самих. Нам стыдно за их дурные поступки. Если кто-нибудь обидел их, негодование вспыхивает в нас тотчас, как будто мы сами были на их месте. Далее следует наш домашний очаг, наш home. Происходящее в нем составляет часть нашей жизни, его вид вызывает в нас нежнейшее чувство привязанности, и мы неохотно прощаем гостю, который, посетив нас, указывает недостатки в нашей домашней обстановке или презрительно к ней относится. Мы отдаем инстинктивное предпочтение всем этим разнообразным объектам, связанным с наиболее

важными практическими интересами нашей жизни. Все мы имеем бессознательное влечение охранять наши тела, облекать их в платья, снабженные украшениями, лелеять наших родителей, жену и детей и приискивать себе собственный уголок, в котором мы могли бы жить, совершенствуя свою домашнюю обстановку.

Такое же инстинктивное влечение побуждает нас накапливать состояние, а сделанные нами ранее приобретения становятся в большей или меньшей степени близкими частями нашей эмпирической личности. Наиболее тесно связаны с нами произведения нашего кровного труда. Немногие люди не почувствовали бы своего личного уничтожения, если бы произведение их рук и мозга (например, коллекция насекомых или обширный рукописный труд), созидавшееся ими в течение целой жизни, вдруг оказалось уничтоженным. Подобное же чувство питает скупой к своим деньгам. Хотя и правда, что часть нашего огорчения при потере предметов обладания обусловлена сознанием того, что мы теперь должны обходиться без некоторых благ, которые рассчитывали получить при дальнейшем пользовании утраченными ныне объектами, но все-таки во всяком подобном случае сверх того в нас остается еще чувство умаления нашей личности, превращения некоторой части ее в ничто. И этот факт представляет собой самостоятельное психическое явление. Мы сразу попадаем на одну доску с босяками, с теми *pauvres diables* (отребьем), которых мы так презираем, и в то же время становимся более чем когда-либо отчужденными от счастливых сынов земли, властелинов суши, моря и людей, властелинов, живущих в полном блеске могущества и материальной обеспеченности. Как бы мы ни взывали к демократическим принципам, невольно перед такими людьми явно или тайно мы переживаем чувства страха и уважения.

Социальная личность. Признание в нас личности со стороны других представителей человеческого рода делает из нас *общественную личность*. Мы не только стадные животные, не только любим быть в обществе себе подобных, но имеем даже прирожденную склонность обращать на себя внимание других и производить на них благоприятное впечатление. Трудно придумать более дьявольское наказание (если бы такое наказание было физически возможно), чем если бы кто-нибудь попал в общество людей, где на него совершенно не обращали внимания. Если бы никто не оборачивался при нашем появлении, не отвечал на наши вопросы, не интересовался нашими действиями, если бы всякий при встрече с нами намеренно не узнавал нас и обходился с нами как с неодушевленными предметами, то нами овладело бы своего рода бешенство, бессильное отчаяние. Здесь облегчением были бы жесточайшие телесные муки, лишь бы при них мы чувствовали, что при всей безвыходности нашего положения мы все-таки не пали настолько низко, чтобы не заслуживать ничьего внимания.

Собственно говоря, у человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление. Посягнуть на это представление - значит посягнуть на самого человека. Но, принимая во внимание, что лица, имеющие представление о данном человеке, естественно распадаются на классы, мы можем сказать, что на практике всякий человек имеет столько же различных социальных личностей, сколько имеется различных групп людей, мнением которых он дорожит. Многие мальчики ведут себя довольно прилично в присутствии

родителей или преподавателей, а в компании невоспитанных товарищей бесчинствуют и бранятся, как пьяные извозчики. Мы выставляем себя в совершенно ином свете перед нашими детьми, нежели перед клубными товарищами; мы держим себя иначе перед нашими постоянными покупателями, чем перед нашими работниками; мы - нечто совершенно другое по отношению к нашим близким друзьям, чем по отношению к нашим хозяевам или к нашему начальству. Отсюда на практике получается деление человека на несколько личностей; это может повести к дисгармоничному раздвоению социальной личности, например, в случае, если кто-нибудь боится выставить себя перед одними знакомыми в том свете, в каком он представляется другим; но тот же факт может повести к гармоничному распределению различных сторон личности, например, когда кто-нибудь, будучи нежным по отношению к своим детям, является строгим к подчиненным ему узникам или солдатам.

Самой своеобразной формой социальной личности является представление влюбленного о личности любимой им особы. Ее судьба вызывает столь живое участие, что оно покажется совершенно бессмысленным, если прилагать к нему какой-либо иной масштаб, кроме мерила органического индивидуального влечения. Для самого себя влюбленный как бы не существует, пока его социальная личность не получит должной оценки в глазах любимого существа, в последнем случае его восторг превосходит все границы.

Добрая или худая слава человека, его честь или позор - это названия для одной из его социальных личностей. Своеобразная общественная личность человека, называемая его честью, - результат одного из тех раздвоений личности, о которых мы говорили. Представление, которое складывается о человеке в глазах окружающей его среды, является руководящим мотивом для одобрения или осуждения его поведения, смотря по тому, отвечает ли он требованиям данной общественной среды, которые он мог бы не соблюдать при другой житейской обстановке. Так, частное лицо может без зазрения совести покинуть город, зараженный холерой, но священник или доктор нашли бы такой поступок несовместимым с их понятием о чести. Честь солдата побуждает его сражаться и умирать при таких обстоятельствах, когда другой человек имеет полное право скрыться в безопасное место или бежать, не налагая на свое социальное "я" позорного пятна.

Подобным же образом судья или государственный муж в силу своего положения находит бесчестным заниматься денежными операциями, не заключающими в себе ничего предосудительного для частного лица. Нередко можно слышать, как люди проводят различие между отдельными сторонами своей личности: "Как человек я жалею вас, но как официальное лицо я не могу вас пощадить"; "В политическом отношении он мой союзник, но с точки зрения нравственности я не выношу его". То, что называют мнением среды, составляет один из сильнейших двигателей в жизни. Вор не смеет обкрадывать своих товарищей; карточный игрок обязан платить карточные долги, хотя бы он вовсе не платил иных своих долгов. Всегда и везде кодекс чести фешенебельного общества возбранял или разрешал известные поступки единственно в угоду одной из сторон нашей социальной личности. Вообще вы не должны лгать, но в том, что касается ваших отношений к известной даме, - лгите, сколько вам угодно; от равного себе

вы принимаете вызов на дуэль, но вы засмеетесь в глаза лицу низшего по сравнению с вами общественного положения, если это лицо вздумает потребовать от вас удовлетворения, - вот примеры для пояснения нашей мысли.

Духовная личность. Под духовной личностью, поскольку она связана с эмпирической, мы не разумеем того или другого отдельного преходящего состояния сознания. Скорее, мы разумеем под духовной личностью полное объединение отдельных состояний сознания, конкретно взятых духовных способностей и свойств. Это объединение в каждую отдельную минуту может стать объектом нашей мысли и вызвать эмоции, аналогичные эмоциям, производимым в нас другими сторонами нашей личности. Когда мы думаем о себе как о мыслящих существах, все другие стороны нашей личности представляются относительно нас как бы внешними объектами. Даже в границах нашей духовной личности некоторые элементы кажутся более внешними, чем другие. Например, наши способности к ощущению представляются, так сказать, менее интимно связанными с нашим "я", чем наши эмоции и желания. Самый центр, самое ядро нашего "я", поскольку оно нам известно, святое святых нашего существа - это чувство активности, обнаруживающееся в некоторых наших внутренних душевных состояниях. На это чувство внутренней активности часто указывали как на непосредственное проявление жизненной субстанции нашей души. Так ли это или нет, мы не будем разбирать, а отметим здесь только своеобразный внутренний характер душевных состояний, обладающих свойством казаться активными, каковы бы ни были сами по себе эти душевные состояния. Кажется, будто они идут навстречу всем другим опытным элементам нашего сознания. Это чувство, вероятно, присуще всем людям.

За составными элементами личности в нашем изложении следуют характеризующие ее чувства и эмоции.

Самооценка. Она бывает двух родов: самодовольство и недовольство собой. Самолюбие может быть отнесено к третьему отделу, к отделу поступков, ибо сюда по большей части относят скорее известную группу действий, чем чувствований в узком смысле слова. Для обоих родов самооценки язык имеет достаточный запас синонимов. Таковы, с одной стороны, гордость, самодовольство, высокомерие, суетность, самопочитание, заносчивость, тщеславие; с другой — скромность, униженность, смущение, неуверенность, стыд, унижение, раскаяние, сознание собственного позора и отчаяние. Указанные два противоположных класса чувствований являются непосредственными, первичными дарами нашей природы. Представители ассоцианизма, быть может, скажут, что это вторичные, производные явления, возникающие из быстрого суммирования чувств удовольствия и неудовольствия, к которым ведут благоприятные или неблагоприятные для нас душевные состояния, причем сумма приятных представлений дает самодовольство, а сумма неприятных — противоположное чувство стыда. Без сомнения, при чувстве довольства собой мы охотно перебираем в уме все возможные награды за наши заслуги, а, отчаявшись в самих себе, мы предчувствуем несчастье; но простое ожидание награды еще не есть самодовольство, а предвидение несчастья не является отчаянием, ибо у каждого из нас имеется еще некоторый постоянный средний тон самочувствия, совершенно не зависящий от наших объективных оснований быть довольными или недовольными. Таким

образом, человек, поставленный в весьма неблагоприятные условия жизни, может пребывать в невозмутимом самодовольстве, а человек, который вызывает всеобщее уважение и успех которого в жизни обеспечен, может до конца испытывать недоверие к своим силам.

Впрочем, можно сказать, что нормальным возбудителем самочувствия является для человека его благоприятное или неблагоприятное положение в свете - его успех или неуспех. Человек, эмпирическая личность которого имеет широкие пределы, который с помощью собственных сил всегда достигал успеха, личность с высоким положением в обществе, обеспеченная материально, окруженная друзьями, пользующаяся славой, едва ли будет склонна поддаваться страшным сомнениям, едва ли будет относиться к своим силам с тем недоверием, с каким она относилась к ним в юности. ("Разве я не взрастила сады великого Вавилона?") Между тем лицо, потерпевшее несколько неудач одну за другой, падает духом на половине житейской дороги, проникается болезненной неуверенностью в самом себе и отступает перед попытками, вовсе не превосходящими его силы.

Чувства самодовольства и унижения одного рода - их можно считать первичными видами эмоций наряду, например, с гневом и болью. Каждое из них своеобразно отражается на нашей физиономии. При самодовольстве иннервируются разгибающие мышцы, глаза принимают уверенное и торжествующее выражение, походка становится бодрой и несколько покачивающейся, ноздри расширяются и своеобразная улыбка играет на губах.

Вся совокупность внешних телесных выражений самодовольства в самом крайнем проявлении наблюдается в домах умалишенных, где всегда можно найти лиц, буквально помешанных на собственном величии; их самодовольная наружность и чванная походка составляют печальный контраст с полным отсутствием всяких личных человеческих достоинств. В этих же "замках отчаяния" мы можем встретить яркий образец противоположного типа — добряка, воображающего, что он совершил смертный грех и навек загубил свою душу. Это тип униженно пресмыкающийся, уклоняющийся от посторонних наблюдений, не смеющий с нами громко говорить и глядеть нам прямо в глаза. Противоположные чувства, подобные страху и гневу, при аналогичных патологических условиях могут возникать без всякой внешней причины. Из ежедневного опыта нам известно, в какой мере барометр нашей самооценки и доверия к себе поднимается и падает в зависимости скорее от чисто органических, чем от рациональных причин, причем эти изменения в наших субъективных показаниях нисколько не соответствуют изменениям в оценке нашей личности со стороны друзей.

Заботы о себе и самосохранение. Под это понятие подходит значительный класс наших основных инстинктивных побуждений. Сюда относится телесное, социальное и духовное самосохранение.

Заботы о физической личности. Все целесообразно-рефлекторные действия и движения питания и защиты составляют акты телесного самосохранения. Подобным же образом страх и гнев вызывают целесообразное движение. Если под заботами о себе мы условимся разуметь предвидение будущего в отличие от самосохранения в настоящем, то мы можем отнести гнев и страх к инстинктам, побуждающим нас охотиться, искать пропитание, строить жилища, делать полезные орудия и заботиться о своем организме. Впрочем, последние инстинкты в связи с чувством любви,

родительской привязанности, любознательности и соревнования распространяются не только на развитие нашей телесной личности, но и на все наше материальное "я" в самом широком смысле слова.

Наши **заботы о социальной личности** выражаются непосредственно в чувстве любви и дружбы, в желании обращать на себя внимание и вызывать в других изумление, в чувстве ревности, стремлении к соперничеству, жажде славы, влияния и власти; косвенным образом они проявляются во всех побуждениях к материальным заботам о себе, поскольку последние могут служить средством к осуществлению общественных целей. Легко видеть, что непосредственные побуждения заботиться о своей социальной личности сводятся к простым инстинктам. В стремлении обращать на себя внимание других характерно то, что его интенсивность несколько не зависит от ценности достойных внимания заслуг данного лица, ценности, которая была бы выражена в сколько-нибудь осязательной или разумной форме.

Мы из сил выбиваемся, чтобы получить приглашение в дом, где бывает большое общество, чтобы при упоминании о каком-нибудь из виденных нами гостей иметь возможность сказать: "А я его хорошо знаю!" - и раскланиваться на улице чуть не с половиною встречных. Конечно, нам всего приятнее иметь друзей, выдающихся по рангу или достоинствам, и вызывать в других восторженное поклонение. Теккерей в одном из романов просит читателей сознаться откровенно, не доставит ли каждому из них особенного удовольствия прогулка по улице Pall Mall с двумя герцогами под ручку. Но, не имея герцогов в кругу своих знакомых и не слыша гула завистливых голосов, мы не упускаем и менее значительных случаев обратить на себя внимание. Есть страстные любители предавать свое имя гласности в газетах - им все равно, в какую газетную рубрику попадет их имя, в разряд ли прибывших и выбывших, частных объявлений, интервью или городских сплетен; за недостатком лучшего они не прочь попасть даже в хронику скандалов. Патологическим примером крайнего стремления к печатной гласности может служить Гито, убийца президента Гарфильда. Умственный горизонт Гито не выходил из газетной сферы. В предсмертной молитве этого несчастного одним из искреннейших выражений было следующее: "Здесьняя газетная пресса в ответе пред Тобой, Господи".

Не только люди, но местность и предметы, хорошо знакомые мне, в известном метафорическом смысле, расширяют мое социальное "я". "Ga me connaît" (оно меня знает), - говорил один французский работник, указывая на инструмент, которым владел в совершенстве. Лица, мнением которых мы вовсе не дорожим, являются в то же время индивидами, вниманием которых мы не брезгуем. Не один великий человек, не одна женщина, разборчивая во всех отношениях, с трудом отвергнут внимание ничтожного франта, личность которого они презирают от чистого сердца.

В рубрику "Попечение о духовной личности" следует отнести всю совокупность стремлений к духовному прогрессу - умственному, нравственному и духовному в узком смысле слова. Впрочем, необходимо допустить, что так называемые заботы о своей духовной личности представляют в этом более узком смысле слова лишь заботу о материальной и социальной личности в загробной жизни. В стремлении магометанина попасть в рай или в желании христианина избежать мук ада материальность желаемых благ сама собой очевидна. С более положительной и утонченной

точки зрения на будущую жизнь многие из ее благ (сообщество с усопшими родными и святыми и соприсутствие Божества) суть лишь социальные блага наивысшего порядка. Только стремление к искуплению внутренней (греховной) природы души, к достижению ее безгрешной чистоты в этой или будущей жизни могут считаться заботами о духовной нашей личности в ее чистейшем виде.

Наш широкий внешний обзор фактов, наблюдаемых и жизни личности, был бы неполон, если бы мы не выяснили вопроса о соперничестве и столкновениях между отдельными ее сторонами. Физическая природа ограничивает наш выбор одними из многочисленных представляющихся нам и желаемых нами благ, тот же факт наблюдается и в данной области явлений. Если бы только было возможно, то уж, конечно, никто из нас не отказался бы быть сразу красивым, здоровым, прекрасно одетым человеком, великим силачом, богачом, имеющим миллионный годовой доход, остряком, бонвиваном, покорителем дамских сердец и в то же время философом, филантропом, государственным деятелем, военачальником, исследователем Африки, модным поэтом и святым человеком. Но это решительно невозможно. Деятельность миллионера не мирится с идеалом святого; филантроп и бонвиван - понятия несовместимые; душа философа не уживается с душой сердцееда в одной телесной оболочке.

Внешним образом такие различные характеры как будто и в самом деле совместимы в одном человеке. Но стоит действительно развить одно из свойств характера, чтобы оно тотчас заглушило другие. Человек должен тщательно рассмотреть различные стороны своей личности, чтобы искать спасения в развитии глубочайшей, сильнейшей стороны своего "я". Все другие стороны нашего "я" призрачны, только одна из них имеет реальное основание в нашем характере, и потому ее развитие обеспечено. Неудачи в развитии этой стороны характера суть действительные неудачи, вызывающие стыд, а успех - настоящий успех, приносящий нам истинную радость. Этот факт может служить прекрасным примером умственных усилий выбора, на которые я выше настойчиво указывал. Прежде чем осуществить выбор, наша мысль колеблется между несколькими различными вещами; в данном случае она выбирает одну из многочисленных сторон нашей личности или нашего характера, после чего мы не чувствуем стыда, потерпев неудачу в чем-нибудь, не имеющем отношения к тому свойству нашего характера, которое остановило исключительно на себе наше внимание.

Отсюда понятен парадоксальный рассказ о человеке, пристыженном до смерти тем, что он оказался не первым, а вторым в мире боксером или гребцом. Что он может побороть любого человека в мире, кроме одного, - это для него ничего не значит: пока он не одолеет первого в состязании, ничто не принимается им в расчет. Он в собственных глазах как бы не существует. Тщедушный человек, которого всякий может побить, не огорчается из-за своей физической немощи, ибо он давно оставил всякие попытки к развитию этой стороны личности. Без попыток не может быть неудачи, без неудачи не может быть позора. Таким образом, наше довольство собой в жизни обусловлено всецело тем, к какому делу мы себя предназначим. Самоуважение определяется отношением наших действительных способностей к потенциальным, предполагаемым - дробью, в которой числитель выражает наш действительный успех, а знаменатель наши притязания:

Самоуважение =	<u>Успех</u> Притязания
----------------	----------------------------

При увеличении числителя или уменьшении знаменателя дробь будет возрастать. Отказ от притязаний дает нам такое же желанное облегчение, как и осуществление их на деле, и отказываться от притязания будут всегда в том случае, когда разочарования беспрестанны, а борьбе не предвидится исхода. Самый яркий из возможных примеров этого дает история евангельской теологии, где мы находим убеждение в греховности, отчаяние в собственных силах и потерю надежды на возможность спастись одними добрыми делами. Но подобные же примеры можно встретить и в жизни на каждом шагу. Человек, понявший, что его ничтожество в какой-то области не оставляет для других никаких сомнений, чувствует странное сердечное облегчение. Неумолимое "нет", полный, решительный отказ влюбленному человеку как будто умеряют его горечь при мысли о потере любимой особы. Многие жители Бостона, *crede experto* (верь тому, кто испытал) (боюсь, что то же можно сказать и о жителях других городов), могли бы с легким сердцем отказаться от своего музыкального "я", чтобы иметь возможность без стыда смешивать набор звуков с симфонией. Как приятно бывает иногда отказаться от притязаний казаться молодым и стройным! "Слава Богу, - говорим мы в таких случаях, - эти иллюзии миновали!" Всякое расширение нашего "я" составляет лишнее бремя и лишнее притязание. Про некоего господина, который в последнюю американскую войну потерял все свое состояние до последнего цента, рассказывают: сделавшись нищим, он буквально валялся в грязи, но уверял, что никогда еще не чувствовал себя более счастливым и свободным.

Наше самочувствие, повторяю, зависит от нас самих. "Приравняй свои притязания к нулю, - говорит Карлейль, — и целый мир будет у ног твоих. Справедливо писал мудрейший человек нашего времени, что жизнь начинается только с момента отречения".

Ни угрозы, ни увещания не могут воздействовать на человека, если они не затрагивают одной из возможных в будущем или настоящих сторон его личности. Вообще говоря, только воздействием на эту личность мы можем завладеть чужой волей. Поэтому важнейшая забота монархов, дипломатов и вообще всех стремящихся к власти и влиянию заключается в том, чтобы найти у их "жертвы" сильнейший принцип самоуважения и сделать воздействие на него своей конечной целью. Но если человек отказался от того, что зависит от воли другого, и перестал смотреть на все это как на части своей личности, то мы становимся почти совершенно бессильны влиять на него. Стоическое правило счастья заключалось в том, чтобы заранее считать себя лишенными всего того, что зависит не от нашей воли, — тогда удары судьбы станут нечувствительными. Эпиктет советует нам сделать нашу личность неуязвимой, суживая ее содержание и в то же время, укрепляя ее устойчивость: "Я должен умереть - хорошо, но должен ли я умирать, непременно жалуясь на свою судьбу? Я буду открыто говорить правду, и, если тиран скажет: "За твои речи ты достоин смерти", - я отвечу ему: "Говорил ли я тебе когда-нибудь, что я бессмертен? Ты будешь делать свое дело, а я - свое: твое дело - казнить, а мое - умирать бесстрашно; твое дело - изгонять, а мое - бестрепетно удаляться. Как мы поступаем, когда отправляемся в морское путешествие? Мы выбираем кормчего и

матросов, назначаем время отъезда. На дороге нас застигает буря. В чем же должны в таком случае состоять наши заботы? Наша роль уже выполнена. Дальнейшие обязанности лежат на кормчем. Но корабль тонет. Что нам делать? Только одно, что возможно, — бесстрашно ждать гибели, без крика, без ропота на Бога, хорошо зная, что всякий, кто родился, должен когда-нибудь и умереть".

В свое время, в своем месте эта стоическая точка зрения могла быть достаточно полезной и героической, но надо признаться, что она возможна только при постоянной наклонности души к развитию узких и несимпатичных черт характера. Стоик действует путем самоограничения. Если я стоик, то блага, какие я мог бы себе присвоить, перестают быть моими благами, и во мне является наклонность вообще отрицать за ними значение каких бы то ни было благ. Этот способ оказывать поддержку своему "я" путем отречения, отказ от благ весьма обычен среди лиц, которых в других отношениях никак нельзя назвать стоиками. Все узкие люди ограничивают свою личность, отделяют от нее все то, чем они прочно не владеют. Они смотрят с холодным пренебрежением (если не с настоящей ненавистью) на людей непохожих на них или не поддающихся их влиянию, хотя бы эти люди обладали великими достоинствами. "Кто не за меня, тот для меня не существует, т. е. насколько от меня зависит, я стараюсь действовать так, как будто он для меня вовсе не существовал", таким путем строгость и определенность границ личности могут вознаградить за скудость ее содержания.

Экспансивные люди действуют наоборот: путем расширения своей личности и приобщения к ней других. Границы их личности часто бывают довольно неопределенны, но зато богатство ее содержания с избытком вознаграждает их за это. *Nihil humanum a me alienum puto* (ничто человеческое мне не чуждо). "Пусть презирают мою скромную личность, пусть обращаются со мною, как с собакой; пока есть душа в моем теле, я не буду их отвергать. Они - такие же реальности, как и я. Все, что в них есть действительно хорошего, пусть будет достоянием моей личности". Великодушие этих экспансивных натур иногда бывает поистине трогательно. Такие лица способны испытывать своеобразное тонкое чувство восхищения при мысли, что, несмотря на болезнь, непривлекательную внешность, плохие условия жизни, несмотря на общее к ним пренебрежение, они все-таки составляют неотделимую часть мира бодрых людей, имеют товарищескую долю в силе ломовых лошадей, в счастье юности, в мудрости мудрых и не лишены некоторой доли в пользовании богатствами Вандербильдтов и даже самих Гоген-цоллернов.

Таким образом, то суживаясь, то расширяясь, наше эмпирическое "я" пытается утвердиться во внешнем мире. Тот, кто может воскликнуть вместе с Марком Аврелием: "О, Вселенная! Все, что ты желаешь, то и я желаю!", имеет личность, из которой удалено до последней черты все, ограничивающее, суживающее ее содержание - содержание такой личности всеобъемлюще.

Иерархия личностей. Согласно почти единодушно принятому мнению, различные виды личностей, которые могут заключаться в одном человеке, и в связи с этим различные виды самоуважения человека можно представить в форме иерархической шкалы с физической личностью внизу, духовной - наверху и различными видами материальных (находящихся вне

нашего тела) и социальных личностей в промежутке. Часто природная склонность заботиться о себе вызывает в нас стремление расширять различные стороны личности; мы преднамеренно отказываемся от развития в себе лишь того, в чем не надеемся достигнуть успеха. Таким-то образом наш альтруизм является "необходимой добродетелью", и циники, описывая наш прогресс в области морали, не совсем без основания напоминают при этом об известной басне про лису и виноград. Но таков уж ход нравственного развития человечества, и если мы согласимся, что в итоге те виды личностей, которые мы в состоянии удержать за собой, являются (для нас) лучшими по внутренним достоинствам, то у нас не будет оснований жаловаться на то, что мы постигаем их высшую ценность таким тягостным путем.

Конечно, это не единственный путь, на котором мы учимся подчинять низшие виды наших личностей высшим. В этом подчинении, бесспорно, играет известную роль этическая оценка, и, наконец, немаловажное значение имеют здесь суждения, высказанные нами о поступках других лиц. Одним из курьезнейших законов нашей (психической) природы является то обстоятельство, что мы с удовольствием наблюдаем в себе известные качества, которые кажутся нам отвратительными у других. Ни в ком не может возбудить симпатии физическая неопрятность иного человека, его жадность, честолюбие, вспыльчивость, ревность, деспотизм или заносчивость. Предоставленный абсолютно самому себе, я, может быть, охотно позволил бы развиваться этим склонностям и лишь спустя долгое время оценил положение, которое должна занимать подобная личность в ряду других. Но так как мне постоянно приходится составлять суждения о других людях, то я вскоре приучаюсь видеть в зеркале чужих страстей, как выражается Горвич, отражение моих собственных и начинаю мыслить о них совершенно иначе, чем их чувствовать. При этом, разумеется, нравственные принципы, внушенные с детства, чрезвычайно ускоряют в нас появление склонности к рефлексии.

Таким-то путем и получается, как мы сказали, та шкала, на которой люди иерархически располагают различные виды личностей по их достоинству. Известная доля телесного эгоизма является необходимой подкладкой для всех других видов личности. Но чувственный элемент стараются приуменьшить или в лучшем случае уравновесить другими свойствами характера. Материальным видам личностей, в более широком смысле слова, отдается предпочтение перед непосредственной личностью - телом. Жалким существом почитаем мы того, кто не способен пожертвовать небольшим количеством пищи, питья или сна ради общего подъема своего материального благосостояния. Социальная личность в ее целом стоит выше материальной личности в ее совокупности. Мы должны более дорожить нашей честью, друзьями и человеческими отношениями, чем здоровьем и материальным благополучием. Духовная же личность должна быть для человека высшим сокровищем: мы должны скорее пожертвовать друзьями, добрым именем, собственностью и даже жизнью, чем утратить духовные блага нашей личности.

Во всех видах наших личностей - физическом, социальном и духовном - мы проводим различие между непосредственным, действительным, с одной стороны, и более отдаленным, потенциальным, с другой, между более близорукой и более дальновидной точками зрения на вещи, действуя

наперекор первой и в пользу последней. Ради общего состояния здоровья необходимо жертвовать минутным удовольствием в настоящем; надо выпустить из рук один доллар, имея в виду получить сотню; надо порвать дружеские сношения с известным лицом в настоящем, имея в виду при этом приобрести более достойный круг друзей в будущем; приходится проигрывать в изяществе, остроумии, учености, дабы надежнее стяжать спасение души.

Из этих более широких потенциальных видов личностей потенциальная общественная личность является наиболее интересной вследствие некоторых парадоксов и вследствие ее тесной связи с нравственной и религиозной сторонами нашей личности. Если по мотивам чести или совести у меня хватает духу осудить мою семью, мою партию, круг моих близких; если из протестанта я превращаюсь в католика или из католика в свободомыслящего; если из правоверного практика-аллопата я – становлюсь гомеопатом или каким-нибудь другим сектантом медицины, то во всех подобных случаях я равнодушно переношу потерю некоторой доли моей социальной личности, ободряя себя мыслью, что могут найтись лучшие общественные судьбы (надо мной) сравнительно с теми, приговор которых направлен в данную минуту против меня.

Апеллируя к решению этих новых судей, я, быть может, гонюсь за весьма далеким и едва достижимым идеалом социальной личности. Я не могу рассчитывать на его осуществление при моей жизни: я могу даже ожидать, что последующие поколения, которые одобрили бы мой образ действий, если бы он им был известен, ничего не будут знать о моем существовании после моей смерти. Тем не менее чувство, увлекающее меня, есть, бесспорно, стремление найти идеал социальной личности, такой идеал, который, по крайней мере заслуживал бы одобрение со стороны строжайшего, какой только возможен, судьи, если бы таковой был налицо. Этот вид личности и есть окончательный, наиболее устойчивый, истинный и интимный предмет моих стремлений. Этот судья – Бог, Абсолютный Разум, Великий Спутник. В наше время научного просвещения происходит немало споров по вопросу о действительности молитвы, причем выставляется много оснований pro и contra. Но при этом почти не затрагивается вопрос о том, почему именно мы молимся, на что не трудно ответить ссылкой на неудержимую потребность молиться. Не лишено вероятия, что люди так действуют наперекор науке и на все будущее время будут продолжать молиться, пока не изменится их психическая природа, чего мы не имеем никаких оснований ожидать. <...>

Все совершенствование социальной личности заключается в замене низшего суда над собой высшим; в лице Верховного Судии идеальный трибунал представляется наивысшим; и большинство людей или постоянно, или в известных случаях жизни обращаются к этому Верховному Судии. Последнее исчадие рода человеческого может таким путем стремиться к высшей нравственной самооценке, может признать за собой известную силу, известное право на существование.

Для большинства из нас мир без внутреннего убежища в минуту полной утраты всех внешних социальных личностей был бы какой-то ужасной бездной. Я говорю “для большинства из нас”, ибо индивиды, вероятно, весьма различаются по степени чувств, какие они способны переживать по отношению к Идеальному Существу. В сознании одних лиц

эти чувства играют более существенную роль, чем в сознании других. Наиболее одаренные этими чувствами люди, наверное, наиболее религиозны. Но я уверен, что даже те, которые утверждают, будто совершенно лишены их, обманывают себя и на самом деле хоть в некоторой степени обладают этими чувствами. Только нестадные животные, вероятно, совершенно лишены этого чувства. Может быть, никто не в состоянии приносить жертвы во имя права, не олицетворяя до некоторой степени принцип права, ради которого совершается известная жертва, не ожидая от него благодарности.

Другими словами, полнейший социальный альтруизм едва ли может существовать; полнейшее социальное самоубийство едва ли когда приходило человеку в голову. <...>

Теологическое значение забот о своей личности. На основании биологических принципов легко показать, почему мы были наделены влечениями к самосохранению и эмоциями довольства и недовольства собой, <...> Для каждого человека, прежде всего – его собственное тело, затем – его ближайшие друзья и, наконец, духовные склонности должны являться в высшей степени ценными объектами. Начать с того, что каждый человек, чтобы существовать, должен иметь известный минимум эгоизма в форме инстинктов телесного самосохранения. Этот минимум эгоизма должен служить подкладкой для всех дальнейших сознательных актов, для самоотречения и еще более утонченных форм эгоизма. Если не прямо, то путем переживания приспособленнейшего все духи привыкли принимать живейший интерес в участии своих телесных оболочек, хотя и независимо от интереса к чистому “я”, интереса, которым они также обладают.

Нечто подобное можно наблюдать и по отношению к судьбам нашей личности в воображении других лиц. Я бы теперь не существовал, если бы не научился понимать одобрительные или неодобрительные выражения лиц, среди которых протекает моя жизнь. Презрительные же взгляды, которые окружающие меня люди бросают друг на друга, не должны производить на меня особенно сильного впечатления. Мои духовные силы также должны интересоваться меня более чем духовные силы окружающих, и на том же основании. Меня бы не было в той среде, где я теперь нахожусь, если бы я не влиял культурным образом на других и не оказывал бы им поддержки. При этом закон природы, научивший меня однажды дорожить людскими отношениями, с тех пор навсегда заставляет меня дорожить ими.

Телесная, социальная и духовная личности образуют *естественную личность*. Но все они являются, собственно говоря, объектами мысли, которая во всякое время совершает свой процесс познания; поэтому при всей правильности эволюционной и биологической точек зрения нет оснований думать почему бы тот или другой объект не мог первичным инстинктивным образом зародить в нас страсть или интерес. Явление страсти по происхождению и сущности всегда одно и то же, независимо от конечной цели; что именно в данном случае является объектом наших стремлений - это дело простого факта. Я могу в такой же степени и так же инстинктивно быть увлечен заботами о физической безопасности моего соседа, как и моей собственной телесной безопасности. Это и наблюдается на наших заботах о теле собственных детей. Единственной помехой для чрезмерных проявлений неэгоистических интересов является естественный отбор, который искореняет все то, что было бы вредным для особи и для ее

вида. Тем не менее многие из подобных влечений остаются неупорядоченными, например, половое влечение, которое в человечестве проявляется, по-видимому, и большей степени, чем это необходимо; наряду с этим еще остаются наклонности (например, наклонность к опьянению алкоголем, любовь к музыке, пению), влечения, не поддающиеся никаким утилитарным объяснениям. Альтруистические и эгоистические инстинкты, впрочем, координированы. Стоят они, насколько мы можем судить, на том же психологическом уровне. Единственное различие между ними в том, что так называемые эгоистические инстинкты гораздо многочисленнее.

Итог. Следующая таблица может служить итогом сказанного выше. Эмпирическая жизнь нашей личности может быть подразделена следующим образом.

	Материальная	Социальная	Духовная
Самосохранение	Телесные потребности и инстинкты. Любовь к нарядам, франтовство, умение приобретать средства, создавать себе обстановку	Желание нравиться, быть замеченным и т.д. Общительность, соревнование, зависть, любовь, честолюбие и т.д.	Интеллектуальные, моральные и религиозные стремления, добросовестность
Самооценка	Личное тщеславие, скромность. Гордое сознание обеспеченности, страх бедности	Социальная и семейная гордость, тщеславие, погоня за модой; приниженность, стыд и т.д.	Чувство нравственного и умственного превосходства, чистоты и т.д., чувство вины

Познающий элемент в личности

Сравнительно с эмпирической личностью, чистое Ego представляет гораздо более сложный предмет для исследования. "Я" есть то, что в каждую данную минуту сознает, между тем как эмпирическая личность есть только одна из сознаваемых объектов. Другими словами, чистое "я" есть мыслящий субъект. Немедленно возникает вопрос: что такое этот "мыслящий субъект"? Является он одним из преходящих состояний сознания или чем-то более глубоким и неизменным? Текучесть нашего сознания представляет саму воплощенную изменчивость. Между тем всякий из нас добровольно рассматривает свое "я" как нечто постоянное, не изменяющееся. Это обстоятельство побудило большую часть философов предполагать за изменчивыми состояниями сознания существование некоторого неизменного субстрата, деятеля, который и вызывает такие изменения. Этот деятель и есть мыслящий субъект. То или другое частное

состояние сознания является простым орудием, средством в его руках. Душа, дух, трансцендентальное "я" - вот разнородные названия для этого наименее изменчивого субъекта мысли. Не подвергая пока этих понятий анализу, постараемся определить как можно точнее понятие изменчивого состояния сознания.

Единство и изменчивость сознания. Уже говоря об измерении ощущений с точки зрения Фехнера, мы видели, что нет никаких оснований считать их сложными. Но что верно об ощущениях простейших качеств, то распространяется и на мысли о сложных предметах, состоящих из многих частей. Это положение идет, к сожалению, вразрез с широко распространенным предрассудком и потому требует более подробных доказательств. С точки зрения здравого смысла, равно как и с точки зрения почти всех психологических школ, не вызывает сомнения тот факт, что мысль слагается ровно из стольких идей, сколько в объекте мысли элементов, причем эти идеи бывают, по-видимому, смешаны, но в сущности они раздельны. "Не представляет никаких затруднений допустить, что ассоциация объединяет идеи неопределенного числа индивидов в одну сложную идею, - говорит Дж. Милль, - ибо это общеизвестный факт. Разве у нас нет идеи "армия"? И разве эта идея не есть комплекс идей неопределенного числа людей?"

Можно привести множество подобных цитат, и читатель с первого взгляда, пожалуй, готов склониться в их пользу. Предположим, он думает: "На столе лежит колода карт". Если он станет размышлять сам с собой, то ему придут в голову примерно следующие соображения: "Разве я не думаю о колоде карт? Разве идея карт не заключается в идее колоды? Разве я не думаю в то же время о столе, наконец, о ножках стола? Разве моя мысль не включает в себе частью идею колоды и частью идею стола? Далее, разве с каждой частью колоды не связана идея части каждой карты, а с идеей части стола идея части каждой ножки? Разве каждая из этих частей не есть идея? Но в таком случае разве моя мысль не есть некоторый комплекс идей, из которых каждая соответствует некоторому познаваемому элементу?"

Удивительно неосновательны подобные соображения, хотя бы они и казались заслуживающими одобрения. Представляя комплекс идей, из которых каждая выражает известный элемент воспринимаемого факта, мы не представляем себе ничего такого, что давало бы нам знание о целом факте сразу. Согласно разбираемой гипотезе комплекса идей, идея, которая, например, сообщает нам знание о пиковом тузе, должна быть непричастна к идее ножки стола, ибо в силу данной гипотезы знание последнего факта нуждается в особой специальной идее; то же следует распространить и на все остальные идеи, из которых каждая окажется чуждой содержанию другой. И тем не менее фактически человеческий ум, познавая карты, познает и стол, и его ножку, все эти вещи познаются им в известных отношениях друг к другу и притом сразу. Наши понятия об отвлеченных числах (8, 4, 2) являются для познающего ума такими же единичными ощущениями, как и понятие единицы. Идея пары не есть пара идей. Читатель, быть может, спросит меня: "Разве вкус лимонада не равен вкусу лимона плюс вкус сахара?" Нет, возражу я на это, нельзя смешивать сочетание веществ с сочетанием ощущений. Физический лимонад состоит из лимона и сахара, но вкус его не есть простая сумма вкусов сахара и лимона, ибо, конечно, во вкусе лимонада вы всего меньше найдете вкус чистой

лимонной кислоты, с одной стороны, и вкус сахарной сладости - с другой. Этих вкусов совершенно нет в лимонаде. Есть в лимонаде вкус, напоминающий до известной степени и лимон, и сахар, но этот вкус представляет во всяком случае своеобразное состояние сознания.

Раздельные **состояния сознания** не могут смешиваться. Мысль, будто наши идеи суть лишь сочетания более мелких элементов сознания, не только невероятна - она заключает в себе логическую невозможность. Высказывающие эту мысль упускают из виду характернейшие черты, какие нам известны относительно сочетаний.

Все известные нам *комбинации* представляют собой результат воздействий, оказываемых единицами (которые мы называем *входящими в комбинации*) на некоторую сущность, отличающуюся от них самих. Без этого представления посредствующего фактора понятие комбинации не имеет смысла.

Другими словами, сущности (назовете ли вы их силами, материальными частицами или психическими элементами) не могут слагаться сами по себе друг с другом в нечто качественно новое; как бы ни было велико их число. Каждое в сумме или остается тем, чем оно было, и сумма кажется существующей сама по себе только для постороннего зрителя, который упустил из виду составляющие элементы и рассматривает ее непосредственно, лишь как таковую, или же сумма может существовать в виде фактора, действующего на какую-нибудь другую сущность, внешнюю по отношению к ней. Мы говорим, что H_2 и O дают воду и тем самым проявляют новые свойства, но эта вода есть не что иное, как прежние атомы в новом расположении: $H-O-H$; новые свойства заключаются только в комбинированном действии, производимом атомами в их новом расположении (в виде воды) на внешнюю среду, например, на наши органы чувств и на различные реагенты, в которых проявляются химические свойства воды. Совершенно таким же образом силы многих людей суммируются, когда они все вместе тянут за веревку, силы множества мышечных волокон суммируются, прилагаясь к одному сухожилию.

В параллелограмме сил не силы слагаются в равнодействующую диагональ, но тело, на которое они действуют, перемещается по направлению равнодействующей. Равным образом и музыкальные звуки не сочетаются сами по себе в консонансы или диссонансы. Консонансы и диссонансы суть названия для комбинированных воздействий звуков на внешнюю среду - на ухо.

Когда за элементарные единицы принимают ощущения, то суть дела остается неизменной. Возьмите сотню их, смешайте, соедините как можно теснее (если это может что-нибудь значить) — и все же каждое ощущение останется тем же, чем оно было, замкнутым в самом себе, слепым, чуждым по отношению к другим ощущениям и к их значению. Образовав подобную группу из 100 ощущений, мы получим некоторое 101-е ощущение, возникнет новый акт сознания, обнимающий группу как таковую и представляющий совершенно новый факт. В силу какого-нибудь курьезного закона природы 100 первоначальных ощущений в отдельности могли бы предварять их творческий синтез (мы ведь часто знакомимся со слагаемыми элементами, прежде чем встретим их объединенными в сумму), но реального тождества между ними и их суммой и наоборот нет; нельзя вывести одно

из другого или в сколько-нибудь понятном смысле говорить об эволюции суммы из совокупности слагаемых.

Возьмем какую-нибудь фразу из 12 слов и распределим эти слова по одному между 12 лицами, поставим их в ряд или соберем в тесную группу — и пусть каждое лицо мысленно произносит свое слово с наивозможно большей напряженностью, и все-таки никому не придет в голову целая фраза. Правда, мы говорим о "духе века", о "народном чувстве" и, вообще, различным образом олицетворяем "общественное мнение". Но нам хорошо известен этот условный способ выражения, и мы никогда не помышляем о том, чтобы "дух", "мнение" или "чувство" относились к некоторому добавочному собирательному сознанию, а не служили для обозначения совокупности сознания отдельных индивидов, обозначаемой словами "век", "народ", "общество".

Отдельные сознания не сливаются в высшее сложное сознание. Этот факт всегда служил в психологии неотразимым доводом спиритуалистов против сторонников ассоцианизма. Последние утверждают, что ум состоит из множества отдельных идей, ассоциированных в одну. "Есть, - говорят они, - в нашем сознании идея a и идея b . Значит, есть также идея a и b , взятых вместе, т. е. $a+b$ ". Говорить так - все равно что утверждать, будто в алгебре квадрат a + квадрат b = квадрату $(a+b)$, т. е. $[a^2+b^2=(a+b)^2]=a^2+2a+b^2$. Подобное утверждение - очевидная нелепость. Идея a + идея b не тождественны с идеей $a+b$; здесь - одна идея, там - две; в последнем случае то, что познает a , познает также и b ; в первом случае нечто, познающее a , преднамеренно означено не знающим b . Короче говоря, две идеи в силу законов логики никогда не могут выражаться одной идеей. Если какая-нибудь идея (например, идея $a+b$) следует в опыте за двумя отдельными идеями (a и b), то мы должны ее считать продуктом позднейших особых факторов сравнительно с факторами, вызвавшими на свет существование предшествовавших идей a и b .

Впрочем, если вообще допускать существование потока сознания, то всего проще было бы предположить, что существующие идеи всегда сознаются как отдельная струя этого потока. При восприятии множества объектов в мозгу могут протекать многочисленные процессы. Но психическое явление, относящееся к этим многочисленным процессам, представляет одно цельное устойчивое или преходящее состояние сознания, воспринимающего разнородные объекты.

Душа как комбинирующее начало. Представители спиритуализма в философии всегда были склонны утверждать, что одновременно познаваемые (разнородные) объекты познаются *чем-то*, причем это *нечто*, по словам этих философов, не есть чисто переходящая мысль, но некоторая простая и не изменяющаяся духовная сущность, на которую воздействуют, сочетаясь, многочисленные идеи. В данном случае для нас безразлично, будем ли мы называть эту сущность "душой", "духом" или "я", - ее главной функцией все же окажется роль комбинирующей среды. В душе мы встретим носителя познания, отличающегося от того потока, в котором, как мы выше указали, таинственный процесс познания мог совершаться с такой простотой. Кто же на самом деле является познающим субъектом: неизменная духовная сущность или преходящее состояние сознания? Если бы мы имели иные, до сих пор еще не предусмотренные основания для допущения души в нашу психологию, то в силу этих оснований она, может

быть, оказалась бы также и познающим субъектом. <...> Вполне объяснить допущение души невозможно, но оно может фигурировать в психологии лишь как первичный, неразложимый далее факт.

Но имеются другие мотивы в пользу допущения души в психологии, важнейший из них - это чувство личного тождества.

Чувство личного тождества. В предшествующей главе мы показали, что мысли, существование которых достоверно, не носят беспорядочно в нашей голове, но кажутся принадлежащими тому, а не другому определенному лицу. Каждая мысль среди множества других может отличить родственную от чуждых ей. Родственные мысли как будто живо чувствуют свое родство, чего вовсе нельзя сказать про мысли, чуждые одна другой; в результате моя вчерашняя личность чувствуется тождественной с моей личностью, умозакрывающей в данную минуту. Как чисто субъективное явление, это суждение не представляет ничего особенно таинственного. Оно принадлежит к большому классу суждений о тождестве, и несколько не более замечательно выражение мысли о тождестве в первом лице, чем во втором или третьем; умственный процесс представляется по существу тождественным, скажу ли я: "Я тождествен с моей личностью в прошедшем" или: "Это перо то же, каким оно было и вчера". Одно так же легко думать, как и противоположное. Весь вопрос в том, будет ли подобное суждение правильным. Имеет ли место тождество в данном случае на самом деле?

Тождество в личности как познаваемом элементе. Если в суждении "Моя личность тождественна с моей вчерашней личностью" мы будем понимать личность в широком смысле слова, то, очевидно, что во многих отношениях она является не тождественной. Как конкретная личность, я отличаюсь от того, чем я был: тогда я был, например, голоден, а теперь сыт; тогда гулял - теперь отдыхаю; тогда я был беднее — теперь богаче; тогда моложе - теперь старше и т. д. И тем не менее в других отношениях, которые мы можем признать наиболее существенными, я не изменился. Мое имя, моя профессия, мои отношения к окружающим остались теми же; мои способности и запас памяти не изменились с тех пор заметным образом. Кроме того, моя тогдашняя и теперешняя личности непрерывны; изменения там происходили постепенно и никогда не касались сразу всего моего существа.

Таким образом, мое личное тождество с самим собой по характеру решительно ничем не отличается от тождества, устанавливаемого между какими-нибудь вещественными агрегатами. Это — умозаключение, основанное или на сходстве в существенных чертах, или на непрерывности сравниваемых явлений. Термин *тождество личности* должен иметь только то значение, которое гарантируется указанными основаниями; его не следует понимать в смысле абсолютного, метафизического единства, в котором должны ступаться все различия. Личность в ее настоящем и прошедшем лишь постольку тождественна, поскольку в ней действительно есть тождественность - не более. Ее тождество - родовое. Но это родовое тождество существует со столь же реальными родовыми особенностями, и если с одной точки зрения я представляю одну личность, то с другой я с таким же основанием могу считаться многими личностями.

То же можно сказать и о признаке непрерывности; он сообщает личности только единство "сплошности", цельности, некоторое вполне определенное эмпирическое свойство - и ничего более.

Тождество в личности как познающем элементе. Всё, что до сих пор говорилось, относилось к личности как познаваемому элементу в сознании. В суждении "Я тождествен с самим собой" мы понимали "я" в широком смысле слова, как конкретную личность. Теперь попробуем рассматривать "я" с более узкой точки зрения, как познающий субъект, как-то, к чему относятся и чем познаются все конкретные свойства личности. Разве в таком случае не окажется, что "я" в различные промежутки времени абсолютно тождественно? Нечто, постоянно выходящее из своих пределов настоящего, сознательно присваивающее себе личность прошедшего и исключаящее из себя то, что не принадлежит последней как чуждое, разве это нечто не представляет собой некоторого постоянного неизменного принципа духовной деятельности, который всегда и везде тождествен с самим собой?

В области философии и в обыденной жизни господствующим ответом на этот вопрос является утвердительный ответ; и тем не менее эту мысль трудно оправдать, подвергнув ее логическому анализу. Если бы не существовало преходящих состояний сознания, тогда действительно мы могли бы предположить, что неизменный, абсолютно тождественный сам с собою принцип является в каждом из нас непрестанно мыслящим субъектом. Но если признать отдельные состояния сознания за реальные факты, то нет надобности предполагать никакого субстанционального тождества для познающего субъекта.

Вчерашние и сегодняшние состояния сознания не имеют никакого субстанционального тождества, ибо *n* то время, как одни из них здесь, налицо, другие безвозвратно умерли, исчезли. Их тождество - функциональное, так как те и другие познают те же объекты, и поскольку прошлое моей личности является одним из этих объектов, постольку они тождественным образом к нему относятся, благоволя к нему, называя его своим и противопоставляя его всем другим познаваемым вещам. Это функциональное тождество личности представляется нам единственным видом тождества, которое необходимо допустить, исходя из фактов опыта. Ряд лиц с совершенно одинаковым по содержанию прошлым являются совершенно адекватными носителями того эмпирического тождества личности, которое в действительности имеет каждый из нас. Психология, как естественная наука, должна допустить существование потока психических состояний, совершенно аналогичного подобным же процессам мысли у последовательного ряда лиц, и притом потока таких душевных состояний, из которых каждое связано со сложными объектами познания, переживает по отношению к ним различные эмоции и делает между ними известный выбор.

Из всего сказанного логически вытекает следующее: психология имеет дело только с теми или другими состояниями сознания. Доказывать существование души – дело метафизики или богословия, но для психологии такая гипотеза субстанционального принципа единства излишня.

Как наше "я" присваивает себе содержание личности. Но почему же каждое последовательное состояние сознания присваивает себе прошедшее содержание личности? Выше я упомянул о том, что мой минувший жизненный опыт представляется мне в таком симпатичном свете,

в каком мне никогда не является минувший опыт других. Постараемся найти для этого надлежащее объяснение. Моя настоящая личность ощущается мною с оттенком родственности и теплоты. В этом случае есть тяжелая теплая масса моего тела, есть и *ядро* моей духовной личности – чувство внутренней активности. Без одновременного сознания этих двух объектов для нас невозможно реализовать настоящую личность.

Всякий предмет, находящийся в отдалении, если он удовлетворяет этим условиям, будет сознаваться нами с таким же чувством теплоты и родственности.

Но какие отдаленные объекты действительно удовлетворяют этому условию? Очевидно, те, и только те, которые удовлетворяли этому условию прежде, во время их существования. Их мы будем всегда вспоминать с чувством живейшей симпатии; к ним, может быть, еще снова будут склоняться на самом деле импульсы нашей внутренней активности. Естественным следствием этого будет то, что мы станем ассимилировать минувшие состояния нашего сознания друг с другом и с теперешним чувством симпатии и интимности в нашей личности и в то же время отделять их в виде группы от посторонних объектов, не удовлетворяющих этому условию совершенно так же, как американский скотовод, выпустив на зиму табуны и стада пастись на какую-нибудь широкую западную прерию, весной, при появлении скупщика, из массы животных, принадлежащих различным лицам, выбирает и сортирует принадлежащих ему и имеющих особый знак.

Нечто совершенно аналогичное представляет для нас наш минувший опыт. Опыт других людей, как бы много я ни знал о нем, всегда лишен того живого клейма, которым обладают объекты моего собственного прошедшего опыта. Вот почему Петр, проснувшись в одной постели с Павлом и вспоминая то, о чем они думали оба перед сном, присваивает себе и отождествляет симпатичные идеям как свои и никогда не чувствует склонности смешать их с холодными и бледными образами, в которых ему представляется душевная жизнь Павла. Такая ошибка столь же невозможна, как невозможно смешать свое тело, которое видишь и чувствуешь, с телом другого человека, которое только видишь. Каждый из нас, проснувшись, говорит: “Вот опять здесь моя прежняя личность”, - так же как он мог бы сказать: “Вот опять здесь прежняя кровать, прежняя комната, прежний мир”. Подобным же образом в часы нашего бодрствования, несмотря на то что одно состояние сознания умирает, постоянно заменяясь другим, все же это другое состояние сознания среди познаваемых объектов находит своего предшественника и, усматривая в нем описанным выше образом неостывшую живость, благоволяет к нему, говоря: “Ты мое, ты - часть того же сознания, что и я”. Каждая позднейшая мысль, обнимая собой и познавая предшествующие мысли, является конечным преемником и обладателем их содержания. По словам Канта, здесь совершается нечто аналогичное тому, как если бы упругие шары были одарены не только движением, но и осознанием этого движения и первый шар сообщал свое движение и осознание его второму, который сообщал бы и то и другое вместе со своим осознанием и движением третьему, пока, наконец, последний шар не заключал бы в себе все, сообщенное другими, и не осознал бы все это как свое собственное.

Благодаря подобному фокусу, когда зарождающаяся мысль немедленно подхватывает исчезающую и присваивает себе ее содержание, в нашем сознании образуется связь между отдаленнейшими элементами нашей личности. Кто обладает последним по времени элементом сознания, обладает и предпоследним, ибо обладающий обладателем обладает и обладаемым. Невозможно указать никаких черт в личном тождестве, существование которых можно было бы доказать опытным путем и которые не были бы нами выше указаны; невозможно представить себе, как трансцендентальный принцип единства (если бы он был в данном случае налицо) мог бы ради известной цели объединить материал или познаваться не в качестве продукта потока сознания, в котором каждая последующая часть познает и, познавая, охватывает и присваивает себе все предшествовавшее, являясь представителем всего прошлого потока, с которым ее нельзя (реально) отождествлять.

И.С. КОН

Проблема "Я" в психологии⁴²

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушите:
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать.

Гете

В отличие от философских теорий, претендующих на раскрытие "истинной природы" и "сущности" "Я" в целом, психология пытается расчленить эту проблему на составные части, которые могли бы стать предметом экспериментальных исследований. Однако классификация соответствующих Психологических теорий представляет большие трудности, так как они дифференцируются по различным линиям.

Во-первых, *по предмету*, на котором сосредоточен главный интерес исследователей. Одни интересуются прежде всего субъектными свойствами индивида, внутренними источниками его активности, которые выше были обозначены как идентичность и "Эго". Таковы, например, персоналистическая психология, фрейдизм, экзистенциализм, эгопсихология. Других занимает преимущественно "образ Я" как элемент самосознания.

Во-вторых, психологические исследования различаются по *теоретическому контексту*, углу зрения, под которым рассматривается проблема "Я". Там, где отправной точкой служит *теория личности*, "Я" чаще всего мыслится как некое структурное единство и наибольшее внимание привлекают его регулятивные функции. В контексте *теории*

⁴² И.С. Кон. Открытие "Я". М., 1978.

сознания на первый план выступают когнитивные особенности процессов самосознания, адекватность самооценок и т. п.

В-третьих, существенно различается *методологическая стратегия* исследований. Так, подход к изучению самооценок, этого ценнейшего источника в понимании "образа Я", меняется в зависимости от того, рассматриваются они исследователем как непосредственные *компоненты* "образа Я" или только как *индикаторы* каких-то глубинных и не осознаваемых личностью качеств (например, самоуважения). Психолог, считающий личность просто суммой черт, может удовлетвориться описательно — компонентным анализом и скажет, что "образ Я" складывается из представлений индивида о своем теле, уме, способностях, социальном положении и т. д. Для системно-структурного мышления такая стратегия принципиально неприемлема, генезис самосознания рисуется ему гораздо более сложным.

Первые шаги научно-психологического анализа человеческого "Я" были связаны с развитием естественнонаучного мышления и борьбой против идеализма. Идеалистические теории психики, считавшие "Я" источником всех человеческих действий, приравнивали его к "душе", или нематериальному "внутреннему агенту", который направляет поведение индивида, а сам не может быть ни выведен, ни сведен, ни объяснен. Естественно, что научная психология стремилась разоблачить этот "призрак", по выражению И. М. Сеченова, свести его к каким-то материальным процессам. Но к каким именно?

Большинство психологов XIX в. видели в "Я" чувственный образ, формирующийся на основе самоощущений и закрепленных памятью ассоциаций. Так, Дж. Ст. Милль связывал появление "Я" с памятью о совершенном действии. По мнению Ч. Пирса, "идея Я" возникает у ребенка в результате ассоциации факта перемещения вещей с движением собственного тела, которое осознается как причина перемещения. В. Вундт понимает "Я" как чувство связи всех индивидуальных психических переживаний, придавая особое значение в его генезисе кинестетическим ощущениям. Эта тенденция имела материалистическую направленность, была ориентирована на эксперимент и способствовала развитию ряда важных исследований (например, того, как человек осознает схему собственного тела). Особенно ценными в этом плане были работы И. М. Сеченова.

"Ребенок, - писал Сеченов, - множество раз получает от своего тела сумму самоощущений во время стояния, сидения, бегания и пр. В этих суммах, рядом с однородными членами, есть и различные, специально характеризующие стояние, ходьбу и пр. Так как эти состояния очень перемежаются друг с другом, то существует тьма условий для их соизмерения в сознании. Продукты последнего и выражаются мыслями: "Петя сидит или ходит". Здесь *Петя* обозначает, конечно, не отвлечение из суммы самоощущений постоянных членов от изменчивых... но мысли все-таки соответствует ясное уже и в уме ребенка отделение своего тела от своих действий. Затем, а может быть и одновременно с этим, ребенок начинает отделять в сознании от прочего те ощущения, которые составляют посыл на действия; ребенок говорит: "Петя хочет есть, хочет гулять". В первых мыслях выражается безразлично состояние своего тела как цельное самоощущение; здесь же сознана раздельность уже двух самоощущений...

Так как эти состояния могут происходить при сиденье, при ходьбе и пр., то должно происходить соизмерение их друг с другом в сознании. В результате выходит, что Петя то чувствует пищевой голод, то гуляльный; то ходит, то бегаёт - во всех случаях Петя является тем общим источником, внутри которого рождаются ощущения и из которого выходят действия".

Однако ограниченность психофизиологического и ассоцианистского подхода к проблеме "Я" состояла в том, что он не видел социальных аспектов самосознания.

Разумеется, даже авторы классических робинзонад, не говоря уже о психологах XIX в., прекрасно понимали, что человек живет в обществе и зависит от него. Но общество, подобно пространству в ньютоновской физике, мыслилось лишь как условие, рамка, внешняя среда развития личности. Содержание же рефлексивного "Я" казалось непосредственно данным (самочувствие) или формирующимся в результате самонаблюдения. Но что побуждает человека к саморефлексии, каковы критерии его самооценок и почему он заостряет внимание на одних аспектах собственного опыта в ущерб другим?

Человек осознает прежде всего такие свои свойства, на которые кто-то или что-то обращает его внимание. Это верно даже относительно элементарных физических свойств. Замечено, что, рисуя словесный портрет другого человека или автопортрет, Подростки значительно чаще, чем дети и взрослые, включают в эти описания свойства кожи. Дело в том, что появляющиеся в связи с половым созреванием изменения кожного покрова невольно привлекают к себе внимание окружающих, доставляя подросткам много неприятностей.

Уже простое описание, фиксация того или иного качества большей частью включает в себя момент оценки и сравнения. Вряд ли кто-нибудь измерял длину своего носа в сантиметрах. Однако каждый знает, большой у него нос или маленький, красивый или некрасивый. Постигается это путем сравнения.

Прилежный, умный, сильный, красивый, вспыльчивый, послушный, старательный - все эти определения имеют оценочный смысл и обязательно предполагают сравнение с кем-то. Разграничить осознание многих своих психических и даже телесных свойств от их социально-нравственной или эстетической самооценки практически невозможно.

Хотя "образ Я" всегда включает в себя определенный набор компонентов (представление о своем теле, своих психических свойствах, моральных качествах и т.д.), их конкретное содержание и значимость варьируются в зависимости от социальных и психологических условий и состояний. Кроме того, человек не просто "узнает", "открывает", но и активно формирует себя. Осознание каких-то своих способностей меняет его самооценку и уровень притязаний, да и сами эти способности не только проявляются, но и формируются в деятельности.

Уяснение этого постепенно подводило психологов, как ранее случилось с философами, к пониманию *социальной* природы "Я". Первым шагом в этом направлении было признание, что наряду с биологическим, телесным "Я", к осознанию которого индивид приходит "изнутри", благодаря развитию органического самочувствия, "образ Я" включает в себя социальные компоненты, источником которых является взаимодействие индивида с другими людьми. Наиболее известным вариантом этой модели

была теория Уильяма Джемса. Джемс начинает с того, что разграничивает "познающее Я", "поток сознающей мысли", которое он обозначает английским словом "I" (буквально — "я", местоимение первого лица единственного числа), и "эмпирическое Я", обозначаемое словом "me" (буквально - "меня", которое не имеет в русском языке адекватной грамматической формы для передачи его существительным). "Me" - это "общий итог всего, что человек может назвать своим, включая не только его собственное тело и психические силы, но и все принадлежащее ему — одежду, дом, семью, предков и друзей, репутацию, творческие достижения, земельную собственность и даже яхту и текущий счет". "Эмпирическое Я" Джемс в свою очередь подразделяет на три компонента: "материальное Я" - тело, одежда, собственность; "социальное Я" — то, чем признают данного человека окружающие (каждый человек имеет столько разных "социальных Я", сколько существует отдельных групп или кружков, о мнении которых он заботится); "духовное Я" — совокупность психических способностей и склонностей.

При всей "буржуазности" этой модели, в которой текущий счет - такой же важный компонент "Я", как и тело, включение в нее социальных характеристик было, несомненно, шагом вперед. В буржуазном обществе собственность, имущественное положение и вправду составляют важный компонент личности и ее самосознания (вспомним блестящие рассуждения К. Маркса о том, как притягательная сила денег нейтрализует и перевешивает отталкивающую силу уродства).

Однако социальные и индивидуально-природные компоненты "Я" остаются в схеме Джемса рядоположными. Между тем осознание индивидуально-природных качеств также имеет свои социальные предпосылки. Вполне закономерно поэтому, что в последующем "социологизация" проблемы "Я" была продолжена.

В начале XX в. социолог Чарлз Хортон Кули сформулировал теорию "зеркального Я", согласно которой представление человека о самом себе, "идея Я", складывается под влиянием мнений окружающих и включает три компонента: представление о том, каким я кажусь другому лицу, представление о том, как этот другой меня оценивает, и связанную с этим самооценку, чувство гордости или унижения. "Идея Я" формируется уже в раннем возрасте в ходе *взаимодействия* индивида с другими людьми, причем решающее значение имеют так называемые первичные группы (семья, сверстники и т. д.).

В 40-50-х годах теория "зеркального Я" стала базой множества экспериментальных исследований, выясняющих зависимость "образа Я" или частных самооценок от мнения окружающих. Результаты этих исследований показывали, что под влиянием благоприятных суждений окружающих самооценка повышается, неблагоприятных - снижается, причем нередко меняется и самооценка тех качеств, которые не подвергались оценке со стороны. Так, похвала, полученная от авторитетной для личности группы, может способствовать повышению общего уровня ее притязаний.

Поскольку теория "зеркального Я" в ее первоначальном варианте акцентировала внимание на зависимости формирования "образа Я" от мнения "значимого другого", человеческое "Я" выглядит в ней пассивным: оно только отражает и суммирует чужие мнения на свой счет, а

взаимодействие людей в процессе их совместной деятельности сводится к обмену мнениями. На деле каждый индивид общается с множеством разных людей, которые воспринимают и оценивают его неодинаково. Кроме того, различные люди (и группы) неодинаково значимы для личности. Например, в одних случаях большее влияние на подростка могут оказать родители, семья, а в других - сверстники, приятели. Наконец, личность не механически усваивает Чужие мнения о себе, но более или менее самостоятельно осмысливает и отбирает их, используя при этом собственные критерии.

Формирование человеческого "Я" в процессе *реального* взаимодействия индивида с другими людьми в рамках определенных социальных групп и в зависимости от выполняемых личностью ролей было исследовано американским ученым Джорджем Гербертом Мидом (1863—1931), родоначальником *интеракционистской* (от interaction — взаимодействие) ориентации в социальной психологии. В противоположность тем, кто считал, что "образ Я" дан индивиду непосредственно или формируется путем обобщения самоощущений. Мид утверждает, что самосознание - это процесс, в основе которого лежит *практическое* взаимодействие индивида с другими людьми. "Индивид познает себя как такового не прямо, а только косвенно, с частных точек зрения других членов данной социальной группы или с обобщенной точки зрения всей группы, к которой он принадлежит, ибо он входит в свой собственный опыт как Я или как индивид не прямо и непосредственно..., а только став для себя таким же объектом, каким являются для него другие индивиды. Объектом же для себя он может стать, приняв отношения к себе других индивидов, в рамках той совместной общественной деятельности, в которую они вовлечены". Чтобы успешно взаимодействовать с другими людьми, необходимо предвидеть реакцию партнера на то или иное твоё действие. Рефлексия на себя есть, по сути дела, не что иное, как способность поставить себя на место другого, усвоить отношение других к себе.

Простейшей моделью этого процесса может служить, по Миду, психология детской игры. Сначала ребенок просто подражает поведению окружающих его людей. Он выступает то в роли воспитателя, делая кому-то замечания, то в роли воспитуемого - сам исполняет только что данные указания. Но эти сменяющиеся роли еще не интегрированы в определенную систему. В каждый данный момент ребенок представляет себя кем-то другим. Отсюда - внешняя непоследовательность его действий, которые можно понять, только зная, кем он себя в данный момент воображает и как он определяет свою роль. Он может воображать себя не только человеком, но и животным и даже неодушевленным предметом (например, паровозом). В отношениях с людьми ребенок не столько "принимает роль" другого (ставит себя на его место), сколько *идентифицируется* с ним, усваивая при этом и его отношение к себе, либо столь же однозначно приписывает другому свои собственные мотивы.

По мере усложнения игровой деятельности ребенка круг его "значимых других" расширяется, а его отношения с ними становятся все более избирательными. Это требует и более сложной внутренней регуляции поведения. Чтобы участвовать в коллективной игре (например, в футбол), ребенок должен усвоить целую систему правил, регулирующих отношения между игроками, и уметь сообразовать свои действия со всеми другими

членами команды. Это значит, что он ориентируется уже не на Отдельных конкретных других, а на некоего "обобщенного другого". Овладеть ролью вратаря - значит усвоить правила игры и те ожидания (экспектации), которые предъявляются к вратарю всеми членами команды. Соответственно и самооценка себя в роли вратаря (хороший я вратарь или плохой) зависит от того, насколько данный индивид отвечает этим ожиданиям. Но эта закономерность существует не только в игре. Человек в принципе не может осознать и описать себя без помощи категорий, обозначающих его пол, возраст, социальную принадлежность, род занятий, семейное положение и т. д. Каждая такая характеристика ("мужчина", "взрослый", "учитель", "отец") обозначает занимаемую индивидом социальную позицию и связанную с этим систему взаимных ожиданий.

В концепции Мида "Я" предстает как производное от группового "Мы", которое оно косвенно включает в себя, причем содержание "Я" обусловлено уже не мнениями других людей, а *реальными взаимоотношениями с ними, их совместной деятельностью*. Кроме индивидуальных "значимых других" появляется обобщенный, "генерализованный другой", которым может быть не только семья или игровая группа, но и общество в целом. "Индивидуальное Я", подчеркивал Мид, по просто "включает" в себя отдельные социальные компоненты, но все оно целом "есть по самой сути своей социальная структура, вырастающая из социального опыта".

Описание личности и ее "Я" через групповые принадлежности и социальные роли, по сути дела, лишь переводит на язык психологии то, к чему давно уже пришли философы (вспомним гегелевскую схему перехода от единичного самосознания к всеобщему, фейербаховское обнаружение "Я" в "Ты" и, наконец, высказывание К. Маркса о Петре и Павле). Однако употребление термина "роль" в данном случае не следует истолковывать, что нередко случается, как прямое сведение личности к совокупности выполняемых ею социальных функций или, еще того хуже, к ложному, разыгрываемому поведению.

"Конечно, ребенок усваивает то, как он должен вести себя с мамой, скажем, что ее нужно слушаться, и он слушается, но можно ли сказать, что при этом он играет *роль* сына или дочери? — спрашивает известный советский психолог А. Н. Леонтьев. Столь же нелепо говорить, например, о "роли" полярного исследователя, "акцептированной" Нансеном: для него это не "роль", а *миссия*. Иногда человек действительно разыгрывает ту или иную роль, но она все же остается для него только "ролью", независимо от того, насколько она интернализирована. "Роль" - не личность, а, скорее, *изображение*, за которым она скрывается". Но если "роль", как следует из определения самого А. Н. Леонтьева, есть программа, "которая отвечает ожидаемому поведению человека, занимающего определенное место в структуре той или иной социальной группы", или "структурированный способ его участия в жизни общества", то она никак не может быть "изображением" лица. Иначе придется признать, что личность существует не только вне общества, но даже и вне своей собственной социальной деятельности. Ведь "структурированный способ участия в жизни общества" есть не что иное, как структура деятельности человека.

Источник этого противоречия лежит в логической подмене понятий, точнее, системы отсчета. Социальная психология, которую критикует А. Н.

Леонтьев, рассматривает *объективный процесс взаимодействия* индивидов в обществе, выводя *из него* их самосознание. А. Н. Леонтьев же имеет в виду то, *как сам индивид воспринимает и оценивает* свои действия. Ребенок может быть искренне любящим и послушным или только притворяться таковым, и разница здесь весьма существенна. Но это не отменяет того, что существует определенное *социальное* определение детской роли, в свете которого оценивается поведение конкретного ребенка и которое не может не преломляться в его собственном самосознании ("я хороший, потому что слушаюсь маму").

"Ролевое" описание диалектики индивидуального и социального осуществляется на трех различных уровнях: в рамках безличной макросоциальной системы (социологический уровень), в рамках непосредственного межличностного взаимодействия (социально-психологический уровень) и в рамках индивидуальной мотивации (внутриличностный уровень).

В *социологии*, предметом исследования которой является социальная система, "социальная роль" понимается как безличная норма, функция, связанная с определенной социальной позицией и не зависящая от личных свойств занимающих эту позицию индивидов; "роль" учителя, инженера или отца семейства социологически задана общественным разделением труда и иными объективными процессами, не зависящими от воли отдельного индивида. Хотя требования, предъявляемые к человеку занимающему эту позицию, далеко не всегда формулируются так однозначно, как в воинском уставе или должностной инструкции, они тем не менее вполне объективны. Чтобы понять, к примеру, соотношение отцовской и материнской ролей в современной семье, надо учитывать прежде всего реальное разделение труда между мужчиной и женщиной, соотношение их семейных и внесемейных обязанностей, структуру семьи, способы воспитания детей и т. д. Мнения же конкретных мужчин и женщин по этому вопросу, при всей значимости индивидуальных вариаций, будут только отражением стереотипов массового сознания, за которыми в конечном счете стоят закономерности социальной структуры.

Социальная психология в известной мере оставляет эти макросоциальные отношения "за скобками", понимая "роль" как структуру непосредственного межличностного взаимодействия. Привычные нормы поведения неизбежно стандартизируются и подкрепляются системой взаимных ожиданий. От человека, который несколько раз проявил остроумие, ждут, что он и в дальнейшем будет развлекать своих товарищей, и эта "роль шутника" так или иначе включается в его "образ Я".

Наконец, при исследовании *внутриличностных* процессов словом "роль" обозначают определенный аспект, часть, сторону деятельности лица, называя ее в данном случае "интериоризованной", то есть усвоенной, вошедшей "внутрь" личности ролью. Внимание здесь акцентируется прежде всего на том, как *сам индивид* воспринимает, сознает и оценивает ту или иную свою функцию (деятельность), какое место занимает она в его "образе Я", какой личностный смысл он в нее вкладывает.

"Интериоризованная роль" - это компонент самосознания, *отношение* личности к некоторому аспекту собственной деятельности.

Таким образом, понятие "социальная роль" как бы связывает деятельность личности и ее самосознание с функционированием социальной

системы, причем отправной точкой здесь является не индивид, а социум. Но это разграничение в известной мере условно. Буржуазные социологи вслед за обыденным сознанием часто делят жизнедеятельность личности на две части, из которых одна - формальная, застывшая, мертвая - приписывается "безличному" миру социальных ролей, а вторая - "личная", эмоционально окрашенная - представляет то, чем индивид является "сам по себе", безотносительно к социальным условиям. В житейском обиходе сказать про человека; что он "исполняет роль" отца или учителя, все равно что сказать, что он "притворяется", что он "не настоящий" отец или учитель. Самому индивиду "ролевой" кажется только такая деятельность, которую он воспринимает как нечто более или менее внешнее, периферийное, условное, "разыгрываемое" для других, в отличие от "подлинного Я", без которого он просто не может себя представить. Но независимо от того, считает ли индивид свою работу ремеслом, призванием или даже миссией, хотя это весьма существенно для него самого, а также для морально-психологической оценки его как личности, социологически он во всех случаях исполняет определенную "профессиональную роль". И если энтузиастов на данный вид работы не находится, а обойтись без него общество не может, начинают действовать такие вполне объективные механизмы, как материальное стимулирование, государственное распределение специалистов и т. п.

Взаимопроникновение социально-ролевого и индивидуально-личностного начал можно наблюдать во всех сферах жизнедеятельности людей. - Возьмем, например, Марксов анализ процесса обмена. В принципе отношения покупателя и продавца совершенно безличны. Продавец - всего лишь персонифицированный товар (скажем, голова сахара), а покупатель - персонифицированные деньги (золото). "Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем. Эти определенные общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд *не* индивидуальный, становится деньгами". Но эти безличные экономические роли не являются чем-то абсолютно противоположным индивидуальности, поскольку эти роли, как и эта индивидуальность, - продукт истории. "...Эти экономические буржуазные роли покупателя и продавца... суть необходимое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства".

И так обстоит дело не только в практике, но и в самосознании.

Личность не может определить себя безотносительно к системе своих "социальных ролей"; она может сливаться, идентифицироваться с ними или отстраняться, дистанцироваться от них, даже противопоставлять себя им, но во всех случаях при определении своего "Я" они как бы служат для личности точкой отсчета.

Чем богаче структура жизнедеятельности индивида, чем шире круг его социальных принадлежностей, тем более сложным и дифференцированным будет его самосознание.

Во-первых, человек сталкивается с тем, что его разные обязанности и роли, например, профессиональные и семейные, не совпадают, а иногда и противоречат друг другу. Эти *межролевые конфликты* активизируют работу самосознания, побуждая личность иерархизировать разные аспекты своей жизнедеятельности, соподчинять их соответственно какой-то шкале ценностей.

Во-вторых, каждая "социальная роль" есть отношение, которое его участники могут определять по-разному (например, требования, предъявляемые к учителю школьной администрацией, коллегами, родителями и учениками, могут существенно расходиться). Эти *внутриролевые конфликты* предполагают необходимость самостоятельного, индивидуального определения собственной роли со всей вытекающей отсюда мерой ответственности.

В-третьих, неодинаково сами *отношение* индивида к выполняемым ролям: одни функции и виды деятельности переживаются и осознаются как органические, неотделимые от собственного "Я", другие - как более или менее внешние, периферийные, "искусственные". Степень психологического отчуждения индивида от своих "ролей" зависит от многих причин как социального, так и психологического характера.

Социально-психологический подход к личности, предложенный интеракционистами, несомненно, открыл новые перспективы для изучения проблемы "Я". Однако ему свойственна известная односторонность.

Как справедливо отмечал Л. С. Выготский, "личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она предъявляет для других... За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей". Функции самосознания Выготский называл "третичными" функциями, имея в виду, что они производны как от непосредственного социального общения личности, так и от ее уже интериоризованных и в этом смысле "вторичных" психических функций. Интеракционисты же видят преимущественно первое - *непосредственное межличностное общение*, оставляя в тени как биологические основы индивидуальности, так и более широкие *социальные детерминанты*, в частности предметное содержание деятельности личности.

Именно эти упущения интеракционизма и стали в первую очередь предметом критики со стороны марксистской социологической и психологической науки. Социологи-марксисты подчеркивают неправомочность сведения социальных детерминант личности и ее самосознания к непосредственному взаимодействию индивидов, необходимость учитывать разную *объективную* значимость, соподчиненность и "ранг" усваиваемых индивидом "ролей". Психологи же выступают против недооценки Мидом и его последователями эмоциональных предпосылок самосознания, телесных переживаний и самоощущений. Представители французской школы генетической психологии (Анри Баллон, Рене Заззо и его сотрудники) подчеркивают, что генезис самосознания, будучи в целом социальным процессом, имеет, однако, и биологические предпосылки, особенно заметные при изучении эмоциональных аспектов "Я" (самочувствие, самоощущение), в частности развития "*чувства Я*". Эта сторона дела особенно важна для понимания филогенеза самосознания.

Уяснение многогранности проблемы способствовало дальнейшей дифференциации тематики психологических исследований, посвященных генезису самосознания в целом и представлений индивида о самом себе⁴³, а также совершенствованию их методологии и техники.

Г. М. Андреева

ОБЩЕНИЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ⁴⁴

Место и природа межличностных отношений

Теперь принципиально важно уяснить себе место этих межличностных отношений в реальной системе жизнедеятельности людей.

В социально-психологической литературе высказываются различные точки зрения на вопрос о том, где “расположены” межличностные отношения, прежде всего относительно системы общественных отношений. Иногда их рассматривают в одном ряду с общественными отношениями, в основании их, или, напротив, на самом верхнем уровне (Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., ЛГУ, 1967. С. 146), в других случаях — как отражение в сознании общественных отношений (Платонов К. К. О системе психологии. М., 1974. С. 30) и т. д. Нам представляется (и это подтверждается многочисленными исследованиями), что природа межличностных отношений может быть правильно понята, если их не ставить в один ряд с общественными отношениями, а увидеть в них особый ряд отношений, возникающий внутри каждого вида общественных отношений, не вне их (будь то “ниже”, “выше”, “сбоку” или как-либо еще). Схематически это можно представить как сечение особой плоскостью системы общественных отношений: то, что обнаруживается в этом “сечении” экономических, социальных, политических и иных разновидностей общественных отношений, и есть межличностные отношения (рис. 1.1).

¹ Для обозначения данного явления в психологической литературе используется целый ряд терминов: “идея Я”, “образ Я”, “понятие Я”, “Я концепция”. Одни авторы употребляют их как синонимы, другие пытаются установить их иерархию по степени обобщенности и устойчивости: “образ Я” обозначает нечто зависящее от ситуации, “понятие Я” мыслится как устойчивая структура самосознания и т. д. Поскольку возможность строгого разграничения смысла этих терминов представляется сомнительной, для обозначения представлений индивида о самом себе в дальнейшем изложении мы будем пользоваться собирательным термином “образ Я”.

⁴⁴ Г.М. Андреева. Социальная психология. М.: Асток-Пресс, 1998. С. 89-99.

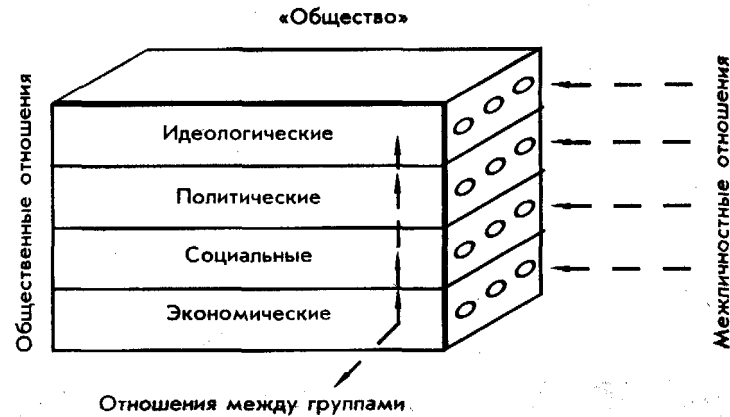

Рис. 1.1. Межличностные отношения и общественные отношения

При таком понимании становится ясным, почему межличностные отношения как бы “опосредствуют” воздействие на личность более широкого социального целого. В конечном счете межличностные отношения обусловлены объективными общественными отношениями, но именно в *конечном счете*. Практически оба ряда отношений даны вместе, и недооценка второго ряда препятствует подлинно глубокому анализу отношений и первого ряда.

Существование межличностных отношений внутри различных форм общественных отношений есть как бы реализация безличных отношений в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия.

Вместе с тем в ходе этой реализации отношения между людьми (в том числе общественные) вновь воспроизводятся. Иными словами, это означает, что в объективной ткани общественных отношений присутствуют моменты, исходящие из сознательной воли и особых целей индивидов. Именно здесь и сталкиваются непосредственно социальное и психологическое. Поэтому для социальной психологии постановка этой проблемы имеет первостепенное значение.

Предложенная структура отношений порождает важнейшее следствие. Для каждого участника межличностных отношений эти отношения могут представляться единственной реальностью вообще каких бы то ни было отношений. Хотя в действительности содержанием межличностных отношений в конечном счете является тот или иной вид общественных отношений, т. е. определенная социальная деятельность, но содержание и тем более их сущность остаются в большой мере скрытыми. Несмотря на то что в процессе межличностных, а значит, и общественных отношений люди обмениваются мыслями, сознают свои отношения, это осознание часто не идет далее знания того, что люди вступили в *межличностные отношения*.

Отдельные моменты общественных отношений представляются их участникам лишь как их межличностные взаимоотношения: кто-то воспринимается как “злой преподаватель”, как “хитрый торговец” и т. д. На уровне обыденного сознания, без специального теоретического анализа дело обстоит именно таким образом. Поэтому и мотивы поведения часто объясняются этой, данной на поверхности, картиной отношений, а вовсе не действительными объективными отношениями, стоящими за этой картиной. Все усложняется еще и тем, что межличностные отношения есть

действительная реальность общественных отношений: вне их нет где-то “чистых” общественных отношений. Поэтому практически во всех групповых действиях участники их выступают как бы в двух качествах: как исполнители безличной социальной роли и как неповторимые человеческие личности. Это дает основание ввести понятие “межличностная роль” как фиксацию положения человека не в системе общественных отношений, а в системе лишь групповых связей, причем не на основе его объективного места в этой системе, а на основе индивидуальных психологических особенностей личности. Примеры таких межличностных ролей хорошо известны из обыденной жизни: про отдельных людей в группе говорят, что он “рубаха-парень”, “свой в доску”, “козел отпущения” и т. д. Обнаружение личностных черт в стиле исполнения социальной роли вызывает в других членах группы ответные реакции, и, таким образом, в группе возникает целая система межличностных отношений (Шибутани, 1968).

Природа межличностных отношений существенно отличается от природы общественных отношений: их важнейшая специфическая черта — эмоциональная основа. Поэтому межличностные отношения можно рассматривать как фактор психологического “климата” группы. Эмоциональная основа межличностных отношений означает, что они возникают и складываются на основе определенных чувств, рождающихся у людей по отношению друг к другу. В отечественной школе психологии различаются три вида, или уровня эмоциональных проявлений личности: аффекты, эмоции и чувства. Эмоциональная основа межличностных отношений включает все виды этих эмоциональных проявлений.

Однако в социальной психологии обычно характеризуется именно третий компонент этой схемы — чувства, причем термин употребляется не в самом строгом смысле. Естественно, что “набор” этих чувств безграничен. Однако все их можно свести в две большие группы:

1) *конъюнктивные* — сюда относятся разного рода сближающие людей, объединяющие их чувства. В каждом случае такого отношения другая сторона выступает как желаемый объект, по отношению к которому демонстрируется готовность к сотрудничеству, к совместным действиям и т.д.;

2) *дизъюнктивные чувства* — сюда относятся разъединяющие людей чувства, когда другая сторона выступает как неприемлемая, может быть, даже как фрустрирующий объект, по отношению к которому не возникает желания к сотрудничеству и т. д. Интенсивность того и другого рода чувств может быть весьма различной. Конкретный уровень их развития, естественно, не может быть безразличным для деятельности групп.

Вместе с тем анализ лишь этих межличностных отношений не может считаться достаточным для характеристики группы: практически отношения между людьми не складываются лишь на основе непосредственных эмоциональных контактов. Сама деятельность задает и другой ряд отношений, опосредованных ею. Поэтому-то и является чрезвычайно важной и трудной задачей социальной психологии одновременный анализ двух рядов отношений в группе: как межличностных, так и опосредованных совместной деятельностью, т. е., в конечном счете, стоящих за ними общественных отношений.

Общение в системе межличностных

и общественных отношений

Анализ связи общественных и межличностных отношений позволяет расставить правильные акценты в вопросе о месте общения во всей сложной системе связей человека с внешним миром. Однако прежде необходимо сказать несколько слов о проблеме общения в целом. Решение этой проблемы является весьма специфичным в рамках отечественной социальной психологии. Сам термин “общение” не имеет точного аналога в традиционной социальной психологии не только потому, что не вполне эквивалентен обычно употребляемому английскому термину “коммуникация”, но и потому, что содержание его может быть рассмотрено лишь в понятийном словаре особой психологической теории, а именно теории деятельности. Конечно, в структуре общения, которая будет рассмотрена ниже, могут быть выделены такие его стороны, которые описаны или исследованы в других системах социально-психологического знания. Однако суть проблемы, как она ставится в отечественной социальной психологии, принципиально отлична.

Оба ряда отношений человека — и общественные, и межличностные, — раскрываются, реализуются именно в общении. Таким образом, корни общения — в самой материальной жизнедеятельности индивидов. Общение же и есть реализация всей системы отношений человека. “В нормальных обстоятельствах отношения человека к окружающему его предметному миру всегда опосредованы его отношением к людям, к обществу” (Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии, 1975. С. 289), т. е. включены в общение. Здесь особенно важно подчеркнуть ту мысль, что в реальном общении даны не только межличностные отношения людей, т. е. выявляются не только их эмоциональные привязанности, неприязнь и прочее, но в ткань общения воплощаются и общественные, т. е. безличные по своей природе отношения. Многообразные отношения человека не охватываются только межличностным контактом: положение человека за узкими рамками межличностных связей, в более широкой социальной системе, где его место определяется не ожиданиями взаимодействующих с ним индивидов, также требует определенного построения системы его связей, а этот процесс может быть реализован тоже только в общении. Вне общения просто немислимо человеческое общество. Общение выступает в нем как способ цементирования индивидов и вместе с тем как способ развития самих этих индивидов. Именно отсюда и вытекает существование общения одновременно и как реальности общественных отношений, и как реальности межличностных отношений. По-видимому, это и дало возможность Сент-Экзюпери нарисовать поэтический образ общения как “единственной роскоши, которая есть у человека”.

Естественно, что каждый ряд отношений реализуется в специфических формах общения. Общение как реализация межличностных отношений — процесс, более изученный в социальной психологии, в то время как общение *между группами* скорее исследуется в социологии. Общение, в том числе в системе межличностных отношений, вынуждено совместной жизнедеятельностью людей, поэтому оно необходимо осуществляется при самых разнообразных межличностных отношениях, т. е. дано и в случае положительного, и в случае отрицательного отношения одного человека к другому. Тип межличностных отношений не безразличен к тому, как будет

построено общение, но оно существует в специфических формах, даже когда отношения крайне обострены. То же относится и к характеристике общения на макроуровне как реализации общественных отношений. И в этом случае, общаются ли между собой группы или индивиды как представители социальных групп, акт общения неизбежно должен состояться, вынужден состояться, даже если группы антагонистичны. Такое двойственное понимание общения — в широком и узком смысле слова — вытекает из самой логики понимания связи межличностных и общественных отношений. В данном случае уместно апеллировать к идее Маркса о том, что общение — безусловный спутник человеческой истории (в этом смысле можно говорить о значении общения в “филогенезе” общества) и вместе с тем безусловный спутник в повседневной деятельности, в повседневных контактах людей (см. А. А. Леонтьев. Психология общения. Тарту, 1973). В первом плане можно проследить историческое изменение форм общения, т. е. изменение их по мере развития общества вместе с развитием экономических, социальных и прочих общественных отношений. Здесь решается труднейший методологический вопрос: каким образом в системе безличных отношений фигурирует процесс, по своей природе требующий участия личностей? Выступая представителем некоторой социальной группы, человек общается с другим представителем другой социальной группы и одновременно реализует два рода отношений: и безличные, и личностные. Крестьянин, продавая товар на рынке, получает за него определенную сумму денег, и деньги здесь выступают важнейшим средством общения в системе общественных отношений. Вместе с тем этот же крестьянин торгуется с покупателем и тем самым “лично” общается с ним, причем средством этого общения выступает человеческая речь. На поверхности явлений дана форма непосредственного общения — коммуникация, но за ней стоит общение, вынуждаемое самой системой общественных отношений, в данном случае отношениями товарного производства. При социально-психологическом анализе можно абстрагироваться от “второго плана”, но в реальной жизни этот “второй план” общения всегда присутствует. Хотя сам по себе он и является предметом исследования главным образом социологии, и в социально-психологическом подходе он также должен быть принят в соображение.

Единство общения и деятельности

Однако при любом подходе принципиальным является вопрос о связи общения с деятельностью. В ряде психологических концепций существует тенденция к противопоставлению общения и деятельности. Так, например, к такой постановке проблемы в конечном счете пришел Э. Дюркгейм, когда, полемизируя с Г. Тардом, он обращал особое внимание не на динамику общественных явлений, а на их статику. Общество выглядело у него не как динамическая система действующих групп и индивидов, но как совокупность находящихся в статике форм общения. Фактор общения в детерминации поведения был подчеркнут, но при этом была недооценена роль преобразовательной деятельности: сам общественный процесс сводился к процессу духовного речевого общения. Это дало основание А. Н. Леонтьеву заметить, что при таком подходе индивид предстает скорее “как общающееся, чем практически действующее общественное существо” (Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972. С. 271).

В противовес этому в отечественной психологии принимается идея *единства общения и деятельности*. Такой вывод логически вытекает из понимания общения как реальности человеческих отношений, предполагающего, что любые формы общения включены в специфические формы совместной деятельности: люди не просто общаются в процессе выполнения ими различных функций, но они всегда общаются в некоторой деятельности, “по поводу” нее. Таким образом, общается всегда деятельный человек: его деятельность неизбежно пересекается с деятельностью других людей. Но именно это пересечение деятельностей и создает определенные отношения деятельного человека не только к предмету своей деятельности, но и к другим людям. Именно общение формирует общность индивидов, выполняющих совместную деятельность. Таким образом, факт связи общения с деятельностью констатируется так или иначе всеми исследователями.

Однако характер этой связи понимается по-разному. Иногда деятельность и общение рассматриваются не как параллельно существующие взаимосвязанные процессы, а как *две стороны* социального бытия человека, его образа жизни (Ломов Б. ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 130). В других случаях общение понимается как определенная *сторона* деятельности: оно включено в любую деятельность, есть ее элемент, в то время как саму деятельность можно рассматривать как *условие* общения (А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 289). Наконец, общение можно интерпретировать как особый вид деятельности. Внутри этой точки зрения выделяются две ее разновидности: в одной из них общение понимается как коммуникативная деятельность, или деятельность общения, выступающая самостоятельно на определенном этапе онтогенеза, например, у дошкольников и особенно в подростковом возрасте (Эльконин, 1991). В другой — общение в общем плане понимается как один из видов деятельности (имеется в виду прежде всего речевая деятельность), и относительно нее отыскиваются все элементы, свойственные деятельности вообще: действия, операции, мотивы и пр. (А. А. Леонтьев. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 122).

Вряд ли очень существенно выяснять достоинства и сравнительные недостатки каждой из этих точек зрения: ни одна из них не отрицает самого главного — несомненной связи между деятельностью и общением, все признают недопустимость их отрыва друг от друга при анализе. Тем более что расхождение позиций гораздо более очевидно на уровне теоретического и общеметодологического анализа. Что касается экспериментальной практики, то в ней у всех исследователей гораздо больше общего, чем различного. Этим общим и являются признание факта единства общения и деятельности и попытки зафиксировать это единство.

Выделение предмета общения не должно быть понято вульгарно: люди общаются не только по поводу той деятельности, с которой они связаны. Ради выделения двух возможных поводов общения в литературе разводятся понятия “ролевого” и “личностного” общения. При некоторых обстоятельствах это личностное общение по форме может выглядеть как ролевое, деловое, “предметно-проблемное” (Хараш А. У. К определению

задач и методов социальной психологии в свете принципа деятельности //Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977. С. 30). Тем самым разведение ролевого и личностного общения не является абсолютным. В определенных отношениях и ситуациях и то, и другое сопряжено с деятельностью.

Идея “вплетенности” общения в деятельность позволяет также детально рассмотреть вопрос о том, что именно в деятельности может конституировать общение. В самом общем виде ответ может быть сформулирован так, что посредством общения деятельность *организуется и обогащается*. Построение плана совместной деятельности требует от каждого ее участника оптимального понимания ее целей, задач, уяснения специфики ее объекта и даже возможностей каждого из участников. Включение общения в этот процесс позволяет осуществить “согласование” или “рассогласование” деятельностей индивидуальных участников (А. А. Леонтьев. Общение как объект психологического исследования //Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 116).

Это согласование деятельностей отдельных участников возможно осуществить благодаря такой характеристике общения, как присущая ему функция *воздействия*, в которой и проявляется “обратное влияние общения на деятельность” (Андреева Г. М., Яноушек Я. Взаимосвязь общения и деятельности //Общение и оптимизация совместной деятельности. М., 1987). Специфику этой функции мы выясним вместе с рассмотрением различных сторон общения. Сейчас же важно подчеркнуть, что деятельность посредством общения не просто организуется, но именно обогащается, в ней возникают новые связи и отношения между людьми.

Структура общения

Учитывая сложность общения, необходимо каким-то образом обозначить его структуру, чтобы затем возможен был анализ каждого элемента. К структуре общения можно подойти по-разному, как и к определению его функций. Мы предлагаем характеризовать структуру общения путем выделения в нем трех взаимосвязанных сторон: коммуникативной, интерактивной и перцептивной. Структура общения может быть схематично изображена следующим образом (рис. 1.2).

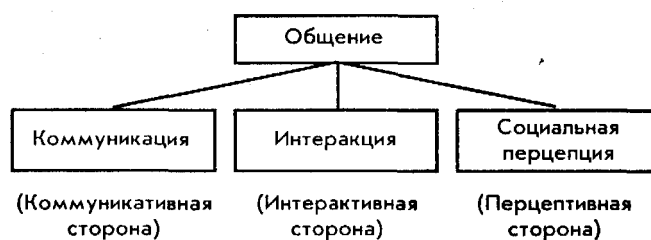

Рис. 1.2. Структура общения

Коммуникативная сторона общения, или коммуникация в узком смысле слова, состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. *Интерактивная* сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т. е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. *Перцептивная* сторона общения означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания. Естественно,

что все эти термины весьма условны. Иногда в более или менее аналогичном смысле употребляются и другие. Например, в общении выделяются три функции: информационно-коммуникативная, регуляционно-коммуникативная, аффективно-коммуникативная (Ломов Б. Ф. Общение и социальная регуляция поведения индивида // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С. 85). Задача заключается в том, чтобы тщательно проанализировать, в том числе на экспериментальном уровне, содержание каждой из этих сторон, или функций. Конечно, в реальной действительности каждая из этих сторон не существует изолированно от двух других, и выделение их возможно лишь для анализа, в частности, для построения системы экспериментальных исследований. Все обозначенные здесь стороны общения выявляются в малых группах, т. е. в условиях непосредственного контакта между людьми. Отдельно следует рассмотреть вопрос о средствах и механизмах воздействия людей друг на друга и в условиях их совместных *массовых* действий, что должно быть предметом специального анализа, в частности, при изучении психологии больших групп и массовых движений.

А. Добрович

СИСТЕМАТИКА ОБЩЕНИЯ⁴⁵

1) Общая модель

При построении общей модели коммуникации целесообразно воспользоваться схемой Р. Якобсона (1964 г.):

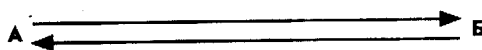
где *A* — “адресант”, *B* — “адресат” информации.

Связь может быть непосредственной (в общении людей — речь и жестикауляция в широком смысле слова, включая, например, “вокальные жесты”; интонации) или опосредованной (телефон, телетайп и т. п.).

Код — правила языка (или “пучка” языков), используемого для передачи сообщения; *контекст* — заранее заданное “смысловое поле”, в котором сообщение становится информативным.

2) Контакт

Под “контактом” понимается случай коммуникации с обратной связью:

Именно так, как “взаимную направленность” партнеров, понимает “контакт” К. Бюллер (1927 г.). Для него контакт — “процесс согласованных изменений поведения”.

Адресант не только сообщает информацию, но и получает ответную. Иными словами, адресант, сделав сообщение, становится адресатом; тот, получив сообщение, становится адресантом. Этот процесс может продолжаться сколь угодно долго.

С нашей точки зрения, понятие “формального” (или “неформального”) общения применимо именно к контакту, а не к коммуникации вообще. “Формальным общением” мы будем называть контакт, на который наложены те или иные ограничения. Смысл этого определения будет раскрыт в дальнейшем. Пока же продолжим рассмотрение контакта.

3) Единица контакта

Единицей контакта естественно считать простейший случай:

A передает *B* один “коммуникативный стимул” (или “коммуникат”) и получает один ответный; *B* получает один стимул и передает один в ответ;

⁴⁵ А. Добрович. Общение: наука и искусство. М.: АОЗТ “Яуза”, 1996. С. 53-65. 71-75.

происходит “обмен” коммуникатами. Следуя психотерапевту Э. Берне (1964 г.), назовем такой обмен “трансакцией”.

Примеры. А смерил Б презрительным взглядом. Тот демонстративно отвернулся — произошла трансакция. То же самое, но Б попросту смотрел в другую сторону и не заметил знака презрения, — трансакция не состоялась (контакта не было). А сообщил Б некую новость, Б улыбнулся, не сказав ни слова, — трансакция, тем не менее, имела место, так как улыбка — это “жест”, коммуникативный стимул. А в качестве актера произнес эффектную реплику, зрительный зал (в качестве адресата) затаил дыхание — трансакция состоялась. То же — если публика возмущенно зашикала, расхохоталась или разразилась аплодисментами. Человеческие трансакции почти всегда предполагают использование нескольких кодов одновременно, т. е. “пучка” языков. Язык слов сочетается с языком пауз, интонаций, поз и мимики.

4) Содержание коммуникативного стимула

Как видно из только что приведенных примеров, коммуникат способен нести как элементарную, так и сверхсложную информацию. Пример элементарной — так называемое “поглаживание”: информация о принадлежности к одной общности, о благожелательном отношении к партнеру. Пример сверхсложной информации — словесно-музыкально-пантомимическая передача мистического опыта жрецом или шаманом.

Особо выделим “эмоциональный радикал” коммуникативного стимула. Если элементарный “положительный” стимул мы согласимся, по Берне, называть “поглаживанием”, то элементарный “отрицательный” стимул заслуживает названия “пинка”, “укуса” или “укола”. “Укол” предпочтительнее с точки зрения стиля.

5) Партнеры контакта. Маски

Дальнейшая разработка схемы касается партнеров контакта. Поскольку речь идет о людях, каждый из них располагает:

- а) набором масок для “безличной” коммуникации;
- б) личностью для “межличностной” коммуникации. Обратимся теперь к контакту масок.

Маска — это совокупность знаков (речевых, жестовых), подача которых обеспечивает “гладкое” и безопасное взаимодействие в человеческой группе. Примеры: маска вежливости. В общественном месте отсутствие такой маски (злое или рассеянное выражение лица, грубый тон, чересчур громкий смех и т. п.) влечет за собой санкции группы: нарекания, насмешки, агрессивность. И в то же время появиться в маске вежливости среди подвыпивших гуляк — значит вызвать их раздражение или обиду; здесь требуется другая маска: доброжелательства или лояльного невмешательства. Маска скорби подходит для похорон, но не для свадьбы и т. д. Люди меняют маски почти автоматически, по обстоятельствам.

Если в общении партнеров допускается только контакт масок, т. е. накладывается ограничение на участие *личностей* в беседе, то перед нами *первый случай формального общения*.

Указанное ограничение может быть разным по своей природе. Отметим четыре типа ограничений, накладываемых на контакт. а) Конвенциональные ограничения. В данной социальной группе существует “конвенция” — обычай, согласно которому в автобусе не принято задавать вопросы личного характера случайному спутнику (“Вы, должно быть,

сегодня плохо спали?") или сообщать что-либо из своей личной сферы ("Знаете, я разочаровался в жизни"). Приняты лишь безличные коммуникативные стимулы типа: "Разрешите? — Пожалуйста", "Извините! — Ничего страшного" и т. п. Конвенция, следовательно, вынуждает партнеров к "безличному" контакту, к общению масок.

б) Ситуативные ограничения. Они близки к конвенциональным. Здесь выделяются особые ситуации, в которых участие *личностей* как партнеров контакта лишь "портит" дело. Примеры: церемониал сдачи смены или развода караула, чайная церемония у японцев и т. п.

в) Эмоциональные ограничения. Партнеры общения эмоционально холодны или враждебны друг к другу и, стремясь предотвратить конфликт, пользуются в контакте исключительно масками.

г) Насильственные ограничения. Один из партнеров, возможно, готов к межличностному общению, но другой по тем или иным причинам пресекает эти попытки, надевая маску и вынуждая сделать то же самое своего собеседника. Ограничения этого рода, как видим, отличаются от эмоциональных лишь некоторыми нюансами.

Ограничения контакта, по Д. С. Парыгину (1970), создают "психологические барьеры между людьми", заменяя подлинное общение "стереотипами", "стандартными поведенческими реакциями".

Любой случай контакта масок может быть объяснен перечисленными ограничениями или их сочетанием.

б) Личность и позиция личности в контакте

Личность — структура чрезвычайной сложности, и мы будем рассматривать ее лишь в частных аспектах, имеющих наибольшее значение в контакте. Человек как "коммуникант" располагает по крайней мере тремя личностными *позициями*. Они, по мнению Э. Берне, сосуществуют в рамках одной и той же личности, дополняя друг друга.

а) Позиция ребенка, "дитяти" (позиция Д). Сохраняется от раннего возраста. Сосредоточивает в себе сильные и слабые стороны детской натуры. К "сильным", видимо, следует отнести раскованность, творческие порывы, импульсивную жизнерадостность, фантазию, любопытство. К "слабым" — пугливость, неуверенность, беспомощность, доверчивость, несдержанность.

б) Позиция родителя (позиция Р). Усваивается в детстве за счет обожания старших и подражания им. Ее сильные стороны: уверенность в правоте моральных требований, способность к авторитетному тону, к покровительству и защите слабого. Менее привлекательные черты: безапелляционность, догматизм, сознание превосходства и права "качать".

в) Позиция взрослого (позиция В). Расчет действий, контроль над ними, трезвость в оценках, понимание относительности догм. При этом излишний скептицизм, скованность (недостаток спонтанности), бедность фантазии, недооценка эмоциональной стороны жизни.

Будь человек лишен какой-либо из этих позиций, его поведение стало бы "неадаптивным": либо слишком жестким, либо слишком рыхлым и безалаберным. Однако в некоторую единицу времени (по ходу контакта) ведущей является какая-то одна из позиций; в следующий момент может возобладать другая.

Из сказанного следует, что в контакте участвуют фактически не двое, а шестеро партнеров:

Адресант

Р

В

Д

Адресат

Р

В

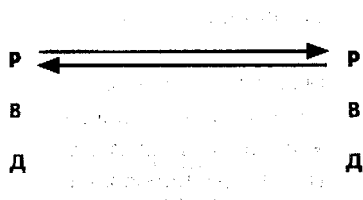
Д

Это обстоятельство требует более подробной систематики трансакций. Они подразделяются следующим образом:

7) Взаимодополняющие трансакции

Коммуникативный стимул посылается адресантом с позиции X и принимается адресатом в позиции Y; ответный стимул посылается с позиции Y для его приема партнером в позиции X.

I

И в а н о в. Что стало с молодыми людьми? Они совсем распустились.
П е т р о в. Да, в их годы мы были поскромнее.

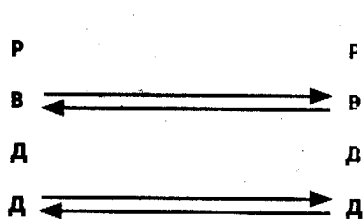
В этом примере коммуникативный стимул посылается с позиции родителя (слева направо, что обозначено стрелкой). Стимул адресован “родительской” же позиции партнера. Партнер отвечает именно с этой позиции (стрелка справа налево).

II

П р е п о д а в а т е л ь. Каким образом у вас получилось трехзначное число?

С т у д е н т. Ах, да: я забыл извлечь квадратный корень.

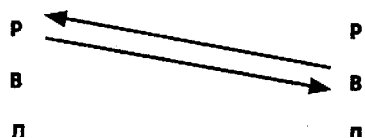
III

С ч е т о в о д. А не сорваться ли нам в бар, пока нет начальства?
Б у х г а л т е р. Только скорее: умираю — пива хочу.

Примеры I, II и III можно, как иногда делают в режиссуре, назвать “пристройкой партнеров рядом”.

IV

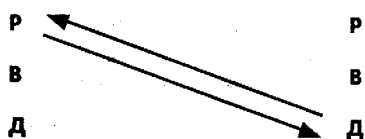

И в а н о в. По-моему, вам следовало бы уступить место вон той пожилой даме.

П е т р о в. Вы правы (уступает место).

Вариант: К сожалению, я болен и едва держусь на ногах. Надеюсь, дама извинит меня.

V

И в а н о в. Как вам не стыдно сидеть, когда рядом стоит пожилая женщина?

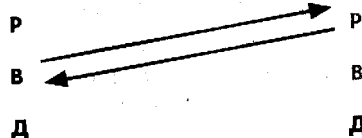
П е т р о в. Простите, пожалуйста, я просто не заметил. Задумался, знаете...

Вариант: Что вы пристали? Кто вы такой, чтобы мне указывать?;

VI

С и д о р о в а.
меня: у нас в
всегда толкутся

И в а н о в. Ну,
провожаю.

Проводите
подъезде
пьяные.

В конечно,

Д

VII

П е т р о в. Вы так
опытны — научите, как мне
жить дальше.

И в а н о в. Прежде
всего вам надо отдохнуть и
успокоиться.

Вариант: Вечно вы ноете и ждете совета от других!

Примеры IV и V для партнера слева являются “пристройкой сверху”; примеры VI и VII для партнера слева являются “пристройкой снизу”.

Нередко подобные транзакции являются *фиксированными*. Например, светская беседа малознакомых пенсионеров может ограничиваться транзакциями Р—Р (см. I). Деловая беседа или дипломатический прием требуют фиксированных транзакций В—В (см. II). В ситуации пикника или костюмированного бала фиксируются транзакции Д—Д (см. III), другие же

считаются неуместными. Отношения между преподавателем и студентом предписывают трансакции в позициях Р—В (см. IV), а между учительницей и школьниками — Р—Д (см. V). Для женщин естественны (и желательны) трансакции с мужчиной типа В—Р (см. VI) или даже Д—Р (см. VII). Трансакции типа Д—Р постоянно возникают между пациентом и психотерапевтом, причем смена взаимной позиции в ходе контактов считалась до последнего времени запрещенной.

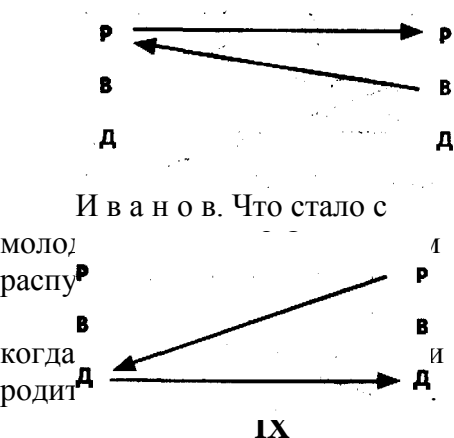
Если контакт масок мы определили как первый случай формального общения, то при фиксированных трансакциях мы сталкиваемся со *вторым случаем*; здесь действует ограничение, налагаемое на смену позиций. Как и в предыдущем случае, ограничение может быть по своей природе конвенциональным, ситуативным, эмоциональным, насильственным или смешанным.

8) Трансакции без взаимодополнения

Здесь ответный стимул партнера либо поступает не с той позиции, куда был направлен исходный стимул, либо адресован не к той позиции, с которой этот исходный стимул посылался.

VIII

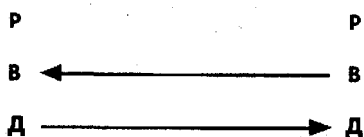
С ч е т о в о д. А не сорваться ли нам в кино, пока нет начальства?

Б у х г а л т е р. Стыдитесь, вы на работе!

Случаи типа VIII и IX мы называем трансакциями без взаимодополнения, но “с учетом адреса”. Действительно: правый партнер в этих примерах отвечает не с той позиции, с какой ожидалось, но адресуется к исходной позиции левого партнера.

X

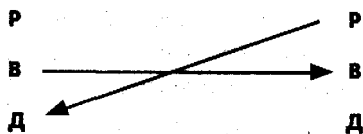

С ч е т о в о д. А не сорваться ли нам в кино, пока нет начальства?

Б у х г а л т е р. Будьте добры, передайте мне ведомость за июль месяц.

XI

М у ж. Тебе не попадались на глаза мои запонки?

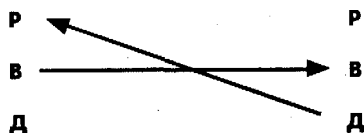

Ж е н а. Вечно ты все теряешь, не можешь без няньки!

Случай типа X и XI — это транзакции “без учета адреса”. В самом деле: правый партнер не только отвечает с неожиданной позиции, но и адресуется не к исходной позиции левого партнера.

Случай XI изображает так называемую “перекрестную” транзакцию. Вот еще примеры такого же типа.

XII

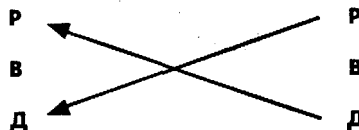
М у ж. Тебе не попадались на глаза мои запонки?

Ж е н а. Вечно ты ко мне придираешься? Почему я обязана все помнить?

XIII

С е м е н. Возьми-ка, брат, сумку, да сходи за хлебом.

С т е п а н. Леню от дивана оторваться?

Возьми да сходи сам!

Перекрестные транзакции сплошь и рядом означают ссору партнеров. Вообще транзакции без взаимодополнения обычно содержат болезненный “укол” хотя бы для одного из участников контакта.

Если транзакциями типа VIII — XIII определяется *весь* ход контакта, т.е. ограничение накладывается на какую бы то ни было взаимодополняемость, перед нами *третий случай формального общения*. Мы назовем такое общение “конфликтным”. Характер ограничения чаще всего эмоциональный или насильственный.

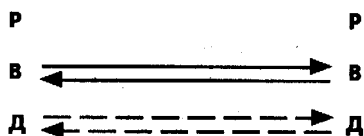
И однако, если ограничение накладывается на какой-либо из двух “эмоциональных радикалов” коммуникативного стимула, то это — *четвертый случай формального общения*. Речь идет о запрете “уколов” (салонное щебетание, где позволены только взаимные поглаживания) или о запрете поглаживаний (традиционная пикировка партнеров, которым предписано выступать только в роли оппонентов друг друга; предельный случай — Монтекки и Капулетти).

9) Скрытые транзакции

Коммуникативный стимул может состоять из двух (или трех) сообщений, каждое из которых адресовано разным позициям партнера. То сообщение, которое в наибольшей мере соответствует “конвенциям” и контексту беседы, считается явным; другое же оказывается “скрытым”, косвенным.

XIV

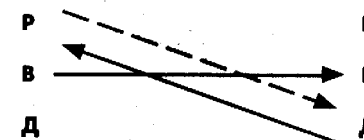
Петров. Сейчас я предоставлю вам слово. (Воображаю себе, как вы

Иванов. Зайдемте ко мне, я живу один. Выпьем горячего чайку...

(Вы м

тоже.

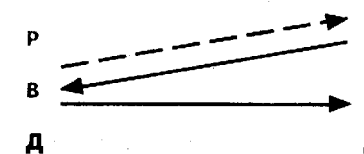

Р [кстати — согреться чаем... (Вы мне

XV

Петров. Сейчас я предоставлю вам слово. (Я вижу, вы сгораете от нетерпения покраснели от него).

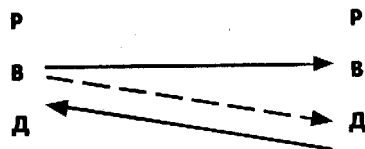
вообл
намер
щице

с ними расправитесь!)

Иванов. Отлично! (Можете не беспокоиться, уж я-то задам им перцу.)

XVII

Продавец. Этот термос подошел бы вам больше всех... (Только не знаю, можете ли вы себе позволить такие расходы.)

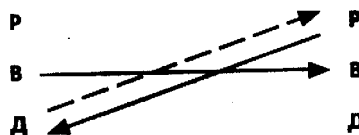
Покупательница. Я беру его, это как раз то, что мне надо.

Скрытые транзакции в примерах XV, XVI и XVII носят явно провоцирующий характер. Однако в ряде случаев такая провокация не является намеренной. Если вернуться к перекрестным транзакциям

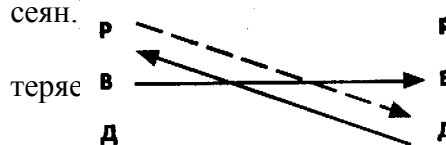
⁴⁶ Здесь и далее фраза, взятая в скобки, может быть “произнесена” либо про себя, либо особой интонацией, взглядом, мимикой.

примеров XI, XII и XIII, то, строго говоря, это скорее всего случаи непреднамеренных провокаций. Картина здесь, видимо, такова.

X1a

М у ж. Тебе не попадались мои запонки? (Извини, дорогая, что отвлекаю тебя, я так рассеян.

ЛНА

М у ж. Тебе не попадались на глаза мои запонки?

Ж е н а. Что ты ко мне придираешься? Почему я обязана все помнить?

Хотя использование скрытых трансакций ведет подчас к перекрестным трансакциям и далее — к нарушенной взаимодополняемости либо к разрыву общения (т. е. к ссоре), следует отметить особую роль этого “скрытого” взаимодействия в возбуждении чувств собеседников. Ограничение, накладываемое на скрытые трансакции, представляет собой *пятый случай формального общения*. Контакт становится “сухим”, “скучным”, “тягостным” для партнера. Такое ограничение может быть по природе как конвенционально-ситуативным (деловое совещание), так и эмоционально-насиловственным (беседа враждебно-настороженных людей).

Прежде чем двинуться дальше, следует остановиться на насильственных ограничениях контакта. Такие ограничения относят к случаям “игр”, имея в виду “проигрыш” того из партнеров, которого ограничили в общении или в достижении своих целей. Мы бы предпочли называть эти случаи “манипуляциями”, Коммуникативные манипуляции людей чаще всего далеки от невинных игр. В отличие от спортивных, карточных, и тому подобных игр, которые могут быть “честными” и “нечестными”, манипуляции всегда нечестны. Поговорим о них подробнее.

10) Манипуляции

По структуре их можно разделить на “однотактные” и “многотактные”. Примером однотактной манипуляции ЛОВУШКА является случай Продавец—Покупательница (см. XVII), хотя такая манипуляция нередко состоит из множества “тактов” — хитроумных “ходов”. Пример XI иногда представляет собой однотактный вариант манипуляции ХЛОПАНЬЕ ДВЕРЬЮ:

М у ж (дружелюбно). Тебе не попадались на глаза мои запонки?

Ж е н а. Вечно ты все теряешь, не можешь без няньки!

(Муж, взорвавшись, выходит из комнаты, сильно хлопнув дверью. По каким-то причинам жена этого и добивалась).

Еще один пример: однотактный вариант манипуляции ВСЕ ИЗ-ЗА ТЕБЯ. Отец семейства корпит над чертежами, делать которые он не умеет и не любит. Сын стучится и входит с вопросом: “Мама зовет обедать — идешь?” Горе-чертежник сажает кляксу на ватман и ожесточенно восклицает: “Что ты наделал, это все из-за тебя!”

Многотактные манипуляции состоят из целой серии транзакций.

Пример: многотактная манипуляция ХЛОПАНЬЕ ДВЕРЬЮ: Муж (дружелюбно). Интересно, куда делся ключ от этого ящика. Тебе не попался?

Ж е н а. Ослеп, что ли? Вон, у зеркальца.

М у ж. При чем тут “ослеп” — вещи должны быть на своих местах.

Ж е н а. Вы с твоей мамочкой не упустите случая сказать мне гадость.

(Далее, перейдя на “мамочку”, разговор оканчивается тем, что кто-то из двоих хлопает дверью. По всей вероятности, это в интересах жены.)

Еще пример: манипуляция ТУПИК. Жена чувствует, что муж начал тяготиться ею. Между тем тот приносит билеты в театр на спектакль, давно интересующий обоих. В ходе возбужденного переодевания жены он, однако, делает ей резкое замечание: “Всегда ты копаешься!”

— Ничего, на такси успеем.

— На такси? Какая расточительность! Вот для чего я должен трудиться как проклятый!

Если ему удастся спровоцировать жену на ответные “уколы”, манипуляция переходит в ХЛОПАНЬЕ ДВЕРЬЮ. Муж отправляется к своим знакомым, предоставив жене, если ей угодно, самой мчаться в театр. При этом он, с одной стороны, добился желаемого, с другой — не несет ответственности за скандал. Ведь не кто иной, как он принес билеты! Жена оказывается загнанной в “тупик”.

Иногда между сериями манипулятивных транзакций возможны длительные (и запланированные) перерывы. Такова манипуляция ПОПРОБУЙ ОТНИМИ. Петров взял у Иванова редкую книгу. Иванов просит вернуть ее. Петров выражает готовность сделать это, несколько раз “забывает” о своем обещании, а затем зовет Иванова в гости. Принимая его, он держится так, что тот чувствует себя польщенным. Однако, как бы между прочим, Петров роняет фразу: “Надеюсь, вы пришли к нам не только из-за вашей книги?” Это затрудняет для Иванова напоминание о книге, и он уходит ни с чем. На следующий день Петров всплескивает руками: “Мы заговорились и забыли о книге!” Иванов вынужден ответить: “Ничего страшного”. Пользуясь этим, Петров тут же добивается разрешения передать книгу своему приятелю Н. — “всего на пару дней”. Далее, предупреждая вопрос Иванова о книге, он снова зовет его в гости и т. д.

С точки зрения “выгоды” манипулятора, можно подразделить манипуляции на житейски выгодные и психологически выгодные (хотя нередко одно сочетается с другим). Житейски выгодны, например, ЛОВУШКА, ТУПИК, ПОПРОБУЙ ОТНИМИ. Яркий пример житейски выгодной манипуляции — так называемый БУТЕРБРОД. Муж просит жену не выбрасывать вчерашние котлеты, а сделать из них бутерброд и вернуть ему на работу (хотя жене известно, что на работе есть буфет, где вкусно и недорого кормят). Это продолжается изб дня в день и имеет совершенно

определенную цель: предотвратить просьбы жены о покупке ей нового пальто. Создается “контекст”, в котором подобная просьба прозвучала бы как неуместная и даже наглая.

Психологически выгодна манипуляция ВСЕ ИЗ-ЗА ТЕБЯ, описанная ранее. Она представляет собой типичную “очистку совести” за счет козла отпущения. Психологический выигрыш, помимо очистки совести, может также заключаться в получении “поглаживаний”, на которые вы вправе не отвечать, в нанесении безнаказанных “уколов” или в “пристройке сверху”.

Примеры. Манипуляция АЛКОГОЛИК. Пьяница обращается к доброжелательному знакомому с покаяниями и просьбами помочь советом. Знакомый искренне сочувствует ему и обсуждает с ним его проблемы.

После длительной беседы алкоголик, однако, показывает, что он остался безутешным. Таким образом, он, во-первых, очищает свою совесть, во-вторых, получает “поглаживания”, которых ему давно не дарили; а в-третьих, не подтвердив ценности выслушанных утешений, оставляет партнера без ответных поглаживаний. Иногда для “пристройки сверху” он еще и прибегает в финале к чувствительному “уколу”: “Что вы, трезвенник, можете понимать в душе пьющего?” (фактически это транзакция Р—Д: адресация “умудренного” к “наивному ребенку”),

Манипуляция А НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ? — ДА, НО...

Д а м а. У меня уже месяц не работает телевизор.

О д и н и з г о с т е й. А не могли бы вы попросить мужа починить его?

Д а м а. Да, но мой муж абсолютно беспомощен в этих делах.

Д р у г о й г о с т ь. Тогда вызовите мастера.

Д а м а. Да, но мастер скорее всего потребует, чтобы телевизор отвезли в мастерскую.

Т р е т ь и й г о с т ь. Почему бы вам это не сделать?

Д а м а. Да, но у меня нет времени час висеть на телефоне, заказывая такси.

Ч е т в е р т ы й г о с т ь. Так попросите об этом мужа.

Д а м а. Что вы, это беспомощный человек...

Беседа переходит в неловкое молчание. Дама тайно торжествует: гости выдали ей целый букет “поглаживаний”, сочувствуя или хотя бы изображая сочувствие. При этом она не обязана “отдаривать” их поглаживания ответными.

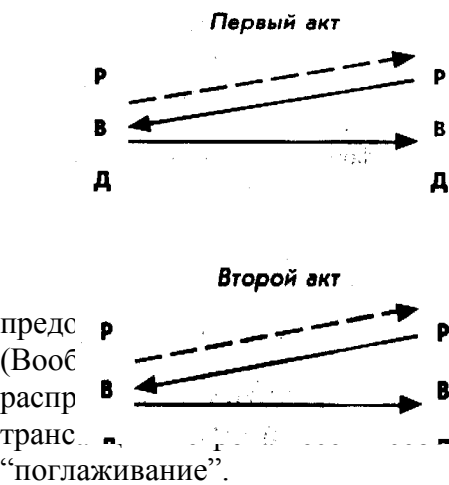
Манипуляция ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО ТЕБЯ. Муж постоянно твердит жене, что “если бы не было тебя”, он давно закончил бы диссертацию. В один прекрасный день жена собирается с детьми пожить две недели у своей родни. Муж, однако, не в восторге от этой идеи. Он вынужден предпринять новую манипуляцию (например, МНИМЫЙ БОЛЬНОЙ), чтобы задержать жену. В действительности ему было необходимо очистить совесть, а заодно поддержать в жене чувство вины, облегчающее ему “пристройку сверху”.

Манипуляция ДОМАШНИЙ МУДРЕЦ. Некто приучает свое окружение к мысли, что он способен бескорыстно давать мудрые советы. Умело поощряя паломничество жаждающих совета, он ведет тайный счет своим победам — “пристройкам сверху”. Манипулятивный характер таких действий обнаруживается тем обстоятельством, что сам “мудрец” не выносит ничьих советов. Пристройка “рядом” или “снизу” рассматривается им как проигрыш.

Еще одна манипуляция. Ее детский вариант представлен в романе Ч. Диккенса “Большие ожидания”. Девочка в чистом накрахмаленном платье

выходит на крыльцо и просит мальчика, ее обожателя, слепить ей пирог из песка. Мальчик бросается выполнять эту просьбу, после чего девочка морщится; “Фу, какой ты грязный, противный — весь в песке”. Манипуляция может соответственно носить название ПЕСОЧНЫЙ ПИРОГ. Взрослый ее вариант часто связан с половым негативизмом одного из супругов. Женщина может упрекать мужчину в том, что он “животное” и испытывает к ней лишь влечение, но не любовь. Под этим предлогом она провоцирует длительное охлаждение в отношениях. Все же, спустя некоторое время, она прибегает к кокетству, ласкам и т. п., давая мужчине повод быть понастойчивее. Однако в ответ на его более решительные притязания, она раздражается слезами: “Что я говорила — ты просто животное!” Таким образом, ей удается, с одной стороны, избегнуть отношений, которые ей неприятны, с другой — сохранить видимость брака, удержать мужчину “при себе”.

Простая модель манипуляции может иметь следующий вид:

И в а н о в. Отлично. (Уж
я-то задам им перцу.)

П е т р о в. Ну, ступайте на трибуну. (Только не мямлите, ради Бога!)

Скрытая транзакция Петрова — обидный “укол”.

И в а н о в. Иду-иду.

Вариант: А?.. (Иванов, не найдясь что ответить, послушно идет к трибуне.)

В варианте “Иду-иду” Иванов принимает вынужденную пристройку снизу; в варианте “А?” он не имеет возможности нанести ответный “укол” и невольно оказывается “в партере”. Свидетели этой сценки сдерживают смех.

Манипуляторы — нередко люди психологически извращенные (садистические наклонности). Они опасны для партнера и вынуждают его в дальнейшем быть настороже, т. е. обращаться формально — вплоть до контакта масок. Причем одно из “наслаждений” манипулятора — вновь любой ценой извлечь партнера “из-под маски”, чтобы затем опять нанести ему унижительный “укол”.

Если контакт в целом представляет собой серию манипуляций и ничего более, перед нами несомненно *шестой случай формального общения*. Здесь один из партнеров насильственно ограничивает действия другого.

Не следует, однако, забывать, что к манипуляциям иногда прибегают из бессознательного лукавства или интуитивно преследуя взаимовыгодные цели. Так, ХЛОПАНЬЕ ДВЕРЬЮ иногда провоцируется любящей женщиной. Вслед за манипуляцией ее общение с мужчиной становится на некоторое время формальным. Но это непривычно для мужчины и крайне тяготит его. Чувство вины, привязанность к женщине или хотя бы скука побуждают его сделать первый шаг к примирению, которое оказывается тем более пылким, чем холоднее была формальная полоса взаимоотношений. Так подчас “оживляется” потускневшее супружество. Формализация контактов обслуживает в этом примере задачу более полного неформального (интимного) общения.

Н. Н. Обозов

СИМПАТИИ И ПРИТЯЖЕНИЕ⁴⁷

“Известно множество различных интерпретаций того факта, что индивид ищет общество себе подобных”⁴⁸. У человека поиск контактов с другими людьми связан с возникающей потребностью в общении. В отличие от животных потребность в общении, контакте является вполне самостоятельным внутренним стимулом, независимым от других потребностей (в пище, в одежде и т. д.). Она возникает у человека чуть ли не с момента рождения и наиболее отчетливо проявляется в полтора-два месяца. Человек с этого момента становится объектом и субъектом симпатий и антипатий. Составляющими компонентами взаимной привлекательности являются симпатия и притяжение. Симпатия — есть эмоциональная положительная установка на объект. При взаимной симпатии эмоциональные положительные установки создают целостное внутригрупповое (внутрипарное) состояние удовлетворения взаимодействием (непосредственно или опосредованно).

Притяжение как одно из составляющих межличностной привлекательности в основном связано с потребностью человека быть вместе, рядом с определенным другим человеком. Притяжение чаще, но не всегда, связано с переживаемой симпатией (эмоциональный компонент взаимодействия). Реже, но встречаются случаи, когда притяжение испытывается к личности, не вызывающей выраженной симпатии. Этот феномен притяжения часто обнаруживается при однонаправленном отношении к популярной личности. Таким образом, симпатия и притяжение могут проявляться иногда независимо друг от друга. В том случае, когда они достигают максимального своего значения и совпадают, связывая субъектов общения, взаимодействия, нужно уже говорить о межличностной привлекательности. Межличностная привлекательность может приобретать

⁴⁷ Н.Н. Обозов. Межличностные отношения. Л.: ЛГУ, 1979. С. 11-24.

⁴⁸ Экспериментальная психология. /Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. М., 1975. С. 61.

устойчивый характер связи между субъектами, что постепенно переходит в их взаимную привязанность (субъективную взаимозависимость).

Межличностная взаимная привязанность предполагает включение мотивационных структур личности. Более того, переход межличностной привлекательности в межличностную привязанность преобразует мотивы взаимоотношений между людьми. “Быть вместе реально или мысленно (в представлениях)” может стать потребностью конкретных лиц. И в том случае, когда готовность субъектов к определенному типу взаимодействия становится достаточно устойчивой, можно говорить об определенном типе межличностных отношений: приятельских, товарищеских, дружеских, супружеских⁴⁹.

Мотивационная структура типов межличностных отношений может быть различна. Так, при возникновении приятельских отношений мотивом включения в контакт является потребность в общении при представившейся возможности осуществить его с привлекательным человеком. Поскольку приятельские отношения определяются межличностной привлекательностью (симпатией, притяжением) — они ни к чему не обязывают. Приятельские отношения могут возникнуть при кратковременном контактном общении и сохраняться достаточно долго, не переходя в дружеские отношения. Возникновение и последующее развитие товарищеских межличностных отношений определяются мотивами сотрудничества, формируемыми под влиянием содержания совместной деятельности. Товарищеские межличностные отношения формируются уже в группе (учебной, производственной, спортивной и т. д.) типа ассоциации и кооперации. Мотивационная структура этого типа межличностных отношений определяется личностно значимым для каждого участника взаимодействия содержанием совместной деятельности (в том числе целью, задачами и т. д.). Успешность или неуспешность совместной деятельности как следствие срабатываемости и совместимости может ослаблять или усиливать мотивационную структуру взаимодействия и, соответственно, товарищеских межличностных отношений. Наконец, товарищеские межличностные отношения могут достигать высшего уровня своего развития в коллективе, в котором “межличностные отношения опосредуются личностно значимым и общественно ценным содержанием групповой деятельности”⁵⁰.

Дружеские и супружеские межличностные отношения возникают так же, как приятельские отношения, но в последующем их развитие характеризуется переходом от межличностной привлекательности (симпатий, притяжения) к взаимной привязанности. Мотивационная структура дружеских и супружеских отношений преобразуется в потребность “быть вместе реально или мысленно”. Естественно, что удовлетворение этой потребности в общении (непосредственном, контактном или опосредованном различными средствами связи) сопровождается положительными переживаниями, Привлекательность в этом случае приобретает более сложное мотивационное содержание, сохра-

⁴⁹ В нашей работе подробно будут рассматриваться только дружеские и супружеские отношения. Здесь же мы останавливаемся на этих четырех типах межличностных отношениях с целью лучшего понимания дружеских и супружеских отношений.

⁵⁰ Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. М., 1978. С. 65.

няя свои особенности, характерные и для менее выраженных межличностных отношений, например, приятельских.

Диапазон ситуаций, в которых партнеры выбирают друг друга, характеризует степень обобщенности, интегрированности отношений. Большая дифференциация отношений сказывается на особенностях восприятия понимания партнерами друг друга, своего положения в системе общегруппового эмоционального фона отношений. П. Слейтер считает, что между деловыми и интимно-эмоциональными отношениями обнаруживаются значительные различия⁵¹. Он проводит в связи с этим мысль о несовместимости близких межличностных отношений и деловой активности. Такое мнение правомерно, но требует некоторого уточнения.

Во-первых, не может быть полного обезличивания отношений, всегда в любых взаимодействиях присутствует личностный компонент. Вопрос заключается в том, где присутствие личностного компонента оправдано больше, где — меньше.

Во-вторых, необходимо определить степень близости межличностных отношений: одно дело приятельские отношения, другое — дружеские и третье — супружеские. Это наиболее грубая дифференциация степени близости межличностных отношений, внутри которой существуют свои количественные, а может быть, и качественные различия.

В-третьих, важно знать специфику совместно решаемых задач. В нее могут быть включены сложность деятельности, степень взаимной зависимости членов группы, время совместной работы, степень формализованности отношений, определяемых инструкциями, и т. д. Только с учетом всех перечисленных факторов можно говорить о степени совместимости близких межличностных отношений и деловой активности⁵². Число указанных факторов может быть увеличено, и они должны быть “взвешены” по степени значимости при решении различных практических задач. Исследования Е. С. Кузьмина, И. П. Волкова, М. П. Пикельниковой и Н. Ф. Федотовой подтверждают значимость различных факторов в регуляции официальных и неофициальных отношений⁵³. В условиях неофициального общения, совместного отдыха, нет четкой и “жесткой” программы взаимодействия, что изменяет характер регуляции межличностных отношений. Такой тип взаимодействия более интегральный, т. е. имеет широкий диапазон выбора форм межличностных отношений (например, симпатий—антипатий). Особое значение в этом случае приобретают личные потребности, ценностные ориентации, интересы каждого в отдельности человека, которые, вступая, конечно, опосредованно, во взаимодействие, формируют общегрупповые потребности, интересы и нормы взаимоотношений. Другое дело — взаимодействия, межличностные

⁵¹ Slater P. E. Poll differentiation in small groups. — In: Small groups. Studies in social interaction. Ed. by P. Hare. E. Borgalita, R. Bales. New York, 1962.

⁵² Федотова Н. Ф. Формирование знаний друг о друге у участников совместной деятельности. Автореф. канд. дис. Л., 1973.

⁵³ Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967; Волкова И. П. Исследование лидерства как функция групповых задач. — В кн.: Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1971; Пикельникова М. П. О некоторых особенностях самооценок, оценок в производственных коллективах. — В кн.: Человек и общество. Вып. 4. Л., 1969. С. 48-52.

отношения в условиях официальной организации. В этих условиях взаимодействия, совместная деятельность, ее задачи, инструкции определяют не только характер работы каждого, но и нормы, правила взаимодействия всех членов группы в целом. Негативность отношений (антипатии) исключается при официальной организации, так как антипатии могут приводить к конфликтам и мешать совместному труду. Вопрос, скорее, заключается в том, какой должна быть выраженность симпатий в группе, чтобы официальные отношения не переключались на ярко выраженные личные (неофициальные) отношения.

При рассмотрении неофициальной организации групп заметно воздействие индивидов на общегрупповые параметры: задачу, план и нормы взаимоотношений. Группа в этом случае сама активно формирует межличностные отношения. Отсутствие жесткой программы взаимодействия в большей степени раскрывает личностные особенности индивидов, которые и регулируют характер межличностных отношений. Особый смысл тогда приобретают взаимные межличностные притяжения—отталкивания, симпатии—антипатии, что является условием образования устойчивых диадических связей и результатом совместимости двух людей. Одновременно с этим межличностные притяжения — отталкивания способствуют групповой сплоченности, что особенно четко обнаруживается при наличии ценностно-ориентационного единства в группе, а также однородности группы по интересам, вкусам, привычкам и т. д. Люди, испытывающие взаимные симпатии и притяжение по отношению друг к другу при вовлечении в совместные действия, принимают во внимание предубеждения и слабости друг друга. Чем большее притяжение они испытывают, тем более склонны к снисходительности, а следовательно, к большему согласию и согласованности в действиях. В свою очередь, притяжения, взаимные симпатии не могут возникнуть без согласия и определенного сходства мнений и оценок. Обусловленное притяжением наиболее всестороннее личное отождествление другого с собой позволяет предугадывать его действия даже в новых ситуациях. Иначе говоря, взаимные симпатии и антипатии несут не только эмоциональную нагрузку в возникающих межличностных отношениях, но и выполняют регулятивную функцию в восприятии и понимании партнерами друг друга.

Межличностное притяжение—отталкивание, симпатии—антипатии можно рассматривать как условие и результат совместимости—несовместимости двух лиц в определенных условиях взаимодействия. Вслед за А. Л. Свенцицким А. И. Вендов пишет по этому поводу, что число взаимных выборов можно использовать как один из критериев для оценки психофизиологической и социально-психологической совместимости членов группы⁵⁴. Практика показывает, что часто несрабатанность группы, экипажа, команды объясняется отсутствием взаимных симпатий и наличием взаимных отвержений и, наоборот, взаимные притяжения (симпатии) облегчают не только совместное проживание и отдых, но и успешность групповой деятельности. Изучение механизмов межличностного притяжения—отталкивания, симпатий—антипатий представляет, таким образом, не только теоретический, но и практический интерес.

⁵⁴ Свенцицкий А.Л. Социальная психология управления производственными коллективами. Л., 1971; Вендов А.И. Социально-психологическое исследование лидерства в малых группах (на материале школьных групп). Автореф. кан. дис. Л., 1973.

В отличие от конкретной, производственной совместной деятельности, в которой взаимодействие опосредовано объектом и инструкциями, в неофициальных связях на первый план выступает значение личностных особенностей, которые и регулируют интерперсональные отношения. Правда, неофициальные отношения полностью не освобождены от влияния таких внешних условий, как время взаимодействия, изолированность и автономность группы и др. Возникновение отношений в этом случае определяется произвольным выбором, хотя он и не всегда полностью осознается партнерами. Кроме того, выбор должен быть взаимным, иначе невозможна реализация индивидуальных потребностей во взаимодействии. Первично возникшее межличностное притяжение определяет, в случае закрепления, дальнейшее взаимодействие двух людей.

Поскольку взаимные выборы и отвержения не задаются жестко внешними условиями и инструкциями, возникает вопрос о том, что притягивает—отталкивает двух людей, вызывает взаимные симпатии—антипатии: подобие, сходства или различия, дополнения. В настоящее время существует два направления в исследовании межличностного притяжения: одно утверждает первичную значимость сходства между людьми и подобие установок для образования устойчивых симпатий (притяжений); другое считает, что взаимная дополняемость является решающей в определении межличностных отношений.

Теория “балансных моделей” утверждает, что сходства в аттитюдах относительно важных объектов (включая самих себя) усиливает взаимное тяготение. Эта теория предполагает действие трех основных компонентов, соотношение которых и регулирует притяжение—отталкивание (данная личность P , другая личность O и некоторый неличный объект X , например обсуждаемый вопрос). Схематически элементы системы отношений могут быть представлены следующим образом (рис. 2.1).

Система может сбалансированной, если через опосредованный совпадает. Притяжение случае согласия в объекту X , т. е. когда $(+b)$ и $(+c)$. (Это сбалансированная

Отталкивание $(-)$ следствием рассогласова- объекту X , т. е. когда $(+b)$ и $(-c)$ (несбалансированная отношений).

Основным Хайдера является то, что тенденцию предпочитать сбалансированные ситуа- межличностных

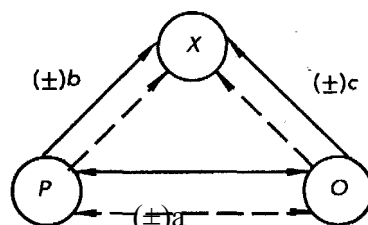

Рис. 2.1

a — положительное (сплошная линия) или отрицательное (пунктирная линия)

считается знак отношений объект X $(+a)$ возникает в отношениях к $(+c)$ или $(-b)$ и $(-c)$ система.) является

ния в отношениях к $(-c)$ или $(-b)$ и $(+c)$ система

положением теории люди имеют

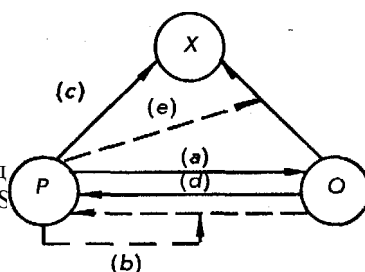

Рис. 2.2

ции в своих отношениях⁵⁵.

⁵⁵ Теория Хайдера и Ньюкома приводит change in two person group. — *Sociometry*, 1967, vol. 30, S

Автор берет в основу этого утверждения факт существования некоторой внутриличностной силы и напряжения, которые приводят к достижению баланса. В условиях дисбаланса личность будет испытывать напряжение, или дискомфорт. Поэтому предполагается, что она изменит свое поведение таким образом, чтобы максимизировать баланс, изменяя либо свои симпатии к другому лицу, либо свою ориентацию по отношению к X (объекту). В условиях баланса личность P испытывает относительно меньшее напряжение и не меняет ни своих установок к личности O , ни своего поведения.

Установки или отношения как к объекту, так и к другому лицу всегда имеют положительный или отрицательный знак (симпатии и антипатии). Т. М. Ньюком уточняет теорию Хайдера и вводит концепцию воспринимаемых ориентации, или отношений (рис. 2.2).

На рис. 2.2 отсутствуют положительные и отрицательные отношения для упрощения, но они дополнены пунктирными стрелками, которые указывают на восприятие личностью отношений к объекту (аттитюд) и к самой себе (симпатия) со стороны другого лица.

Таким образом, модель Ньюкома состоит из пяти переменных: симпатия (a), воспринимаемая симпатия (b), аттитюд данной личности (c) (отношение к объекту X), восприятие другого ($P-O$) — (d), восприятие аттитюда другой личности (e).

Т. М. Ньюком считает, что общение будет развиваться в диадах как следствие дисбаланса, а баланс возникнет через общение. Общение позволяет лицу P определить некоторые особенности восприятия другой личности O . Воспринимаемое подобие является ключевым фактором во взаимном притяжении людей. Оно, в отличие от действительного подобия установок (аттитюдов), обращено к индивидуальной оценке разницы между своим мнением и мнением другого в отношении объекта обсуждения. Так, личность A притягивается B , если A воспринимает B как подобную себе в установках. Т. М. Ньюком проводил разнообразные измерения установок в группах студентов, живших вместе в общежитии и ранее между собой не знакомых⁵⁶. Он обнаружил, что в течение нескольких недель сильные взаимные тяготения имели место среди тех, кто вначале проявлял наибольшее подобие в своих установках. Выявлены значительные корреляции между первоначальным сходством в ценностях, измеренных по ценностной шкале Олпорта — Вернона, и межличностным притяжением в конце 14-й недели совместного проживания в общежитии. В одном из других, более поздних своих исследований, Т. М. Ньюком изучал устойчивость межличностных симпатий⁵⁷. Понедельное измерение межличностных притяжений у 17 мужчин, первоначально незнакомых, показало индивидуальные изменения в течение всего периода. Тем не менее между тремя видами элементов ($P — O — X$) в общем существовал баланс отношений. Н. Коган трактует объект X в модели $P — O — X$ как третью

⁵⁶ Newcomb T. M. The prediction of interpersonal attraction. — The American Psychologist, 1956, vol. 11, N 11.

⁵⁷ Newcomb T. M. Stabilities underlying change in interpersonal attraction. — J. Abnormal Social Psychology, 1963, vol. 66, N 5, p. 480-488.

самостоятельную личность. Действительно, объект обсуждения не является безразличным как для *P*, так и для *O*, но помимо этого он как бы синтезирует проектируемые качества двух реальных партнеров. Через объект и возможна связь двух лиц, которые заинтересованы в удовлетворении своих потребностей в общении. И все же главным из пяти переменных является совпадение собственных симпатий партнера *P* и воспринимаемой им симпатии со стороны другого — *O*, что и показал в своей работе Х. Тейлор⁵⁸.

Д. Брокстон изучал факторы межличностного притяжения, которые определяли удовлетворенность проживания студентов в одной комнате⁵⁹. Испытуемыми были 121 женщина, у которых в течение половины академического года меняли напарницу по комнате и определяли их субъективную удовлетворенность своими соседками. Субъективная удовлетворенность выше в том случае, когда в большей степени совпадает представление о самой себе (“Я-концепция”) и восприятие данного лица другим человеком. Межличностное притяжение является прямо связанным с взаимным согласием относительно “Я-концепций”. Личность *P* является привлекательной для другой личности *O*, если она (личность *O*) воспринимается *P* так же, как сама она (*O*) оценивает себя (со своими любимыми и нелюбимыми качествами). Сознание человека, что он понимается другим, способствует дальнейшему успешному взаимодействию. Но полного взаимопонимания быть не может, и это сохраняет в значительной мере ту дистанцию, которая вызывает взаимный интерес людей друг к другу.

В работах Г. Бирна сделан важный шаг в понимании установок как факторов, определяющих межличностное притяжение⁶⁰. Он дифференцирует установки на важные и второстепенные, что позволяет определить иерархию личностных качеств, в большей или меньшей мере определяющих межличностное притяжение⁶¹. Используя процедуру “подставного” влияния личностных характеристик (представленных вопросниками, заполненными экспериментатором определенным образом), он обнаружил, что сходство в установках усиливает чувство симпатии к мнимым незнакомцам. Причем симпатия проявляется в большей мере тогда, когда сходство установок обнаруживается по важным качествам и различие — по второстепенным, менее значимым для данного человека. Наоборот, симпатия к представляемому (по опроснику) лицу меньшая, если испытуемый обнаруживает сходство с ним по второстепенным качествам и различия — по важным. Таким образом, каждый человек не только

⁵⁸ Taylor H. F. Balance and change in two person group. — *Sociometry*, 1956, vol. 30. N 3, Sept., p. 262-279.

⁵⁹ Broxton D. A. A test of interpersonal attraction predictions derived from balance theory. — *J. Abnormal Social Psychology*, Vol. 66, 1963, N 44, p. 394-397.

⁶⁰ Вугпе G. L. Effectance arousal and attraction. — *J. Personality and Social Psychology*, 1967, vol. 638, Aug., p. 1-18.

² Вугпе G. L.; Attitudes and attraction. — *Advance in Experimental Social Psychology*, New York. 1969, vol. 4, p. 35-89.

оценивает свои качества и качества других как положительные и отрицательные (работа Дж. Брокстона), но и как важные, значимые, и второстепенные. Сходство и различие “Я-концепций” имеет неодинаковое значение для межличностных притяжений, что зависит от контекста, в котором обнаруживается это подобие-контраст. Положительные и отрицательные эмоциональные отношения в группе влияют на симпатию по-разному, в зависимости от того, с кем приходится работать (с подобным или контрастным по отношению к себе человеком). С. Тейлором и В. Меттелом был поставлен эксперимент, в котором взаимодействие между членами группы было реальным, а не представляемым⁶². В эксперименте участвовало 7 групп, в которые были включены подставные лица — соучастники и сообщники экспериментатора. Одни группы были составлены из лиц, имеющих близкие “Я-концепции”, другие группы из лиц с разными “Я-концепциями”. Причем подставные лица вели себя в условиях взаимодействия с другими приятным или неприятным образом, т. е. создавали положительную или отрицательную атмосферу в группе. Результаты исследований показали, что приятно ведущий себя в группе индивид, имеющий сходные “Я-концепции” с партнером по взаимодействию, нравится больше, чем приятный, но контрастный другой. Неприятный и подобный другой нравится в значительно меньшей степени, чем неприятный и контрастный (несхожий) другой. Эмоционально окрашенная ситуация взаимодействия разводит параметры подобия—контраста и вскрывает сущность симпатий—антипатий к лицам, сходным или различным по их “Я-концепциям”. Причем ведущим является эмоциональный компонент взаимодействия, а не когнитивный, фиксирующий сходство двух лиц.

Схематически соотношения приятно—неприятно ведущих себя, контрастных — подобных по “Я-концепциям” могут быть представлены так, как это изображено на рис. 2.3.

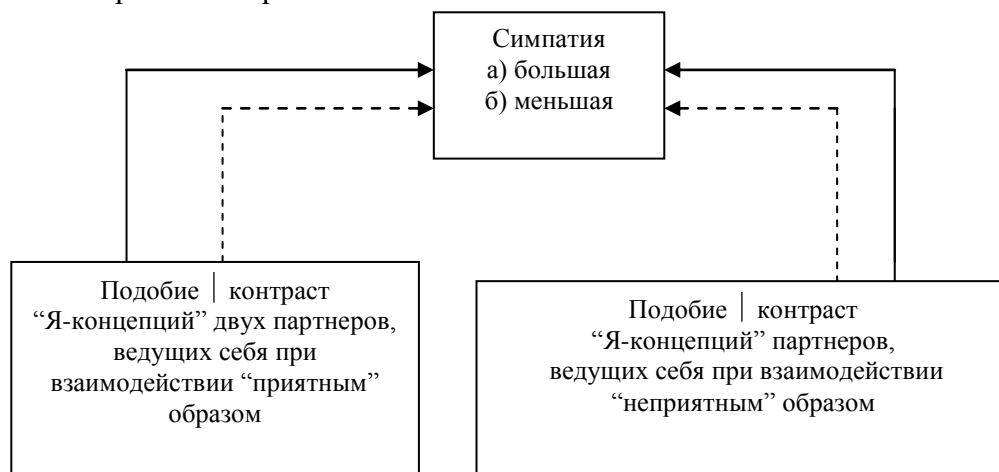

Рис. 2.3

Стрелка со сплошной линией указывает на то, что это сочетание вызывает большую симпатию, а стрелка с пунктирной линией показывает меньшую симпатию.

³ Taylor S. E., Mettel V. R. When similarity breeds contempt. — J. Personality and Social Psychology, 1971, vol. 20, N 1, Oct.

Но не только эмоциональный фон (положительный и отрицательный) определяет значимость подобия—контраста “Я-концепций” при образовании симпатий—антипатий. Так, Д. Новак и М. Лернер, исследуя пациентов с некоторыми эмоциональными расстройствами, обнаружили, что в созданной ими экспериментальной ситуации испытуемые отвергают подобных себе лиц в большей степени, чем несхожих⁶³. Собственно говоря, авторы почти вплотную подошли к выделению такого фактора, как уровень индивидуально-психологических характеристик. Для выявления значения подобия—контраста важно не только определить это различие, но и знать уровень выраженности тех или иных качеств у членов группы. Конечно, у лиц, имеющих эмоциональные расстройства, “Я-концепция” имеет свою специфику, но она отражает реальные качества личности. Когда два индивида с эмоциональным расстройством (одинаково значительным, высоким уровнем) вынуждены взаимодействовать непосредственно или опосредованно, возникает их субъективная неудовлетворенность друг другом. Совсем другое дело, если бы пришлось взаимодействовать партнерам, не имеющим крайнего нарушения эмоционально-волевой сферы. В этом случае подобие их вряд ли привело бы к возникновению антипатий.

На межличностное притяжение влияют предполагаемые условия сотрудничества и соперничества. Они изменяют отношение к лицу, с которым предполагается взаимодействие, что показано в исследованиях М. Лернера⁶⁴. Информацию о другом (предполагаемом партнере) испытуемые получали якобы из соседней комнаты. На самом деле на магнитофоне было записано интервью предварительно, но испытуемые воспринимали его как действительное. Показатели, полученные в предполагаемых ситуациях сотрудничества и соперничества, сравнивались с результатами контрольной ситуации, в которой взаимодействие вообще не ожидалось. Измерение сходства основывалось на разнице между ответами при заполнении личностных опросников на себя и на “мнимого” партнера. Специально оценивалась социальная дистанция, к которой стремился испытуемый в случае предполагаемого сотрудничества, соперничества и в условиях, когда взаимодействие не ожидалось. Социальная дистанция в данном случае оценивалась по желанию испытуемого близко взаимодействовать с предполагаемым партнером (жить в одной комнате, быть лично знакомым). Привлекательность определялась по 15 шкалам, сумма которых могла служить основанием для оценки симпатии к другому (предполагаемому) партнеру. Полученные результаты говорят о следующем.

1. Ожидаемое конкурирующее взаимодействие приводит к снижению сходства, которое оценивается испытуемым при заполнении вопросника на предполагаемого партнера. Для понимания соревновательной ситуации (даже предполагаемой, как в данном случае) следует иметь в виду, что оценивание и сравнение себя и соперников является главным фактором, регулирующим поведение. Поэтому при оценке подобия—контраста (ожидаемого соперничества) испытуемый невольно переоценивает различия

⁶³ Nowak D. W. a. Lerner M. Y. Rejection as consequence of perceived similarity. — J. Personal and Social Psychology, 1968, vol. 9, p. 147-152.

⁶⁴ Lerner M. Y., Sherer W. C. Similarity and attraction in social context. — J. Personality and Social Psychology, 1967, vol. 5, N 4, p. 481-486.

между собой и предполагаемым партнером. Само условие соревнования предполагает дифференциацию между конкурирующими людьми, а сотрудничество, наоборот, требует консолидации, сближения между членами группы.

2. В условиях ожидаемого соперничества испытуемые показали тенденцию к росту показателя социальной дистанции ($p = 0,2$). Это влияние особенно ярко проявилось в реакциях на вопрос: “Желали бы Вы иметь этого партнера своим товарищем по комнате?”

3. Ожидаемое сотрудничество вызывает у испытуемых желание сократить социальную дистанцию с предполагаемым партнером, что тоже вполне понятно, если учесть, что оптимальное сотрудничество невозможно без более или менее адекватных знаний о партнере, а это возможно только при сближении с ним.

4. Предполагаемое сотрудничество приводит к росту привлекательности субъекта, с которым ожидается взаимодействие.

Работа М. Лернера утверждает в межличностных притяжениях значение условий, в которых осуществляется или даже предполагается взаимодействие между двумя партнерами. Эти условия — внешние, внегрупповые факторы, учет которых просто необходим для изучения сложного механизма образования притяжений и симпатий. Внегрупповые условия предполагаемого сотрудничества и соперничества формируют аттитюды, и через них происходит образование межличностного притяжения—отталкивания, симпатий—антипатий.

Большинство рассмотренных исследований говорит о следующем.

1. Сходство установок и “Я-концепций” в целом имеет прямую связь с привлекательностью.

2. Совпадение установок и “Я-концепций” особенно сказывается на взаимных симпатиях на первых этапах взаимодействия.

3. Притяжение больше при адекватном восприятии партнерами положительных и отрицательных черт “Я-концепций” друг друга.

4. Для образования притяжений сходство важных и второстепенных черт в “Я-концепциях” имеет разное значение. Подобие по личностным качествам, значимым в “Я-концепций”, и различие по второстепенным вызывают симпатию в большей степени. Различие по важным для личности качествам и сходство по второстепенным в “Я-концепциях” снижает притяжение и симпатию.

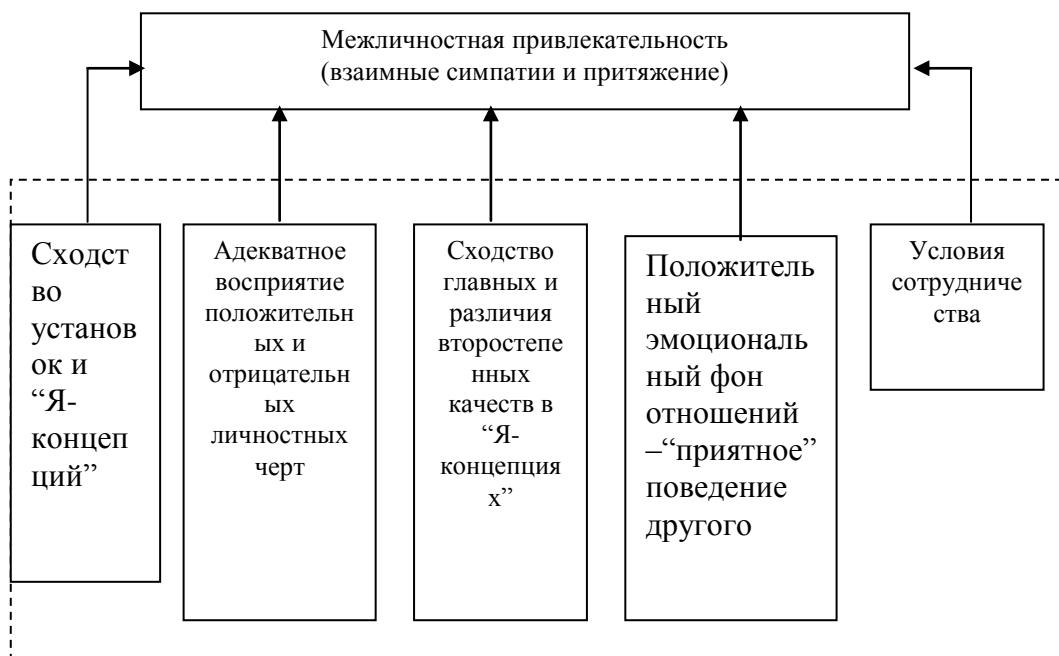
5. Важное значение для возникновения симпатий и притяжений имеет не только подобие и контраст в “Я-концепциях”, но и то, на каком эмоциональном фоне обнаруживается это сходство. Положительное или отрицательное эмоциональное воздействие одного партнера на другого вскрывает различную значимость подобия в “Я-концепциях”.

6. Помимо эмоционального фона, возникающего при реальном взаимодействии, на межличностное притяжение оказывают влияние условия соперничества и сотрудничества. Они поляризуют установки испытуемого при оценке подобия—контраста в условиях ожидаемого сотрудничества и соперничества. Кроме того, эти условия по-разному влияют на симпатию испытуемого к “лицу”, с которым предполагается взаимодействие. Ожидаемое соперничество приводит к переоценке различий с предполагаемым партнером и к увеличению социальной дистанции с ним, т. е. вызывает отталкивание. Предполагаемое сотрудничество в целом

усиливает симпатию испытуемого к партнеру. Ситуации сотрудничества и соперничества предполагают разную категорию действий и поведения человека в целом. Фактически в исследованиях М. Лернера у испытуемых формировалась определенная установка на взаимодействие в единстве ее когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Как предполагаемое взаимодействие, так и объективно наступившее вызывают совпадение притяжений и симпатий, характеризуя конвергенцию трех компонентов.

Специальный эксперимент М. Лернера не отвергает мнения о том, что внешние условия вторичны при образовании неофициальных связей. Он подчеркивает особую сложность и интимность условий, в которых происходит возникновение межличностного притяжения и симпатий. Конечно, отправной точкой взаимных симпатий являются общие предпосылки сотрудничества между людьми и потребность в общении. Значение же аттитудов и “Я-концепций” должно быть производным реальных условий взаимодействия людей.

В то же время оценивая исследования, посвященные роли воспринимаемого подобия в установках и “Я-концепциях”, следует признать их целесообразность (рис.2.4).

явились исключительно важным и удобным инструментом анализа межличностного притяжения и симпатий, но они, однако, не могут в равной мере применяться для объяснения всех сложных видов взаимодействия людей.

Следует различать степень взаимосвязанности и условные типы межличностных отношений: приятельские, товарищеские, дружеские и супружеские. Нельзя забывать также о специфике однополых и разнополых связей, возрастных особенностях образования и сохранения отношений. Кроме значения сходства в установках, “Я-концепциях” и условий взаимодействия (сотрудничества и соперничества) важно учитывать реальное (объективное) сходство и различие людей. Логика исследований привела психологов к необходимости изучать не только сиюминутные процессы и состояния межличностной привлекательности, но и устойчивые

связи между людьми. Вполне естественно, что в поле зрения попали две важнейшие категории отношений: дружеские и супружеские. Они требовали более углубленных исследований не только воспринимаемого сходства—различия людей, но и действительного подобия—контраста по свойствам личности, основным потребностям.

И. Атватер

НЕВЕРБАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ⁶⁵

Наши представления о невербальном общении находят отражение во многих общепринятых фразеологических оборотах. О счастливых людях мы говорим, что они “переполнены” счастьем или “сияют” от счастья. Про людей, испытывающих страх, мы говорим, что они “замерли” или “окаменели”. Гнев или злость описываются такими словами, как “лопнуть” от злости или “дрожать” от ярости. Нервничающие люди “кусают губы”, т. е. чувства выражаются средствами невербального общения. И хотя мнения специалистов в оценке точных цифр расходятся, можно с уверенностью сказать, что более половины межличностного общения приходится на общение невербальное. Слушать собеседника поэтому означает также понимать язык невербального общения.

Язык невербального общения

Невербальное общение, широко известное как “язык жестов”, включает такие формы самовыражения, которые не опираются на слова и другие речевые символы.

Учиться понимать язык невербального общения важно по нескольким причинам. Во-первых, словами можно передать только фактические знания, но чтобы выразить чувства, одних слов часто бывает недостаточно. Иногда мы говорим: “Я не знаю, как выразить это словами”, имея в виду, что наши чувства настолько глубоки или сложны, что для их выражения мы не можем найти подходящих слов. Тем не менее чувства, не поддающиеся словесному выражению, передаются на языке невербального общения. Во-вторых, знание этого языка показывает, насколько мы умеем владеть собой. Если говорящему трудно справиться с гневом, он повышает голос, отворачивается, а подчас ведет себя и более вызывающе. Невербальный язык скажет о том, что люди думают о нас в действительности. Собеседник, который указывает пальцем, смотрит пристально и постоянно перебивает, испытывает совершенно другие чувства, чем человек, который улыбается, ведет себя непринужденно и (главное!) нас слушает. Наконец, невербальное общение ценно особенно тем, что оно, как правило, спонтанно и проявляется бессознательно. Поэтому, несмотря на то что люди взвешивают свои слова и иногда контролируют мимику, часто возможна “утечка” скрываемых чувств через мимику, жесты, интонацию и окраску голоса. Любой из этих невербальных элементов общения может помочь нам убедиться в правильности того, что сказано словами, или, как это иногда бывает, поставить сказанное под сомнение.

Хорошо известно, что невербальный язык понимается всеми людьми одинаково. Например, скрещенные на груди руки соответствуют защитной реакции. Но это не всегда так. Конкретные невербальные выражения, как, например, те же скрещенные руки, понимаются по-разному: значение зависит от конкретной ситуации, в которой эта поза возникает естественно.

Писатель Юлиус Фаст рассказывает о пятнадцатилетней пуэрториканской девочке, которую застали в группе курящих девочек. Большинство курильщиц отличались недисциплинированностью, но за Ливией не наблюдалось нарушений школьного порядка. Тем не менее директор школы, поговорив с Ливией, решил наказать ее. Директор ссылаясь на ее подозрительное поведение, выразившееся в том, что она не смотрела ему в глаза: он принял это за выражение виновности. Этот инцидент вызвал протест матери. К счастью, школьный учитель испанского языка объяснил директору, что в Пуэрто-Рико вежливая девочка никогда не смотрит взрослым прямо в глаза, что является знаком

⁶⁵ Иствуд Атватер. Я вас слушаю. Советы руководителю, как правильно слушать собеседника. М.: Экономика, 1988. С. 64-74.

уважения и послушания. Этот случай показывает, что “слова” невербального языка у разных народов имеют разное значение. Обычно в общении мы добиваемся точного понимания невербального языка, когда связываем его с конкретной ситуацией, а также с социальным положением и культурным уровнем конкретного собеседника.

В то же самое время одни люди понимают невербальный язык лучше других. Результаты ряда исследований показывают, что женщины более точны как в передаче своих чувств, так и в восприятии чувств других, выражаемых невербальным языком. Способности мужчин, работающих с людьми, например, психологов, преподавателей, актеров, оцениваются так же высоко. Понимание невербального языка в основном приобретается при обучении. Однако следует помнить, что люди очень отличаются друг от друга в этом плане. Как правило, чуткость в невербальном общении повышается с возрастом и опытом.

Выражение лица (мимика)

Выражение лица — главный показатель чувств. Легче всего распознаются положительные эмоции — счастье, любовь и удивление. Трудно воспринимаются, как правило, отрицательные эмоции — печаль, гнев и отвращение. Обычно эмоции ассоциируются с мимикой следующим образом:

- удивление — поднятые брови, широко открытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот;
- страх — приподнятые и сведенные над переносицей брови, широко открытые глаза, уголки губ опущены и несколько отведены назад, губы растянуты в стороны, рот может быть открыт;
- гнев — брови опущены вниз, морщины на лбу изогнуты, глаза прищурены, губы сомкнуты, зубы сжаты;
- отвращение — брови опущены, нос сморщен, нижняя губа выпячена или приподнята и сомкнута с верхней губой;
- печаль — брови сведены, глаза потухшие; часто уголки губ слегка опущены;
- счастье — глаза спокойные, уголки губ приподняты и обычно отведены назад.

Художникам и фотографам давно известно, что лицо человека асимметрично, в результате чего левая и правая стороны нашего лица могут отражать эмоции по-разному. Недавние исследования объясняют это тем, что левая и правая стороны лица находятся под контролем различных полушарий мозга. Левое полушарие контролирует речь и интеллектуальную деятельность, правое управляет эмоциями, воображением и сенсорной деятельностью. Связи управления перекрещиваются так, что работа доминирующего левого полушария отражается на правой стороне лица и придает ей выражение, поддающееся большему контролю. Поскольку работа правого полушария мозга отражается на левой стороне лица, то на этой стороне лица труднее скрыть чувства. Положительные эмоции отражаются более или менее равномерно на обеих сторонах лица, отрицательные эмоции более отчетливо выражены на левой стороне. Однако оба полушария мозга функционируют совместно, поэтому описанные различия касаются нюансов выражения. Особенно экспрессивны губы человека. Всем известно, что плотно сжатые губы отражают глубокую задумчивость, изогнутые губы — сомнение или сарказм. Улыбка, как правило, выражает дружелюбие, потребность в одобрении. В то же самое время улыбка как элемент мимики и поведения зависит от региональных и культурных различий: так, южане склонны улыбаться чаще, чем жители северных районов. Поскольку улыбка может отражать разные мотивы, следует быть осторожным в истолковании улыбки собеседника. Однако чрезмерная улыбчивость, например, часто выражает потребность в одобрении или почтении перед начальством. Улыбка, сопровождаемая приподнятыми бровями, выражает, как правило, готовность подчиниться, в то время как улыбка с опущенными бровями выражает превосходство.

Лицо экспрессивно отражает чувства, поэтому говорящий обычно пытается контролировать или маскировать выражение своего лица. Например, когда кто-либо случайно сталкивается с Вами или допускает ошибку, он обычно испытывает такое же неприятное чувство, как и Вы, и инстинктивно улыбается, **как бы** выражая тем самым вежливое извинение. В этом случае улыбка может быть в определенном смысле “заготовленной” и поэтому натянутой, выдавая смесь беспокойства и извинения.

Визуальный контакт

Визуальный контакт является исключительно важным элементом общения. Смотреть на говорящего означает не только заинтересованность, но и помогает нам сосредоточить внимание на том, что нам говорят. Во время беседы говорящий и слушающий то смотрят, то отворачиваются друг от друга, чувствуя, что постоянный взгляд может мешать собеседнику сосредоточиться. Как говорящий, так и слушающий смотрят друг другу в глаза не более 10 секунд. Это, вероятнее всего, происходит перед началом разговора или после нескольких слов одного из собеседников. Время от времени глаза собеседников встречаются, но это продолжается значительно меньше времени, чем задерживает взгляд каждый собеседник друг на друге.

Нам значительно легче поддерживать визуальный контакт с говорящим при обсуждении приятной темы, однако мы избегаем его, обсуждая неприятные или запутанные вопросы. В последнем случае отказ от прямого визуального контакта является выражением вежливости и понимания эмоционального состояния собеседника. Настойчивый или пристальный взгляд в таких случаях вызывает возмущение и воспринимается как вмешательство в личные переживания. Более того, настойчивый или пристальный взгляд обычно воспринимается как признак враждебности.

Необходимо знать, что отдельные аспекты взаимоотношений выражаются в том, как люди смотрят друг на друга. Например, мы склонны смотреть больше на тех, кем восхищаемся или с кем у нас близкие отношения. Женщины к тому же склонны на больший визуальный контакт, чем мужчины. Обычно люди избегают визуального контакта в ситуациях соперничества, чтобы этот контакт не был понят как выражение враждебности. Кроме того, мы склонны смотреть на говорящего больше, когда он находится на расстоянии: чем ближе мы к говорящему, тем больше избегаем визуального контакта. Обычно визуальный контакт помогает говорящему почувствовать, что он общается с Вами, и произвести благоприятное впечатление. Но пристальный взгляд обычно создает о нас неблагоприятное впечатление.

Визуальный контакт помогает регулировать разговор. Если говорящий то смотрит в глаза слушающего, то отводит глаза в сторону, это значит, что он еще не закончил говорить. По завершении своей речи говорящий, как правило, прямо смотрит в глаза собеседнику, как бы сообщая: “Я все сказал, теперь Ваша очередь”.

Интонация и тембр голоса

Умеющий слушать, как и тот, кто читает между строк, понимает больше, чем значат слова говорящего. Он слышит и оценивает силу и тон голоса, скорость речи. Он замечает отклонения в построении фраз, как, например, незаконченность предложений, отмечает частые паузы. Эти вокальные выражения наряду с отбором слов и выражением лица полезны для понимания сообщения.

Тон голоса — особо ценный ключ к пониманию чувств собеседника. Один известный психиатр часто спрашивает себя: “Что говорит голос, когда я кончаю слушать слова и слушаю только тон?” Чувства находят свое выражение независимо от значения слов. Можно ясно выразить чувства даже при чтении алфавита. Легко распознаются обычно гнев и печаль, нервозность и ревность относятся к тем чувствам, которые распознаются труднее.

Сила и высота голоса также полезные сигналы для расшифровки сообщения говорящего. Некоторые чувства, например, энтузиазм, радость и недоверие, обычно передаются высоким голосом. Гнев и страх тоже выражаются высоким голосом, но в более широком диапазоне тональности, силы и высоты звуков. Такие чувства, как печаль, горе и усталость, обычно передаются мягким и приглушенным голосом с понижением интонации к концу каждой фразы.

Скорость речи также отражает чувства говорящего. Люди говорят быстро, когда они взволнованы или обеспокоены чем-либо, когда говорят о своих личных трудностях. Тот, кто хочет нас убедить или уговорить, обычно говорит быстро. Медленная речь чаще свидетельствует об угнетенном состоянии, горе, высокомерии или усталости.

Допуская в речи незначительные ошибки, как, например, повторяя слова, неуверенно или неправильно их выбирая, обрывая фразы на полуслове, люди невольно выражают свои чувства и раскрывают намерения. Неуверенность в выборе слов проявляется тогда, когда говорящий не уверен в себе или собирается удивить нас. Обычно речевые недостатки более выражены в состоянии волнения или когда собеседник пытается нас обмануть.

Важно также понимать значение междометий, вздохов, нервного кашля, фырканья и т. п. Этот ряд бесконечен. Ведь звуки могут означать больше, чем слова. Это также верно для языка жестов.

Позы и жесты

Установку и чувства человека можно определить по моторике, т. е. по тому, как он стоит или сидит, по его жестам и движениям.

Когда говорящий наклоняется к нам во время разговора, мы воспринимаем это как любезность, видимо, потому, что такая поза говорит о внимании. Мы чувствуем себя менее удобно с теми, кто в разговоре с нами откидывается назад или разваливается в кресле. Обычно легко беседовать с теми, кто принимает непринужденную позу. (Такую позу могут принимать и люди с более высоким положением, вероятно, потому, что они больше уверены в себе в момент общения и обычно не стоят, а сидят, причем подчас не прямо, а откинувшись назад или склонившись набок.)

Наклон, при котором сидящие или стоящие собеседники чувствуют себя удобно, зависит от характера ситуации или от различий в их положении и культурном уровне. Люди, хорошо знающие друг друга или сотрудничающие по работе, обычно стоят или сидят боком друг возле друга. Когда они встречают посетителей или ведут переговоры, то чувствуют себя более удобно в положении лицом друг к другу. Женщины часто предпочитают разговаривать, несколько склонясь в сторону собеседника или стоя с ним рядом, особенно если хорошо знают друг друга. Мужчины в беседе предпочитают положение лицом друг к другу, кроме ситуаций соперничества. Американцы и англичане располагаются сбоку от собеседника, тогда как шведы склонны избегать такого положения. Арабы наклоняют голову вперед.

Когда Вы не знаете, в каком положении Ваш собеседник чувствует себя наиболее удобно, наблюдайте, как он стоит, сидит, передвигает стул или как движется, когда думает, что на него не смотрят.

Значение многих жестов рук или движений ног в определенной мере очевидно. Например, скрещенные руки (или ноги) обычно указывают на скептическую, защитную установку, тогда как нескрещенные конечности выражают более открытую установку, установку доверия. Сидят, подперев ладонями подбородок, обычно в задумчивости. Стоять, подбоченившись, — признак неповиновения или, наоборот, готовности приступить к работе. Руки, заведенные за голову, выражают превосходство. Во время разговора головы собеседников находятся в постоянном движении. Хотя кивание головой не всегда означает согласие, оно действительно помогает беседе, как бы давая разрешение собеседнику продолжать речь. Кивки головой действуют на говорящего одобряюще и в

групповой беседе, поэтому говорящие обычно обращают свою речь непосредственно к тем, кто постоянно кивает. Однако быстрый наклон или поворот головы в сторону, жестикация часто указывает на то, что слушающий хочет высказаться.

Обычно и говорящим, и слушающим легко беседовать с теми, у кого оживленное выражение лица и экспрессивная моторика.

Активная жестикация часто отражает положительные эмоции и воспринимается как признак заинтересованности и дружелюбия. Чрезмерное жестикалирование, однако, может быть выражением беспокойства или неуверенности.

Межличностное пространство

Другим важным фактором в общении является межличностное пространство — как близко или далеко собеседники находятся по отношению друг к другу. Иногда наши отношения мы выражаем пространственными категориями, как, например, “держаться подальше” от того, кто нам не нравится или кого мы боимся, или “держаться поближе” к тому, в ком заинтересованы. Обычно чем больше собеседники заинтересованы друг в друге, тем ближе они сидят или стоят друг к другу. Однако существует определенный предел допустимого расстояния между собеседниками (по крайней мере в Соединенных Штатах), он зависит от вида взаимодействия и определяется следующим образом:

- интимное расстояние (до 0,5 м) соответствует интимным отношениям. Может встречаться в спорте — в тех его видах, где имеет место соприкосновение тел спортсменов;
- межличностное расстояние (0,5—1,2 м) — для разговора друзей с соприкосновением или без соприкосновения друг с другом;
- социальное расстояние (1,2-3,7 м) — для неформальных социальных и деловых отношений, причем верхний предел более соответствует формальным отношениям;
- публичное расстояние (3,7 м и более) — на этом расстоянии не считается грубым обменяться несколькими словами или воздержаться от общения.

Обычно люди чувствуют себя удобно и производят благоприятное впечатление, когда стоят или сидят на расстоянии, соответствующем указанным выше видам взаимодействия. Чрезмерно близкое, как и чрезмерно удаленное положение, отрицательно сказывается на общении.

Кроме того, чем ближе находятся люди друг к другу, тем меньше они друг на друга смотрят как бы в знак взаимного уважения. Напротив, находясь на удалении, они больше смотрят друг на друга и используют жесты для сохранения внимания в разговоре.

Эти правила значительно варьируют в зависимости от возраста, пола и уровня культуры. Например, дети и старики держатся ближе к собеседнику, тогда как подростки, молодые люди и люди средних лет предпочитают более отдаленное положение. Обычно женщины стоят или сидят ближе к собеседнику (независимо от его пола), чем мужчины. Личностные свойства также определяют расстояние между собеседниками: уравновешенный человек с чувством собственного достоинства подходит к собеседнику ближе, тогда как беспокойные, нервные люди держатся от собеседника подальше. Общественный статус также влияет на расстояние между людьми. Мы обычно держимся на большом расстоянии от тех, чье положение или полномочия выше наших, тогда как люди равного статуса общаются на относительно близком расстоянии.

Традиция — также важный фактор. Жители стран Латинской Америки и Средиземноморья склонны подходить к собеседнику ближе, чем жители стран Северной Европы.

На расстояние между собеседниками может повлиять стол. Стол обычно ассоциируется с высоким положением и властью, поэтому когда слушающий садится сбоку от стола, то отношения принимают вид ролевого общения. По этой причине некото-

рые администраторы и руководители предпочитают проводить личные беседы, сидя не за своим столом, а рядом с собеседником — на стульях, стоящих под углом друг к другу.

Ответ на невербальное общение

Интересно, что, отвечая на невербальное поведение говорящего, мы невольно (подсознательно) копируем его позы и выражение лица. Таким образом мы как бы говорим собеседнику: “Я вас слушаю. Продолжайте”.

Как же реагировать на невербальное общение собеседника? Обычно следует отвечать на невербальное “сообщение” с учетом всего контекста общения. Это значит, что если мимика, тон голоса и поза говорящего соответствуют его словам, то проблем никаких нет. В этом случае невербальное общение помогает точнее понять сказанное. Когда, однако, невербальные “сообщения” противоречат словам говорящего, мы склонны отдавать предпочтение первому, поскольку, как гласит популярная пословица, осудят не по словам, а по делам”.

Когда несоответствие между словами и невербальными “сообщениями” невелико, как это имеет место, когда кто-либо неуверенно приглашает нас несколько раз куда-либо, мы можем отвечать или не отвечать словами на эти противоречивые выражения. Многое зависит от участников общения, характера их отношений и конкретной ситуации. Но мы редко игнорируем жесты и мимику. Они часто заставляют нас отложить выполнение, например, высказанной просьбы. Другими словами, понимание нами невербального языка имеет тенденцию опаздывать. Следовательно, когда мы получаем от говорящего “противоречивые сигналы”, то можем выразить ответ примерно в такой форме: “Я подумаю” или “Мы вернемся с Вами к этому вопросу”, оставляя себе время для оценки всех сторон общения до принятия твердого решения.

Когда несоответствие между словами и невербальными сигналами говорящего выражено ярко, на “противоречивые сигналы” вполне уместен и вербальный ответ. На противоречивые жесты и слова собеседника следует отвечать подчеркнуто тактично. Например, если говорящий соглашается что-либо сделать для Вас, но проявляет при этом признаки сомнения, например, делает частые паузы, задает вопросы или его лицо выражает удивление, возможно такое замечание: “Мне кажется, что Вы к этому относитесь скептически. Не объясните ли, почему?” Это замечание показывает, что Вы внимательны ко всему, что говорит и делает собеседник, и таким образом не вызовете у него беспокойства или защитной реакции. Вы всего лишь предоставляете ему возможность выразить себя более полно.

Итак, эффективность слушания зависит не только от точного понимания слов говорящего, но и в неменьшей степени от понимания невербальных сигналов. Общение включает также невербальные сигналы, которые могут подтверждать, а иногда и опровергать устное сообщение. Понимание этих невербальных сигналов — жестов и мимики говорящего — поможет слушающему правильно интерпретировать и слова собеседника, что позволит повысить результативность общения.

В.М. Бехтерев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ⁶⁶

⁶⁶ Основу работы «Личность и условия ее развития и здоровья» составляет речь, произнесенная ученым 4 сентября 1905 г. на II съезде русских психиатров в Киеве. В этой работе Бехтерев дает определение личности с опорой на понятие «отношения человека», рассматривает широкий перечень факторов развития личности, включая природную и социальную среду. Достаточно детально Бехтерев обсуждает вопрос о

Для врачей-психиатров представляется совершенно избитой истиной, что психические болезни и состояния вырождения суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильного ее развития составляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изучению душевных расстройств. Руководясь этим, я полагаю, что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их внимание вопросами, связанными с личностью и охраной ее здоровья и правильного развития с точки зрения врача-психиатра.

Прежде всего, мы должны выяснить для себя, что следует понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологического определения личности мы встречаемся еще с большими противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия личности высказывались различные взгляды и мнения в зависимости от того направления в своих основных воззрениях, которого держались различные психологические школы. <...>

Мы полагаем, что кроме объединяющего начала под личностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

Таким образом, кроме внутреннего объединения и координации личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности. Мы думаем, что в вопросах психологических мы не должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях собственно и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они одни составляют объективную ценность.

По Ribot, «реальная личность - это организм и его высший представитель – мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью».

Мы не погрешим против истины, если скажем короче: личность с объективной точки зрения есть психический индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Должно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обуславливающая ее самостоятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индивидуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самостоятельным существом. Только утрата этой самостоятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самостоятельности мы можем говорить о слабо развитой или пассивной личности.

Итак, личность с объективной точки зрения есть не что иное, как самостоятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

С.Л. Рубинштейн

О ЛИЧНОСТНОМ ПОДХОДЕ⁶⁷

Все психические процессы, с изучения которых начался наш анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своем реальном протекании зависит от нее.

Зависимость психических процессов от личности как индивидуальности выражается, во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях. Люди в зависимости от общего склада их индивидуальности различаются по типам восприятия и наблюдения, памяти, внимания (в смысле переключаемости) и т.д. Индивидуальные различия проявляются в самом содержании воспринимаемого, запоминаемого и т.д., что особенно ярко выступает в избирательном характере запоминания и забывания.

Зависимость психических процессов от личности выражается, во-вторых, в том, что они, как показал наш анализ, не имея самостоятельной линии, зависят от общего развития личности. При изучении эмоций было установлено, что чувства человека в один период или эпоху его жизни не являются всегда непрерывным продолжением, более или менее осложненным, его чувств в предшествующий период. Когда определенная полоса или эпоха нашей жизни безвозвратно отходит в прошлое и на смену ей приходит новая, то вместе с этим сменяется весь строй эмоциональной жизни. Связь чувств с настоящими установками личности существеннее, чем связь их с прошлыми чувствами. Поскольку между новыми и старыми чувствами сохраняется преемственность, она опосредована и обусловлена связью с развивающейся личностью. То же в не меньшей степени применимо к организации волевой жизни и к любой аналитически выделенной стороне психики.

Тот факт, что психические процессы человека суть проявления личности, выражается, в-третьих, в том, что у человека они не остаются только процессами, совершающимися самотеком, а превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми личность как бы овладевает и которые она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач. Так, процесс восприятия превращается у человека в более или менее сознательно регулируемый им процесс наблюдения, и в этом именно проявляется существенная особенность подлинно человеческого восприятия. Точно так же в человеческой памяти произвольное запечатление сменяется сознательным запоминанием и превращается в организованную деятельность заучивания, так же как произвольное всплывание воспоминаний сменяется намеренным припоминанием. Мышление по самому существу всегда является совокупностью операций, сознательно направляемых на разрешение задач. Внимание, в своей специфически человеческой форме, оказывается произвольным, т.е. сознательно регулируемым вниманием. Оно, в сущности, есть лишь проявление воли, которая выражается в том, что вся деятельность человека превращается в действия, сознательно регулируемые личностью.

Таким образом, вся психология человека в той трактовке, которая была ей здесь дана, является психологией личности. Личность не выступает лишь как завершение курса психологии. Она проходит через все построение, от начала до конца. Она образует основу,

⁶⁷ Введение к пятой части «Основ общей психологии». Текст дается по книге: «Основы общей психологии». СПб.: Питер, 1998.

изнутри определяющую трактовку психики человека в целом. Все психические процессы составляют психическое содержание жизни личности. Каждый вид психических процессов вносит свой вклад в богатство ее внутренней жизни. Стоит обратить внимание на то, какое огромное место в жизни музыкального человека может занять музыка и в какой мере музыкальные впечатления могут заполнить и обогатить его жизнь, чтобы понять, какое большое потенциальное богатство для духовной жизни личности заключено в ее чувствительности. Достаточно присмотреться к жизни любого слепого человека, чтобы убедиться в том, как выпадение хотя бы одной сферы ощущений отражается на всей жизни и психическом облике личности, вплоть до ее характерологических черт (обуславливая настороженность, переходящую то в собранность, то в мнительность, и т.п.). Это относится, конечно, не только к чувствительности, но никак не в меньшей мере и ко всем другим психическим явлениям. Например, память сохраняет и воспроизводит наше прошлое в воспоминаниях, часто еще согретых теплотой личного переживания; отражая в сознании наш жизненный путь в преемственной связи между нашим «сегодня» и нашим «вчера», она существенно обуславливает само единство сознания. Но от психических процессов надо все же отличать психические свойства личности, те черты, которые, определяя направленность личности, ее способности и характер, составляют основание самой личности и определяют ее психологический облик.

Психические процессы и психические свойства личности фактически неотрывны друг от друга. С одной стороны, все психические процессы в их конкретном протекании зависят от свойств и особенностей личности, начиная с ощущений и восприятий, которые в полноте своего содержания и реального протекания зависят вовсе не только от деятельности будто бы изолированного рецептора, а от свойств самой личности, от ее восприимчивости и впечатлительности и т.д.; с другой – каждый вид психических процессов, выполняя свою роль в жизни личности, в ходе деятельности переходит в ее свойства. Поэтому при изучении любой категории психических процессов – познавательных, эмоциональных, волевых – мы от изучения общих закономерностей переходили к тем индивидуально-типологическим особенностям, которые выступают в данной сфере. Индивидуально-типологические особенности в восприятии, памяти, мышлении, воображении, внимании, не говоря уже об индивидуально-типологических особенностях в эмоциональной и волевой сфере, – это уже психические свойства и особенности личности в области восприятия, мышления и т.д., как-то: восприимчивость и впечатлительность, наблюдательность, вдумчивость. Рассудительность, эмоциональная возбудимость и устойчивость, инициативность, решительность, настойчивость и т.п. Тем самым уже внутри аналитического изучения психических процессов наметился совершающийся с внутренней необходимостью переход к изучению психических свойств личности. Теперь они должны стать предметом специального изучения.

Психические свойства – не изначальная данность; они формируются и развиваются в процессе деятельности личности. Подобно тому как организм не развивается сначала, а затем функционирует, а развивается, функционируя, так и личность не формируется сначала, а затем начинает действовать: она формируется, действуя, в ходе своей деятельности. В деятельности личность и формируется, и проявляется. Будучи в качестве субъекта деятельности ее предпосылкой, она является вместе с тем и ее результатом. Путь от аналитического изучения психических процессов к изучению психических свойств личности проходит поэтому через изучение психологической стороны ее деятельности. Единство деятельности, объединяющей многообразные действия и поступки, – в единстве ее исходных мотивов и конечных целей, которые являются мотивами и целями личности. Поэтому изучение психологической стороны деятельности является не чем иным, как изучением психологии личности в процессе ее деятельности. В труде, учении, игре формируются и проявляются все стороны психики. Но не все психическое содержание действия или поступка человека, не всякое психическое состояние в равной мере может быть отнесено к сколько-нибудь устойчивым свойствам личности, которые

характеризовал бы какую-нибудь сторону ее психического облика. Некоторые акты в своем психическом содержании характеризуют скорее обстоятельства какой-нибудь преходящей ситуации, не всегда существенной и показательной для личности.

Поэтому особо встает вопрос о том, как формируются и закрепляются относительно устойчивые психические свойства личности⁶⁸.

Психические свойства личности – ее способности и характерологические черты – формируются входе жизни. Врожденные особенности организма являются лишь задатками – весьма многозначными. Которые обуславливают, но не предопределяют психические свойства человека. На основе одних и тех же задатков у человека могут выработаться различные свойства – способности и черты характера в зависимости от хода его жизни и деятельности не только проявляются, но и формируются. В работе, учении и труде складываются и отрабатываются способности людей; в жизненных деяниях и поступках формируется и закаляется характер. Этот образ действий в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями существования, выступающими как образ жизни, существенно обуславливает образ мыслей и побуждений, весь строй, склад, или психический облик, личности.

Изучение психического облика личности включает три основных вопроса. Первый вопрос, на который мы стремимся получить ответ, когда хотим узнать, что представляет собой тот или иной человек, гласит: чего он хочет. Что для него привлекательно, к чему он стремится? Это вопрос о направленности, установках и тенденциях, потребностях, интересах и идеалах. Но вслед естественно встает второй: а что он может? Это вопрос о способностях, дарованиях человека. Однако способности – это сперва только возможности; для того чтобы знать, как реализует и использует их человек, нам нужно знать, что он есть, что из его тенденций и установок вошло у него в плоть и кровь и закрепилось в качестве стержневых особенностей личности. Это вопрос о характере человека.

Характер в своем содержательном аспекте теснейшим образом связан с вопросом о том, что для человека значимо в мире и в чем поэтому для него смысл жизни и деятельности. Именно то, что особенно значимо для человека, выступает в конечном счете в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет подлинный стержень личности.

Эти различные аспекты, или стороны, психического облика личности, конечно, не внешнеполжны. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. В конкретной деятельности человека все они сплетены в одном узле. Направленность личности, ее установки, раз за разом порождая в однородных ситуациях определенные поступки, переходят затем в характер и закрепляются в нем в виде свойств личности. Наличие интереса к определенной области и деятельности стимулирует развитие способностей в соответствующем направлении. А наличие определенных способностей, обуславливая плодотворную работу, стимулирует интерес к ней.

Так же тесна и неразрывна взаимосвязь способностей и свойств характера. Например, наличие больших способностей, обуславливая сознание своих сил, своей мощи, не может не отразиться на характерологических свойствах человека, порождая в одних случаях уверенность в себе, твердость, решительность, в других – самомнение или беспечность, непривычку к упорному труду. Точно так же малые способности могут обусловить в одних случаях робость, неуверенность в себе, в других – упорство, трудолюбие, привычку к усидчивому труду, т.е. очень существенные характерологические свойства. Характерологические же свойства, в свою очередь, обуславливают развитие способностей, поскольку способности развиваются, реализуясь, а реализация их зависит от характерологических данных –целеустремленности, настойчивости, упорства в

⁶⁸ Термин «свойства» употребляется здесь в широком смысле, как обозначающий, наряду с характерологическими чертами, также установки и направленности личности, т.е. все, что непосредственно определяет ее психический облик. (Прим. С.Л. Рубинштейна).

достижении цели и т.п. В отрыве от соответствующих характерологических свойств способности – это лишь очень абстрактные и малореальные возможности. Реальная способность – это способность в действии, неуклонном и целеустремленном; она поэтому не только способность, но и доблесть.

Так в реальной жизни личности все стороны ее психического облика, переходя друг в друга, образуют неразрывное единство.

Это единство общего психического облика человека носит всегда более или менее ярко выраженный индивидуальный характер. Понимание и учет этих индивидуальных особенностей имеет огромное значение в практической жизни; без них невозможна правильная расстановка людей и рациональное их использование. Лишь при знании и учете индивидуальных особенностей каждого человека можно обеспечить всем людям наиболее полное развитие и применение их творческих возможностей и сил. Не менее необходимо знание индивидуальных особенностей в процессе воспитания и обучения. Индивидуализированный подход к каждому ребенку. К каждому учащемуся является одним из основных требований правильно поставленного процесса воспитания и обучения.

В силу большого практического значения, которое имеет вопрос об индивидуальных особенностях людей, к нему издавна привлекалось особое внимание, и нередко вся проблема психологии личности, неправомерно сужаясь, сводилась только к этому вопросу об индивидуальных особенностях. Между тем в действительности вопрос об индивидуальных особенностях и межличностных различиях – это лишь один – дифференциальный – аспект в общей проблеме психологии личности. Подлинное понимание различий в психических свойствах разных людей предполагает знание самих этих свойств, их места и значения в строении личности.

Специально в дифференциальном плане вопрос не исчерпывается только межличностными различиями; необходимо учитывать и внутриличностные различия.

Любой литературный критик знает, что встречающиеся иногда у плохих художников образы злодеев, которые являются «чистым», т.е. абстрактным воплощением злодейства без единого светлого проблеска, или ангелов, которые являются «чистым», т.е. абстрактным воплощением добродетели без единого пятнышка, жизненно не правдивы. В научной, школьной психологии это положение до сих пор почти не получило признания. Этим в значительной мере обусловлена абстрактность, нежизненность господствующей психологической науки, а также ряд существенных теоретических ее ошибок (в частности, в трактовке и определении одаренности детей посредством однократных кратковременных тестовых испытаний).

Каждый человек не только отличен от других, но он сам в различные моменты живет и действует на различных уровнях и достигает различных высот. И чем больше возможности человека и уровень его развития, тем более значительной бывает амплитуда таких колебаний. Самый выдающийся музыкант, актер, лектор иногда оказывает «не на высоте», т.е. не достигает уровня вообще доступных ему достижений, а в другой раз мы говорим, что он превзошел самого себя, т.е. в особенно благоприятный момент напряжения и подъема творческих сил поднялся на высоту, которой он обычно не достигает. Каждый человек таит в себе и иногда обнаруживает значительные вариации в смысле уровня, высоты функционирования. <...>

Нельзя ни разрывать единство личности, ни сводить его к простой однородности. Реальное единство психического облика личности многообразно и противоречиво. Но всегда находится в конце концов такая стержневая для данной личности позиция, с которой все свойственные ей противоречия смыкаются в единстве. Н. В. Гоголь в молодости писал своей матери: «Правда, я почитаюсь загадкой для всех, никто не разгадал меня совершенно. У вас почитают меня своенравным, каким-то несносным педантом, думающим, что он умнее всех, что он создан на другой лад от людей. Верите

ли, что я внутренне сам смеялся над собой вместе с вами. Здесь меня называют смиренником, идеалом кротости и терпения. В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., в третьем – болтлив и докучлив до чрезвычайности. У иных – умен, у других – глуп... Но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер».

Внешне различные и даже противоположные поступки могут выражать применительно к условиям конкретной ситуации одни и те же черты характера и проистекать из одних и тех же тенденций или установок личности. Обратное: внешне однородные и как будто тождественные поступки могут совершаться по самым разнородным мотивам, выражая совершенно не однородные черты характера и установки или тенденции личности. Один и тот же поступок один человек может совершить для того, чтобы помочь кому-нибудь, а другой – чтобы перед кем-нибудь выслужиться. Одна и та же черта характера, застенчивость например, может в одном случае проявиться в смущении, растерянности, в другом – в излишней шумливости и как будто развязности поведения, которой прикрывается то же смущение. Сами же смущение и застенчивость нередко порождаются весьма различными причинами – диспропорцией в одних случаях между притязаниями личности и ее способностями, в других – между ее способностями и достижениями и т.д. Поэтому ничего не поймет в поведении человека тот, кто не сумеет за внешним вскрыть свойства личности, ее направленность и тенденции, из которых исходит ее поведение.

В итоге три основных положения приобретают принципиальное значение для понимания психологии личности.

1. Психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются. Поэтому равно неправильны статическая точка зрения, которая исходит из свойств личности как чего-то изначально данного и рассматривает ее действия и поступки лишь как проявление независимой неизменной сущности, а также динамическая точка зрения, которая вовсе растворяет личность в ситуации и, пытаясь безостаточно объяснить поведение из складывающихся в ней динамических соотношений, превращает все свойства личности лишь в изменчивые состояния, лишенные какой бы то ни было, даже относительной, устойчивости.

Первая точка зрения знает личность только как предпосылку, вторая – в лучшем случае только как результат деятельности или лишь как собственно мнимую, воображаемую точку пересечения различных сил динамической ситуации. В действительности личность и ее психические свойства одновременно и предпосылка, и результат ее деятельности. Внутреннее психическое содержание поведения, складывающееся в ситуации, особенно значимой для личности, переходит в относительно устойчивые свойства личности, а свойства личности, в свою очередь, сказываются в ее поведении.

Нельзя, таким образом, ни отрывать личность от динамики ее поведения, в котором она и проявляется и формируется, ни растворять.

2. В психическом облике выделяются различные сферы, или черты, характеризующие разные стороны личности; но при всем своем многообразии, различии и противоречивости основные свойства, взаимодействуя друг с другом в конкретной деятельности человека и взаимопроникая друг в друга, смыкаются в единстве личности. Поэтому равно неправильны как точка зрения, для которой единство личности выражается в аморфной целостности, превращающей ее психический облик в туманность, так и противоположная ей, которая видит в личности лишь отдельные черты и, утратив внутреннее единство психического облика личности, тщетно ищет корреляций между внешними проявлениями этих черт.

3. Психический облик личности во всем многообразии психических свойств определяется реальным бытием, действительной жизнью человека и формируется в конкретной деятельности. Эта последняя сама формируется по мере того, как человек в

процессе воспитания и обучения овладевает исторически сложившимся содержанием материальной и духовной культуры.

Образ жизни человека, включающий в неразрывном единстве определенные исторические условия, материальные основы его существования и деятельность, направленную на их изменение, обуславливает психический облик личности, которая, в свою очередь, накладывает свой отпечаток на образ жизни.

В.Н. Мясищев

ПОНЯТИЕ ЛИЧНОСТИ В АСПЕКТАХ НОРМЫ И ПАТОЛОГИИ⁶⁹

Личность – высшее интегральное понятие. Личность характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности. В анализе эту систему можно дробить на бесконечное количество отношений личности к различным предметам действительности, но как бы в данном смысле эти отношения частичны ни были, каждое из них всегда остается личностным. Самое главное и определяющее личность – ее отношения к людям, являющиеся одновременно взаимоотношениями. В этом пункте субъективное⁷⁰ отношение, отчетливо проявляясь в реакциях и действиях, обнаруживает свою объективность, а индивидуально-психологическое становится социально-психологическим. Отношения человека избирательны прежде всего в эмоционально-оценочном (положительном или отрицательном) смысле. Отношения человека представляют сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях. В свою очередь они образуются и формируются в процессах деятельности.

Избирательные отношения человека многосторонни и сложны, но не разрозненны и не рядоположены, а составляют единую сформированную его опытом индивидуальную иерархическую историческую систему, внутренне связанную, хотя, может, быть, и противоречивую. Так, потребность и идеал могут вступать в конфликт друг с другом, вместе с тем в идеале или в требованиях долга, так же как и в потребностях, заключено внутреннее побуждение к действию. Идеал, первоначально как внешнее требование или правило, в процессе развития становится внутренним требованием.

Сознание, чувство и воля представляют то процессуальное триединство, которое выражается потенциально в отношении к каждому объекту и проявляется в различных отношениях, в интересах, в той или иной эмоциональной (положительной или отрицательной) оценке, в той или иной степени действенной активности – влечения, желания, стремления или потребности. Отношение – сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности. Отношения поэтому являются движущей силой личности.

Психологи неоднократно отмечали, что у личности могут преобладать органические, личные или сверхличные (общественные) цели, мотивы или потребности. Характеризуя личность, обычно говорят об ее направленности. Этот термин, однако, не вполне

⁶⁹ Статья опубликована в сборнике «Методологические проблемы психоневрологии» (1966). Текст дается по книге «Психология отношений», Москва – Воронеж, 1995. С. 48-53.

⁷⁰ Понятие «субъективный» имеет в психологии ряд значений. В данном контексте под субъективным имеется в виду принадлежность субъекту – существу, способному проявлять активность, направленную на объект, предмет (материальный или идеальный). Кроме того, субъективный – значит пристрастный, производящий выбор под влиянием собственных потребностей и интересов.

удовлетворителен. В сущности, речь идет о доминирующих отношениях, т.е. о большей или меньшей активности, реактивности, аффективности в отношении к тем или иным объектам. Так, доминировать могут «животные», конкретно личные или идейные интересы. Отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания. Подобно тому как объекты окружающей действительности имеют разную важность для человека, в системе его отношений имеется иерархия господствующих и подчиненных отношений. Эта система постоянно меняется, развивается, но всегда определяющую роль играют отношения между людьми, в целом обусловленные структурой общества, т.е. лежащими в его основе общественно-производственными отношениями. Общественно-историческая обусловленность личности обнаруживается прежде всего в том, что в характеристике одних личностей самым важным являются общественные, а других – личные интересы.

Первый план характеристики личности образуют доминирующие отношения последней. С вопросом о доминирующих отношениях связаны вопросы о том, для чего живет данный человек, что для него является смыслом жизни: руководят ли им социальный идеал блага или цели личного преуспевания или человек вообще не ставит перед собой отдаленных задач и целей, еле справляясь с захлестывающими его повседневными заботами.

Хотя важнейшей, и не только философски, но этически, психологически и житейски, проблеме счастья до сих пор уделяется мало внимания в научных исследованиях, она теснейшим образом связана с проблемой личности, ее целей, отношений и воспитания. Нельзя недооценивать и медицинскую сторону вопроса, так как болезнь или инвалидность вызывают реакцию личности (слабодушие, отчаяние, болезненное депрессивное состояние), крайним следствием которого может быть самоубийство. Другие болезненные формы выражают неудовлетворенность или конфликт с исходом в преступление или в реактивное невротическое или психотическое состояние.

Вторая группа свойств охватывает психический уровень человека. Это не только уровень его желаний, но и уровень его достижений. Определить данный уровень – значит ответить на вопросы: чего достиг человек, каковы его возможности, какой след он оставил в жизни общества, иначе говоря, каково историческое значение личности. Здесь опять-таки тесно соприкасаются психологический и социологический аспекты рассмотрения личности. Богатство личности определяется богатством ее опыта и, выражая уровень ее развития, неразрывно связано с ее сознательностью и ее самосознанием, под которым подразумевается способность личности правильно отражать действительность в ее настоящем и прошлом, а также предвидеть будущее, правильно оценивать себя самого и свое место в действительности.

Уровень развития личности одновременно является уровнем развития ее функциональных возможностей, ее, говоря языком психологических понятий, интеллектуальных, волевых, эмоциональных свойств. Сюда же относятся и такие еще малоизученные свойства, как сложность, тонкость, дифференцированность личности.

Аспекты общественного и культурного развития личности полностью не совпадают. Общественное развитие человека выражается той ролью, которую играют в его поведении общественные интересы по сравнению с личными. Культурный же уровень личности выражается соотношением идейных элементов индивидуального опыта и органических («витальных») импульсов поведения. Конечно, наиболее высокий уровень развития характеризуется сочетанием коллективизма с высокой культурой. Однако культурно развитый человек может быть индивидуалистом, а культурно не развитый – коллективистом. Культурное развитие первого, какого бы высокого уровня оно ни достигло, неполноценно, ущербно, ибо недоразвиты общественные связи и мотивы поведения. Коллективизм второго оказывается стихийным, примитивным, ибо

не сочетается с высоким культурным уровнем, необходимым для обеспечения общественной сознательности человека. Ступени общественного и культурного развития –отличаются различной ролью, которую на каждой из них играют для личности общественные и личные отношения.

Избирательная направленность отношений определяет и внешние и внутренние реакции личности. В социальном плане – это полюса внешней социальности и внутренней отзывчивости личности к другим людям и требованиям коллектива. Уровень развития и избирательность отношений характеризуют содержание личности.

Третьим существенным компонентом является динамика реакций личности. Она соответствует тому, что в психологии называется темпераментом и с физиологической стороны освещено И.П. Павловым как тип высшей нервной деятельности.

Следует только подчеркнуть, что: 1) темперамент проявляется во всех сторонах личности, в том числе в ее интеллектуальной и идейной жизни; 2) темперамент обнаруживается лишь в области активных отношений личности; 3) темперамент также может меняться под влиянием жизненных условий. <...>

Четвертый компонент характеристики личности – это взаимосвязь основных компонентов, или общая структура личности. Сюда относятся пропорциональность, гармоничность, цельность личности, ее широта и глубина, ее функциональный профиль, т.е. соотношение различных свойств психики или то, что по преимуществу называют характером личности.

Эта сторона важна для понимания таких волевых и моральных свойств, как устойчивость, настойчивость, выдержка, самообладание, отзывчивость, внимание к человеку, принципиальность, честность и противоположные им отрицательные качества. В названных свойствах, как в едином узле, связываются доминирующие отношения человека с уровнем его развития в целом, в отдельных сторонах и в динамике темперамента.

Это может быть показано на примере полярных свойств – коллективизма и индивидуализма. Во-первых, они выражают противоположные направления движущих сил человеческого поведения. Во-вторых, в общественно-историческом плане они выступают как разные уровни процесса развития от стихийного индивидуализма и коллективизма к сознательному. Наконец, они суть особенности характера личности, проявляющиеся на каждом шагу ее жизни.

Единство в структуре личности, соотношение в ней идеального и материального, социального и индивидуального следует рассматривать в связи с ее историческим развитием. Человек формируется в социальной среде, и в ходе этого процесса у него вырабатываются такие способы действия, которые благоприятствуют возникновению и развитию сознательных психических свойств, преобразованию биологического социальным (когда социальное из внешних условий, воздействий, требований, образцов, знаний и впечатлений переходит во внутренние потребности, привычки, требования личности к себе и к окружающим). Индивидуальное –постепенно, критически, не без борьбы, реорганизуется социальным и становится социальным, не утрачивая индивидуальности, но приобретая новый «социализированный» характер.

Несмотря на многообразие и изменение свойств личности, она в нормальных условиях остается единой. Это единство основывается на синтезе реакций и тенденций индивида, регулируемом его центральной нервной системой, на единстве его жизненного опыта. Личность многообразна в своем единстве, и различные люди, имея общие свойства, обладают как типичными, так и индивидуальными особенностями. Поэтому наряду с общими закономерностями развития личности важную теоретическую и практическую задачу представляет исследование психических особенностей человека.

С позиций монистически материалистического и исторического понимания личности человек есть сложное развивающееся единство физиологического и психического, биогенного и преобразующего его социогенного.

А.Н. Леонтьев

ИНДИВИД И ЛИЧНОСТЬ⁷¹

В психологии понятие индивида употребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность» составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово «личность» употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т.д.; то же, конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это обстоятельство лишней раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не рождаются, личностью становятся. Потому-то мы и не говорим о личности новорожденного или о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека. <...>

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, как и его

⁷¹ Фрагмент пятой главы «Деятельность и личность» из книги «Деятельность. Сознание. Личность». М., 1975. С. 175-188.

потребности (Маркс говорит: производство сознания, производство потребностей), личность человека тоже «производится» - создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности.

Выразим это иначе: особенности, характеризующие одно единство (индивида), не просто переходят в особенности другого единства, другого образования (личности), так что первые уничтожаются; они сохраняются, но именно как особенности индивида. Так, особенности высшей нервной деятельности индивида не становятся особенностями его личности и не определяют ее. Хотя функционирование нервной системы составляет, конечно, необходимую предпосылку развития личности, но ее тип вовсе не является тем «скелетом», на котором она «надстраивается». Сила или слабость нервных процессов, уравновешенность их и т.д. проявляют себя лишь на уровне механизмов, посредством которых реализуется система отношений индивида с миром. Это и определяет неоднозначность их роли в формировании личности.

Чтобы подчеркнуть сказанное, я позволю себе некоторое отступление. Когда речь заходит о личности, мы привычно ассоциируем ее психологическую характеристику с ближайшим, так сказать, субстратом психики – центральными нервными процессами. Представим себе, однако, следующий случай: у ребенка врожденный вывих тазобедренного сустава, обрекающий его на хромоту. Подобная грубо анатомическая исключительность очень далека от того класса особенностей, которые входят в перечни особенностей личности (в так называемую их «структуру»), тем не менее ее значение для формирования личности несопоставимо больше, чем, скажем, слабый тип нервной системы. Подумать только, сверстники гоняют во дворе мяч, а хромающий мальчик – в сторонке; потом, когда он становится постарше и приходит время танцев, ему не остается ничего другого, как «подпирать стенку». Как сложится в этих условиях его личность? Этого невозможно предсказать, невозможно именно потому, что даже столь грубая исключительность индивида однозначно не определяет формирования его как личности. Сама по себе она не способна породить, скажем, комплекса неполноценности, замкнутости или, напротив, доброжелательной внимательности к людям и вообще никаких собственно психологических особенностей человека как личности. Парадокс в том, что предпосылки развития личности по самому существу своему безличны.

Личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т.е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения – возникновения, развития и распада связей между ними – есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям.

Изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредованной

процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строения, ее развития и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. <...>

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества».

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. Оно радикально меняет понимание ее предмета и разрушает укоренившиеся в ней схемы, в которые включаются такие разнородные черты или «подструктуры», как, например, моральные качества, знания, навыки и привычки, формы психического отражения и темперамент. Источником подобных «схем личности» является представление о развитии личности как о результате наслаивания прижизненных приобретений на некий предсуществующий метапсихологический базис. Но как раз с этой точки зрения личность как специфически человеческое образование вообще не может быть понята.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений⁷². На этом пути мы, однако, с самого начала сталкиваемся с необходимостью переосмыслить некоторые общие теоретические положения.

Одно из них, от которого зависит исходная постановка проблемы личности, возвращает нас к уже упомянутому положению о том, что внешние условия действуют через внутренние. «Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эффектом опосредованно через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности...»⁷³. То, что внешнее действует через внутреннее, верно, и к тому же безоговорочно верно, для случаев, когда мы рассматриваем эффект того или иного воздействия. Другое дело, если видеть в этом положении ключ к пониманию внутреннего как личности. Автор поясняет, что это внутренне само зависит от предшествующих внешних воздействий. Но этим возникновение личности как особой целостности, прямо не совпадающей с целостностью индивида, еще не раскрывается, и поэтому по-прежнему остается возможность понимания личности лишь как обогащенного предшествующим опытом индивида.

Мне представляется, что, для того чтобы найти подход к проблеме, следует с самого начала обернуть исходный тезис: внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет. Положение это имеет совершенно реальный смысл. Ведь первоначально субъект жизни вообще выступает лишь как обладающий, если воспользоваться выражением Энгельса, самостоятельной силой реакции, но эта сила может действовать только через внешнее, в этом внешнем и происходит ее переход из возможности в действительность: ее конкретизация, ее развитие и обогащение – словом, ее преобразования, которые суть преобразования и самого субъекта, ее носителя.

⁷² См.: Л. Сэв. Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 413.

⁷³ С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. С. 118.

Теперь, т.е. в качестве преобразованного субъекта, он и выступает как преломляющий в своих текущих состояниях внешние воздействия.

Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личности – этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность. <...>

Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно деятельности субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, объединяющим их. Тем не менее оно единственно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности.

Прежде всего на этом пути устраняется главная трудность: определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом – смысле нейтральными. Дело в том, что, взятые сами по себе, в абстракции от системы деятельности, они вообще ничего не говорят о своем отношении к личности. Едва ли, например, разумно рассматривать как «личностные» операции письма, способность чистописания. Но вот перед нами образ героя повести Гоголя «Шинель» Акакия Акакиевича Башмачкина. Служил он в некоем департаменте чиновником для переписывания казенных бумаг, и виделся ему в этом занятии целый разнообразный и притягательный мир. Окончив работу, Акакий Акакиевич тотчас шел домой. Наскоро пообедав, вынимал баночку с чернилами и принимался переписывать бумаги, которые он принес домой, если же таковых не случилось, он снимал копии нарочно, для себя, для собственного удовольствия. «Написавшись всласть, - повествует Гоголь, - он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра».

Как произошло, как случилось, что переписывание казенных бумаг заняло центральное место в его личности, стало смыслом его жизни? Мы не знаем конкретных обстоятельств, но так или иначе обстоятельства эти привели к тому, что произошел сдвиг одного из главных мотивов на обычно совершенно безличные операции, которые в силу этого превратились в самостоятельную деятельность, в этом качестве они и выступили как характеризующие личность. <...>

Иногда дело обстоит иначе. В том, что с внешней стороны кажется действиями, имеющими для человека самоценное значение, психологический анализ открывает иное, а именно, что они являются лишь средством достижения целей, действительный мотив которых лежит как бы в совершенно иной плоскости жизни. В этом случае за видимостью одной деятельности скрывается другая. Именно она-то непосредственно и входит в психологический облик личности, какой бы ни была осуществляющая ее совокупность конкретных действий. Последняя составляет как бы только оболочку этой другой деятельности, реализующей то или иное действительное отношение человека к миру, - оболочку, которая зависит от условий, иногда случайных. Вот

почему, например, тот факт, что данный человек работает техником, сам по себе еще ничего не говорит о его личности; ее особенности обнаруживают себя не в этом, а в тех отношениях, в которые он неизбежно вступает, может быть, в процессе своего труда, а может быть, и вне этого процесса.

Общий вывод из сказанного состоит в том, что в исследовании личности нельзя ограничиваться выяснением предпосылок, а нужно исходить из развития деятельности, ее конкретных видов и форм и тех связей, в которые они вступают друг с другом, так как их развитие радикально меняет значение самих этих предпосылок. Таким образом, направление исследования обращается – не от приобретенных навыков, умений и знаний к характеризующим ими деятельности, а от содержания и связей деятельностей к тому, как и какие процессы их реализуют, делают их возможными.

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта – общими и индивидуальными, врожденными и приобретаемыми прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело – иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу – достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило – не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т.е. осуществляли двоякую деятельность: одну – по отношению к экспериментатору, другую – по отношению к предмету (награде). Как показывает наблюдение, в то время когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация «сшибки». Иерархическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, post

faktum⁷⁴: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, личностному смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в более младшем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать. Резюмирует его.

А.В. Петровский

ТЕОРИЯ ЛИЧНОСТИ С ПОЗИЦИЙ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПСИХОЛОГИИ⁷⁵

При анализе категориального строя психологической науки, как следует из изложенного выше, выделяется шесть базисных категорий, каждая из которых характеризует одну из сторон предмета психологии: индивид, образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, переживание. Категориальный анализ позволяет увидеть за эмпирико-теоретическими построениями любой психологической системы или частной концепции контуры их категориального аппарата, существование которого может оставаться скрытым для создателей и сторонников этих концепций и систем. Осмысление категориального аппарата науки является одним из условий формирования релевантной методологии исследования. Нет основания полагать, что в истории науки все эти категории строго одновременно стали предметом рефлексии, а

⁷⁴ Post faktum (лшат.) – 1) после того, как событие произошло; 2) по отношению к прошлому, уже случившемуся; задним числом.

⁷⁵ Фрагмент главы «Категория личности» (написана А.В. Петровским) из книги А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского «Основы теоретической психологии». М., 1998. С. 257-261.

также методологически и теоретически организованного изучения. Освоение указанных категорий осуществлялось в определенной последовательности, порождая в поступательном движении научного знания разветвленную систему понятий, концепций, эмпирических исследований и добытых фактов, формируя конкретное содержание отраслей психологии...

Понимание социальной сущности человека, включенности индивида в исторически возникающую и исторически изменяющуюся систему общественных отношений органически входит в трактовку категорий «психосоциальное отношение» и «организм – индивид – личность», образуя их методологическое основание, определяя общие подходы к построению программ научного исследования в области интенсивно развивающейся социальной психологии и психологии личности.

Все сказанное позволяет использовать категории «организм – индивид – личность» для построения общепсихологической теории личности. <...>

Методологические основания теории личности

Таким образом, определены исходные принципиальные позиции для построения общепсихологической теории личности. Уточним, что имеется в виду, когда она обозначается как «общепсихологическая». Речь в данном случае идет не столько о ее общей методологической и онтологической схеме (при всей ее важности), сколько о том, что данный теоретический конструкт представлен в присущих ему характеристиках и связях, которые выявляются во всех отраслях психологии: не только в так называемой общей психологии, но и в социальной, возрастной, педагогической, юридической, психологии управления, патопсихологии и других, выступая в присущей научной теории программирующей роли по отношению к соответствующей практической сфере (образованию, производству, медицине, правопорядку).

Как всякая научная теория, теория личности должна отвечать общему методологическому требованию – дать целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности (личности человека), предложить целостную (при ее внутренней дифференцированности) систему знаний, которая содержала бы в себе методы не только объяснения, но и предсказания, возникновения определенных феноменов в определенных условиях и которую характеризовала бы логическая зависимость одних ее сторон от других, принципиальная возможность выведения ее содержания из некоторой совокупности исходных утверждений. Выше в восьми тезисах. Выполняющих функцию своего рода пролегоменов (предварительных суждений, входящих в изучение предмета) к предстоящему теоретическому построению, показана совокупность утверждений (постулатов, допущений, законов и т.д.), образующих исходный базис общепсихологической теории личности, тем самым оказывается возможным построить теоретическую модель существенных связей, выступающих в определенной психологической реальности – личности человека. Возникновение теории личности не может быть оторвано от ее эмпирической основы, охватывающей множество накопленных в общей, социальной, детской психологии, патопсихологии, психотерапии фактов, добытых экспериментально, но пока еще разрозненных и не обобщенных.

Здесь описана в самом общем виде теоретическая абстракция, обеспечивающая последующее восхождение к конкретному. Только так (на пути от абстрактного к конкретному) можно развивать ее в систему взаимосвязанных концепций, содержание которых включает утверждения с их эмпирическими доказательствами, и построить

конкретные теоретические конструкции, отстраиваемые от совокупности вводимых общетеоретических принципов.

Что же представляет собой теория личности, ее наиболее общая модель? Она, по существу, должна совпадать с определением личности, описывающим ее в системе наиболее существенных связей и зависимостей и отвечающим основным общенаучным методологическим принципам: детерминизма, системности, развития. Тогда теоретическая модель личности должна быть представлена как определяемое активной включенностью в общественные отношения системное качество их субъекта (индивида), имеющее трехзвенную структуру (интра-, интер- и метаиндивидуальную его репрезентации), развивающуюся в общении и совместной деятельности и ею опосредствованную.

Рассмотрим, в чем здесь проявляется следование общенаучным методологическим принципам.

Принцип детерминизма применительно к психологической теории личности ориентирован не только на идею причинности как совокупности обстоятельств, предшествующих во времени следствию, но и на другие его формы (М.Г. Ярошевский): на системный детерминизм, обнаруживающийся в зависимости отдельных компонентов системы от свойств целого, а также на целевой детерминизм, в соответствии с которым цель определяет процесс достижения результата. Представление об активности личности, ее направленности, которое утвердилось в психологии начиная со второй половины 30-х годов XX века, создает методологические предпосылки для реализации принципа детерминизма на уровне категории «психосоциального отношения». В психологии были выдвинуты трактовка детерминизма как действия «внешних причин через внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн) и трактовка детерминизма как действия «внутреннего через внешнее» (А.Н. Леонтьев).

Детерминистический тезис о том, что, изменяя в деятельности реальный мир, субъект изменяется сам, что и объясняет личностные трансформации индивида, оказалось возможным распространить и на область межличностных связей, в которых наиболее полно выявляет себя категория психосоциального отношения. Так же, как индивид в предметной деятельности изменяет окружающий мир и посредством этого изменения изменяет себя, становится личностью, социальная группа в своей совместной социально значимой деятельности конструирует и изменяет систему межличностных отношений и межличностного взаимодействия, становится коллективом. Феномены межличностных отношений отчетливо это обнаруживают. Так, самоопределение в отношении задач групповой деятельности складывается как результат активной деятельности по претворению в жизнь поставленных перед ней целей, то есть межличностные отношения преобразуются деятельностью, которая направлена вовне на присвоение социально значимого предмета, а не на сами эти межличностные отношения.

С позиции детерминизма развитие личности как системного качества индивида обусловлено социально, хотя сам индивид обладает биологическими предпосылками для своего развития.

Принцип развития в психологической теории личности реализуется в понимании процесса превращения биологических структур индивида в социально обусловленные структуры его личности. Таким образом строится представление о социогенезе личности как результирующей взаимодействующих в ней двух противоборствующих тенденций – к сохранению и к изменению развивающихся социальных систем. Развитие личности в онтогенезе определяется наличием и преодолением противоречия между потребностью индивида в персонализации и способностью посредством

соответствующей деятельности быть персонализированным в социальной ситуации развития.

Принцип системности (или системный подход) в составе методологической модели теории личности позволяет представить ее в качестве целостности, в которой выявляются разнокачественные и разноуровневые связи, как синтез структурно-функциональных и фило-онтогенетических представлений. Этим преодолевается тот подход к личности, который обозначен как «коллекционерский».

Этот принцип не мог быть обнаружен в общих системных представлениях, хотя и не мог быть без них сформулирован. Его следовало открыть в ткани самой психологической реальности. Для этой цели потребовалось: во-первых, преодолеть «птолемеевское» понимание человека в пользу его «коперниканской» трактовки как части социального целого, системы общественных связей; во-вторых, преодолеть гипноз «постулата непосредственности». Это оказалось возможным сделать в условиях системного анализа категорий «психосоциальное отношение» и «организм – индивид – личность», осуществленного при соприкосновении психологической теории коллектива (стратометрическая концепция) и психологической теории личности. Они должны были пересечься и действительно пересеклись в центральном для той и другой теории пункте – в выявлении системообразующего принципа, которым оказался принцип деятельностного опосредствования.

Системообразующий принцип – это тот общий объяснительный принцип, с помощью которого очерчивается и структурируется теория. Методологическая сущность этого принципа при построении теории личности состоит в том, что отношение одного человека к другому, равно как и отношение развития личности к его результату, мыслится через обращение к третьему объекту – предметной деятельности, которая в наиболее развитой своей форме имеет совместный характер, является следствием объединения людей в труде и общении. При этом, оказываясь исходно опосредствованными содержанием и организацией совместной деятельности, межличностные отношения и качества развивающейся личности в свою очередь воздействуют на ее процесс и результаты: субъект – объект - субъектные связи выступают в единстве с субъект - субъект - объектными как две стороны одной системы.

Онтологическая модель личности

Принцип деятельностного опосредствования межличностных отношений личности и ее развития является общим системным принципом построения общепсихологической теории личности, в котором находят реализацию общенаучные методологические принципы детерминизма, развития и системности.

От конкретной методологии как системы принципов и способов построения теории личности целесообразно перейти к описанию ее онтологической модели, выделив основные категории анализа объекта теории и показав принципы их соотношения, понятийный аппарат.

Единицами анализа для теории личности могут служить понятия «индивид», «личность», «индивидуальность», «активность», «деятельность», «общение», «группа», «коллектив», «сознание», «развитие» (биогенез организма, биосоциогенез индивида, онтогенез личности, социогенез личности в историко-эволюционном процессе).

Для построения онтологической модели постулируемой общепсихологической теории с необходимостью должны быть указаны принципы соотношения основных категорий

анализа, используемых для описания и понимания личности как психологической реальности. Наиболее общим принципом соотнесения категорий, входящих в понятийный аппарат теории личности, является признание единства, но не тождества образующих его понятийных пар как единиц категориального (здесь микрокатегориального) анализа ее общей конструкции. Так, понятие «индивид», образуя единство с понятием «личность», не может рассматриваться как ему тождественное. Сам факт признания единства, но не тождества этих понятий, а следовательно, стоящих за ними объектов аналитического рассмотрения психологической реальности, порождает задачу не только понять их соотношение как свойства (личности) и носителя этого свойства индивида), но и поставить ряд принципиальных методологических проблем их взаимоотношений, постулируя, к примеру, идею потребности и способности индивида «быть личностью». Онтологическая расчлененность оборачивается специальной методологической проблемой.

Принцип единства, но не тождества основных категорий анализа относится не только к понятиям «индивид» и «личность», но и к другим составляющим онтологической модели теории личности: личность – индивидуальность, активность – деятельность, группа – коллектив, биогенез – биосоциогенез, онтогенез – социогенез, развитие личности – развитие сознания.

От методологических и онтологических подходов создания теории следует перейти к выявлению возможностей, заложенных в ее исходных посылах (постулатах), путем восхождения от абстрактного к конкретному и развить систему взаимосвязанных теоретических конструкций (концепций, «теорий среднего уровня»), объединенных и обусловленных рассмотренными методологическими и онтологическими основаниями. Только таким образом можно в рамках выделенных выше исходных тезисов и методологических принципов охватить многообразие эмпирических данных и конкретных методов и методик, относящихся к исследуемому предмету – психологии личности, обобщить совокупность утверждений с их доказательствами.

Следует выделить три аспекта рассмотрения конкретной феноменологии личности, три своего рода онтологические модальности: ее генезис, динамику содержания, структуру, а следовательно, построить или освоить) концепции, которые, исходя из принципа деятельностного опосредствования, оказались бы в состоянии выявить закономерности психологии личности, проявляющиеся в этих ее аспектах (модальностях), охватить соответствующий эмпирический материал, вобрав в себя открывающуюся в нем феноменологию, найти и применить валидные методы его получения, на принципиальных основаниях осуществить соотнесение с другими социально-психологическими и персонологическими теориями. Вместе с тем необходимо и возможно, раскрыв логическую зависимость конструируемых концепций друг от друга, представить их в виде единой теоретической системы при всей ее внутренней дифференцированности.

При рассмотрении генезиса личности выделяются три методологически обоснованные задачи: 1) рассмотреть развитие индивида как результат взаимодействия генотипа и социальной среды и тем самым создание предпосылок для становления личности (условно обозначим этот процесс как «биосоциогенез»); 2) исследовать развитие личности человека вследствие деятельностно-опосредствованных взаимоотношений с референтными для нее группами как в условиях относительно стабильных общностей, так и в обстоятельствах включения в различные референтные группы, иерархически расположенные на ступенях онтогенеза, или изменения позиции личности по отношению к этим группам; 3) изучить особенности социогенеза личности и межличностных отношений, обусловленные включенностью в трудовую деятельность в рамках конкретной социально-экономической формации.

Соответственно этим задачам рассматриваются три взаимосвязанные концепции, отвечающие принципам общепсихологической теории личности.

Первая, которая условно может быть обозначена как психогенетическая концепция индивидуальности (научная школа Б.М. Теплова), при исследовании происхождения индивидуальных психологических особенностей человека выясняет роль генотипа и среды в их формировании, используя главным образом близнецовый метод.

Утверждается, что в онтогенезе происходит смена механизмов, которыми реализуются психические функции индивида, а также смена элементарных форм, господствующих на ранних его этапах, социальными формами, опосредствованными общением и деятельностью ребенка. При этом проверяется продуктивная гипотеза, согласно которой со сменой механизмов перестраивается отношение индивидуально-психологических особенностей к генотипу: с возрастанием значения специфически человеческих, социальных по своему происхождению факторов сокращается доля генетической изменчивости в развитии индивидуальных по своему происхождению факторов, в развитии индивидуально-психологических особенностей человека. Являющаяся прямым продолжением нейрофизиологической концепции факторов индивидуально-психологических различий, рассматриваемая концепция по всем позициям должна быть соотнесена с теориями, отводящими наследственности роль фатального фактора, и вообще – с различными модификациями теории двух факторов.

Своего рода продолжением рассмотрения этого круга идей, если меть в виду усиление роли системообразующего фактора – деятельностного опосредствования, в формировании личности индивида является концепция развивающейся личности (А.В. Петровский). В ее основе лежит идея трех фаз становления личности в социальной среде (микро- или макросреде) – адаптации, индивидуализации и интеграции, возникновение и протекание которых связаны с наличием социогенной потребности индивида в персонализации и с деятельностно опосредствованными возможностями удовлетворять ее в референтных группах. На основе данной концепции предложена возрастная периодизация развития личности, не совпадающая с существовавшими ранее концепциями психического развития человека.

Третья задача – понимание социогенеза – находит свое воплощение в историко-эволюционном подходе к пониманию личности (А.Г. Асмолов), который, в свою очередь, базируется на принципе деятельностного опосредствования. Отвечая на вопрос, посредством каких механизмов осуществляется вклад личности в социокультурную историю, предлагаемый подход выделяет в качестве системообразующего основания, обеспечивающего развитие личности и способствующего его конкретно-исторической специфике в той или иной культуре, опосредствующий фактор – совместную предметную деятельность. Таким образом, все три рассмотренные теоретические конструкции связаны между собой и отвечают общему методологическому принципу – деятельностному опосредствованию.

Д.Н. Узнадзе

УСТАНОВКА У ЧЕЛОВЕКА.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВАЦИИ⁷⁶

...Нет ничего характернее для человека, чем тот факт, что окружающая его действительность влияет на него двояко – либо прямо, посылая ему ряд раздражений, непосредственно действующих на него, либо косвенно, через словесные символы, которые, сами не обладая собственным независимым содержанием, лишь презентируют нам то или иное раздражение. Человек воспринимает либо прямое воздействие со стороны процессов самой действительности, либо воздействие словесных символов, представляющих эти процессы в специфической форме. Если поведение животного определяется лишь воздействием актуальной действительности, то человек не всегда подчиняется непосредственно этой действительности; большей частью он реагирует на ее явления лишь после того, как он преломил их в своем сознании, лишь после того. Как он осмыслил их. Само собой разумеется, это очень существенная особенность человека, на которой, быть может, базируется все его преимущество перед другими живыми существами.

Но возникает вопрос, в чем заключается эта его способность, на чем, по существу, основывается она.

Согласно всему тому, что мы уже знаем относительно человека, естественно приходит в голову мысль о той роли, которую может играть в этом случае его установка. Перед нами стоит задача установить роль и место этого понятия в жизни человека.

Если верно, что в основе нашего поведения, развивающегося в условиях непосредственного воздействия окружающей нас среды, лежит установка, то может возникнуть вопрос. Что же происходит с ней в другом плане – плане вербальной, репрезентированной в словах действительности? Играет ли и здесь какую-либо роль наша установка или эта сфера нашей деятельности построена на совершенно иных основаниях? <...>

Область установок у человека. Допустим, что акт объективации завершился и возникший на ее базе процесс мышления разрешил задачу во вполне определенном смысле. За этим обычно следует стимуляция установки, соответствующей разрешенной задаче, а затем и усилие для целей ее осуществления, ее проведения в жизнь. Таков чисто человеческий путь психической деятельности.

Возникает вопрос: не считать ли в процессе активности психической жизни человека этот путь единственно необходимым путем, который не оставляет более места для непосредственной активности установки?

Выше, при анализе проблемы объективации, мы пришли к выводу, что субъект обращается к ее актам только в том случае, когда в этом возникает необходимость – когда он стоит перед задачей, не поддающейся разрешению под непосредственным руководством установки. Но если этого нет, если задача может быть разрешена и непосредственно, на базе установки, то в таких случаях в активности объективации нет нужды и субъект обходится лишь мобилизацией соответствующих установок.

Допустим, что задача впервые была разрешена на базе объективации. В таких случаях, при повторном выступлении той или аналогичной задачи, в объективации нет более нужды и она разрешается на базе соответствующей установки. Раз найденная установка может пробуждаться к жизни и непосредственно, помимо впервые опосредовавшей ее объективации. Так растет и развивает объем установочных состояний человека: в него

⁷⁶ Фрагменты работы Узнадзе: Экспериментальные основы психологии установки. 1949. Текст издается по изданию: Психологические исследования. М., 1966. С. 248, 289-292.

включаются не только непосредственно возникающие установки, но и те, которые когда-то раньше были опосредованы актами объективации.

Круг установок человека не замыкается такого рода установками – установками, опосредованными случаями объективации и возникшими на ее основе собственными актами мышления и воли. Сюда нужно отнести и те установки, которые впервые когда-то были построены на базе объективации других, например, творчески установленных субъектов, но затем они перешли в достояние людей в виде готовых формул, не требующих более непосредственного участия процессов объективации. Опыт и образование, например, являются дальнейшими источниками такого же рода формул. Им посвящается специальный период в жизни человека – школьный период, захватывающий все более и более значительный отрезок времени нашей жизни. Но обогащение такого же рода сложными установками продолжается и в дальнейшем – опыт и знание человека непрерывно растут и расширяются.

Таким образом, расширение области человеческих установок в принципе не имеет предела. В нее включаются не только установки, развивающиеся непосредственно на базе актуальных потребностей и ситуации их удовлетворения, но и те, которые возникали когда-нибудь на базе лично актуализованных объективаций или были опосредованы при содействии образования – изучения данных науки и техники. <...>

Подведем итоги сказанному. На человеческой ступени развития мы встречаемся с новой особенностью психической активности, с особенностью, которую мы характеризуем как способность объективации. Она заключается в следующем: когда человек сталкивается в процессе своей активности с каким-нибудь затруднением, то он, вместо того чтобы продолжать эту активность в том же направлении, останавливается на некоторое время, прекращает ее, с тем чтобы получить возможность сосредоточиться на анализе этого затруднения. Он выделяет обстоятельства этого последнего из цепи непрерывно меняющихся условий своей активности, задерживает каждое из этих обстоятельств перед умственным взором, чтобы иметь возможность их повторного переживания, объективирует их, чтобы, наблюдая за ними, решить, наконец, вопрос о характере дальнейшего продолжения активности.

Непосредственным результатом этих актов, задерживающих, останавливающих нашу деятельность, является возможность воспризнания их как таковых – возможность идентификации их: когда мы объективируем что-нибудь, то этим мы получаем возможность сознавать, что оно остается равным себе за все время объективации, что оно остается самим собой. Говоря короче, в таких случаях вступает в силу прежде всего принцип тождества.

Но этого мало! Раз у нас появляется идея о тождественности объективированного отрезка действительности с самим собой, то ничто не мешает считать, что мы повторно можем переживать эту действительность любое число раз, что она за все это время остается равной себе. Это создает психологически в условиях общественной жизни предпосылку для того, чтобы объективированную и, значит, тождественную себе действительность обозначить определенным наименованием, короче говоря, это создает возможность зарождения и развития речи.

На базе объективированной действительности и развивающейся речи развертывается далее и наше мышление. Это оно представляет собой могучее орудие для разрешения возникающих перед человеком затруднений, оно решает вопрос, что нужно сделать для того, чтобы успешно продолжать далее временно приостановленную деятельность. Это оно дает указания на установку, которую необходимо актуализировать субъекту для удачного завершения его деятельности.

Но для того чтобы реализовать указания мышления, нужна специфически человеческая способность – способность совершать волевые акты – необходима воля, которая создает человеку возможность возобновления прерванной активности и направления ее в сторону. Соответствующую его целям.

Таким образом, мы видим, что в сложных условиях жизни человека, при возникновении затруднений и задержке в его деятельности, у него активируется прежде всего способность объективации – эта специфически человеческая способность, на базе которой возникают далее идентификация, наименование (или речь) и обычные формы мышления, а затем, по завершении мыслительных процессов, и акты воли, снова включающие субъекта в целесообразном направлении в процесс временно приостановленной деятельности и гарантирующие ему возможность удовлетворения поставленных им себе целей.

Объективация – специфически человеческая способность, и на ее базе существенно усложняется и запас фиксированных у человека установок. Нужно иметь в виду, что установка, опосредованная на базе объективации, может активироваться повторно, в соответствующих условиях, и непосредственно, без нового участия акта объективации. Она вступает в круг имеющихся у субъекта установок и выступает активно, наряду с прочими установками, без вмешательства акта объективации. Таким образом, становится понятным, до какой степени сложным и богатым может сделаться запас человеческих установок, включающих в себя и те, которые были когда-нибудь опосредованы на базе объективации.